

А.Ю. Викулин

ОСНОВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕФЕКТОЛОГИИ

Часть вторая:
Общие положения
законодательства
и их дефекты

Том 1

Москва
2020

УДК 340.13.09

ББК 67.06

В43

Викулин, А.Ю.

В43 Основы законодательной дефектологии. Часть вторая: Общие положения законодательства и их дефекты. Том 1. — М. : ООО «Новые печатные технологии», 2020. — 384 с.

ISBN 978-5-6043734-7-7

В монографии доктора юридических наук, генерального директора АО «Национальное бюро кредитных историй» Александра Юрьевича Викулина рассмотрены существенные характеристики общих положений законодательства (целей и предмета правового регулирования), закономерности и свойства их дефектности, ее причины и последствия, психологические и политологические аспекты российско-го законотворчества и ответственности законодателя.

Для членов Федерального собрания Российской Федерации, представителей иных органов власти, студентов, аспирантов, преподавателей учебных заведений, научных работников и всех, кто интересуется вопросами совершенствования законодательства и современной культуры законотворчества.

УДК 340.13.09

ББК 67.06

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или ее части в любом виде воспрещается без письменного разрешения автора.

ISBN 978-5-6043734-7-7

© Викулин А.Ю., 2020

Оглавление

Предисловие.....	7
Глава 1. КОНЦЕПТЫ ДЕФЕКТОЛОГИИ ОБЩИХ ПОЛОЖЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....	21
1.1. Понятие и особенности общих положений законодательства и их дефектов	21
1.1.1. Сущность, классификация и прозрачность общих положений законодательства.....	21
1.1.2. Структура и иерархия общих положений законодательства	32
1.1.3. Порядок формирования общих положений законодательства	34
1.1.4. Понятие дефектов общих положений законодательства, их причины и последствия	41
1.1.5. Недостатки законодательной доктрины и правовой парадигмы как причины дефектов общих положений законодательства.....	47
1.1.5.1. Дефектность законодательной парадигмы.....	47
1.1.5.2. Отсутствие общепринятой правовой доктрины	53
1.2. Закономерности функционирования дефектов общих положений законов и их свойства.....	64
1.2.1. Эпитаксия дефектов общих положений закона	68
1.2.2. Законодательная супрессия.....	72
1.2.3. Законодательная контагиозность	74

1.2.3.1. Простая законодательная контагиозность	75
1.2.3.2. Квалифицированная законодательная контагиозность.....	83
1.2.4. Ригидность и синергия дефектов общих положений законодательства.....	93
Глава 2. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ И ЕГО ДЕФЕКТНОСТЬ	96
2. 1. Цель, правовая цель, целеполагание в праве	96
2.1.1. Понятие и классификация целей	96
2.1.2. Правовая цель	106
2.1.3. Целеполагание в праве.....	107
2.2. Дефекты законодательного целеполагания.....	111
2.2.1. Причины дефектности законодательного целеполагания.....	111
2.2.2. Виды дефектов законодательного целеполагания.....	116
2.2.2.1. Дефект отсутствия целей.....	117
2.2.2.2. Дефект нелегитимности целей закона	120
2.2.2.3. Дефект некорректности целеполагания закона	128
2.2.2.4. Дефект неизмеримости целеполагания закона	132
2.2.2.5. Дефект нечеткости (неполноты) задания цели.....	135
2.3. Преодоление дефектов целеполагания в Законе № 218-ФЗ	137
2.3.1. Первая попытка	140
2.3.2. Вторая попытка	147
2.3.3. Третья попытка	150

Глава 3. ПРЕДМЕТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАКОНА И ЕГО ДЕФЕКТЫ.....	155
3.1. Предмет правового регулирования и смежные понятия	155
3.1.1. Предмет правового регулирования.....	155
3.1.2. Объект правового регулирования	160
3.1.3. Сфера и пределы правового регулирования.....	164
3.1.4. Требования к предмету правового регулирования.....	167
3.2. Дефекты предмета правового регулирования	170
3.2.1. Дефект нелегитимности предмета правового регулирования.....	171
3.2.2. Дефект отсутствия предмета правового регулирования.....	186
3.2.3. Дефект ограничения предмета правового регулирования.....	187
3.2.4. Дефект расширения предмета правового регулирования.....	189
3.2.5. Дефект пересечения предметов правового регулирования.....	190
3.2.6. Дефект смешения предмета правового регулирования с целями.....	192
3.2.7. Дефект дробления предмета правового регулирования.....	194
3.2.8. Дефект формальности предмета правового регулирования.....	195
Глава 4. ИНТЕРНАУЧНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА	198
4.1. Психологические аспекты законотворчества	200
4.1.1. Психология законотворчества как наука	200

4.1.2. Депутатский (чиновничий) аутизм.....	205
4.1.2.1. Индивидуальный депутатский (чиновничий) аутизм	209
4.1.2.2. Групповой депутатский (чиновничий) аутизм	221
4.1.3. Законодательные симулякры	232
4.1.3.1. Понятие и примеры законодательных симулякров	233
4.1.3.2. Аксиология, причины и последствия законодательных симулякров	238
4.2. Политологические аспекты законотворчества	244
4.2.1. Правотворческая и законодательная политика	244
4.2.2. Тенденции законодательной политики.....	248
4.2.3. Государственный супрематизм	258
4.3. Ответственность законодателя.....	275
4.3.1. Возможность и необходимость.....	275
4.3.2. Понятие и основания	284
4.3.3. Вина законодателя.....	288
4.3.4. Этнос законотворчества	292
Заключение	300
Словарь дефектологии общих положений законодательства	304
Список использованной литературы	313

Предисловие

Первым вопросом, который хотелось бы затронуть в начале настоящей работы, является вопрос правомерности использования наименования «законодательная дефектология». Дело в том, что не так давно при обсуждении одной из работ автора¹ между двумя академиками РАН состоялась дискуссия по этому вопросу, в ходе которой были высказаны сомнения в правильности такого наименования и пожелание переименовать работу. Обосновывалось это тем, что «дефектология» — это наука, изучающая психофизические особенности развития детей с психическими и (или) физическими недостатками, а также закономерности их обучения и воспитания², в связи с чем применение этого термина в другом контексте не вполне правомерно. Мы не разделяем эту точку зрения, хотя и не можем отрицать общеизвестное: дефектология — это наука, изучающая недостатки развития человека.

Наш подход базируется на происхождении слова «дефектология»³, которое, строго говоря, означает «наука (учение) о недостатках». В связи с этим представляется,

---

¹ Викулин А.Ю. Начала теории законодательных дефектов. М., 2019.

² См.: Азбукин Д.И. Проблемы специальной педагогики и психологии // Труды Института дефектологии. 1948; Вопросы воспитания нормального и дефективного ребенка. М., 1924; Выготский Л.С. Основы дефектологии. СПб., 2003; Ласточкина Е.Г. Методическая записка // Дефектология. 1969. № 3; Скороходова О.И. О некоторых эстетических восприятиях слепоглухих // Развитие психики в условиях сенсорных дефектов. М., 1966; Трошин Г.Я. Антропологические основы воспитания: Сравнительная психология нормальных и ненормальных детей. Пг., 1915.

³ Слово «дефектология» происходит от соединения латинского «defectus» (недостаток) и греческого «λόγος» (учение, наука).

что это понятие можно употреблять при изучении недостатков развития не только человека, но и общества, науки, политики, экономики, права и других социальных явлений. При этом добавление к слову «дефектология» слова «законодательная» указывает на особенности подразумеваемых феноменов (явлений и процессов) и представляет собой достаточно ясный признак, разграничивающий понятия «дефектология» и «законодательная дефектология». Такое добавление создает сопутствующее значение вновь образованной языковой единицы, так как включает дополнительные семантические или стилистические функции, устойчиво связанные с основным значением исходных языковых единиц⁴ в сознании носителей языка. В данном случае происходит взаимное наложение смыслов, их уплотнение и на этой основе — появление нового смысла. Соединение языковых единиц «законодательная» и «дефектология»:

- порождает новый смысл, отражающий смыслозначимые свойства отображаемых явлений (процессов) и отношений между ними;
- показывает стремление к намеренному и целенаправленному усилению типических структурных и/или семантических черт названных языковых единиц с целью обобщения, типизации и становления новой порождающей модели словоупотребления.

Данная коннотация вполне отображает русские языковые традиции и представляет собой разновидность прагматической информации, отражающей в данном случае не

---

⁴ О языковых единицах см.: Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Очерк грамматики русского литературного языка. Ч. I: фонетика и морфология. М., 1945; Ахманова О.С. Единицы языка // Словарь лингвистических терминов. 4-е изд. М., 2007; Булыгина Т.В. Единицы языка // Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М., 1969–1978; Единицы языка // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.

только сами предметы и явления, но и определенное отношение к ним⁵. Таким образом, наименование «законодательная дефектология» наиболее емко, четко и полно очерчивает потенциал предмета, методологии и особенностей соответствующей сферы научного знания. К тому же изобретение другого словосочетания, которое столь же полно отвечало бы предъявляемым требованиям, будет сопряжено со значительными трудностями. Например, словосочетание «законодательная дефектономия»⁶ представляется не вполне удачным, так как содержит повторение близких по значению и смыслу слов (тавтологию) и представляет собой оборот речи, в котором происходит дублирование некоторого элемента смысла и наблюдается наличие нескольких языковых форм, выражающих одно и то же значение, в пределах законченного отрезка речи (плеоназм)⁷.

Можно было бы отбросить слово «законодательная» и ограничиться термином «дефектономия», который обозначал бы науку, изучающую дефекты законов и правового порядка. Но в этом случае в связи с неоднозначностью слова «νόμος» пропадает необходимая нам нацеленность

---

⁵ О коннотации см.: Апресян Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова // Избранные труды. Т. 2. М., 1995; Говердовский В.И. История понятия коннотации // Науч. докл. Высш. шк. филол. науки. 1979. № 2. С. 83–86; Ревзина О.Г. О понятии коннотации // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве : сб. науч. ст. к 80-летию проф. К.В. Горшковой. М., 2001. С. 436–446; Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

⁶ Термин «дефектономия» образован от соединения латинского «defectus» (недостаток) и греческого «νόμος» (закон, порядок).

⁷ О плеоназме см.: Виноградов В.А. Плеоназм. Редупликация. Тавтология // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; Голуб И.Б. Основы красноречия. М., 2000. С. 17–18; Дюбуа Ж. и др. Общая риторика. М., 1986; Лебедева Л. Плеоназм // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979; Ляховецкая О.Я. Виды плеонастических выражений в разноструктурных языках // Семантические процессы и их проявление в языках разного типа. Саратов, 1985.

на исследование дефектов законодательства, а не подзаконных правовых актов, правопорядка, юридических документов и т. д.

В отличие от других авторов, наша цель состоит в том, чтобы заострить внимание именно на законодательных дефектах. Мы исходим из необходимости, имеющей двойственный характер.

С одной стороны, мы хотим сосредоточиться на дефектах не права или социального порядка вообще, а на дефектах законодательства, необходимость чего обусловлена его значимостью, особой ролью и непосредственным влиянием на права и свободы человека, гражданский мир, согласие и сохранение исторически сложившегося государственного единства. При этом представляется очевидным, что неизбежным следствием устранения дефектов из законодательства будет исправление подзаконных нормативных правовых актов.

С другой стороны, мы не хотим, подобно другим авторам, замыкаться в рамках какой-либо одной отрасли законодательства, так как такая специализация препятствует выявлению масштабов проблемы и значимости стоящих задач. Поэтому необходимо попытаться, как писал Юстиниан, приступить «к высшему и полнейшему исправлению права», так как «отрасли законов... находятся в таком смешении, что они распространяются беспредельно»⁸.

Говоря об использовании термина «дефектология» применительно к явлениям права, следует подчеркнуть, что не мы являемся автором этой идеи. В литературе уверенно говорят о правовой дефектологии⁹, конституционно-

⁸ Дигесты Юстиниана / пер. И.С. Перетерского. М., 1984. С. 19.

⁹ См.: Кожокарь И.П. О правовых дефектах и правовой дефектологии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 42. С. 576–577; Чепенко Я.К. Конституционные пробелы и их категориальное обоснование в соотношении с правовой неопределенностью // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 12. С. 17–21.

правовой дефектологии¹⁰, цивилистической дефектологии¹¹, в связи с чем можно констатировать достаточно широкое распространение рассматриваемого термина в научно-юридической литературе. Так, Я.К. Чепенко определяет правовую дефектологию как науку, которая исследует причины возникновения, природу, разновидности, способы преодоления и устранения изъянов, пороков, других форм проявления правовых дефектов применительно ко всей системе правового регулирования. В этом плане предметом правовой дефектологии, как и любой другой науки, являются закономерности, которые имеют не только формально-юридическое, правовое, но и социальное, политическое, а порой и финансово-экономическое содержание¹².

Подтверждением обоснованности использования термина «дефектология» может послужить и то, что если одни авторы прямо используют этот термин¹³, то другие, хотя и не делают этого, но уверенно следуют в русле такого под-

---

¹⁰ См.: Бондарь Н.С. Законодательные пробелы — категория конституционно-правовой дефектологии: методология исследования, практика преодоления // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 3. С. 1–8.

¹¹ См.: Кожокарь И.П. Основы теории цивилистической дефектологии. М., 2014.

¹² См.: Чепенко Я.К. Конституционные пробелы и их категориальное обоснование в соотношении с правовой неопределенностью // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 12. С. 17–21.

¹³ См.: Безруков А.В. Обеспечение правопорядка органами конституционного правосудия в России (на примере выявления, преодоления и устранения пробелов в праве) // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 2. С. 60–65; Стариков Ю.Н. Административное судопроизводство и административные процедуры: к системному взаимодействию и надлежащему уровню правовой регламентации // Административное право и процесс. 2018. № 3. С. 7–23; Тарибо Е.В. Судебный конституционный нормоконтроль: осмысление российского опыта : монография. М., 2018; Хмелева Т.И. Профессиональная деятельность граждан на рынке ценных бумаг // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 3. С. 27–31.

хода¹⁴. Так, например, Н.В. Суслова актуальность проблемы обосновывает тем, что долгое время в нашей стране не уделялось должного внимания «качеству» права, четкой фиксации и способам преодоления правовых дефектов и патологий¹⁵.

Второй вопрос, который требует пояснения применительно к Основам законодательной дефектологии, также имеет терминологический характер. Дело в том, что терминологический аппарат законодательной дефектологии как относительно новой области научного знания еще не устоялся. Нам еще только предстоит разработать тезаурус законодательной дефектологии, то есть специальную терминологию, полномерно охватывающую ее понятия, определения и термины как специальной области знаний (сферы деятельности), что должно способствовать коммуникации, общению и взаимодействию лиц, специализирующихся в данной сфере¹⁶. Поэтому каждую нашу работу,

¹⁴ См.: Авакьян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8; Матейкович М.С. Дефекты конституционно-правового регулирования в Российской Федерации // Государство и право. 2007. № 12; Рафалюк Е.Е., Власенко В.Н. Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды // Журнал российского права. 2014. № 9; Сибгатуллина Г.Р. Дефекты права: причины и механизмы их устранения // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1; Суслова Н.В. Дефекты в российском праве: постановка проблемы, научные подходы, понятие // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2; и мн. др.

¹⁵ Суслова Н.В. Дефекты в российском праве: постановка проблемы, научные подходы, понятие // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 36.

¹⁶ Подробнее о тезаурусе см.: Гетман И.М. Тезаурус как инструмент современного языкознания : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Киев, 1991; Захаров Н.В., Луков А.В. Школа тезаурусного анализа // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 1; Лукашевич Н.В. Тезаурусы в задачах информационного поиска. М., 2011; Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного зна-

посвященную проблематике дефектов законодательства, мы сопровождаем соответствующим словарем.

В целях создания необходимого нам терминологического аппарата мы сочли возможным в некоторых случаях заимствовать некоторые термины из других наук. Это обусловлено тем, что описание содержания сложных феноменов законодательной дефектологии в ряде случаев требует их соответствующей номинации. Последняя осуществляется посредством добавления к термину, заимствованному из другой области научного знания, слова или слов, которые, во-первых, служат средством различения рассматриваемого в рамках законодательной дефектологии явления и явления, первоначально обозначаемого заимствованным термином, а во-вторых, ограничивают содержание рассматриваемого нами явления проблематикой исключительно законодательной дефектологии. Так, в настоящей работе читатель встретит определения таких понятий, как «законодательная супрессия», «законодательная контагиозность», «депутатский (чиновничий) аутизм» и др. Этот прием позволяет конкретизировать исследуемые явления и процессы, наглядно продемонстрировать и уточнить их сущность и применяется нами в качестве стратегии номинативной аргументации. В литературе справедливо отмечается, что когнитивные механизмы аргументации выражаются специфическими языковыми средствами, систематическое использование которых можно рассматривать в качестве лингвистических стратегий аргументирующего субъекта, к числу которых относятся: стратегия максимальной экспликации¹⁷ кауза-

---

ния. М., 2008; Нгуен М.Х., Аджиев А.С. Описание и использование тезаурусов в информационных системах, подходы и реализация // Электронные библиотеки. 2004. Т. 7. № 1.

¹⁷ Экспликация — процесс показа содержания некоторого единства, где части существуют самостоятельно и могут отличаться одна от другой.

тивности¹⁸; стратегия конструктивного скептицизма; стратегия эвристического комментария; стратегия интеллектуальной наглядности — номинативная аргументация¹⁹.

Присваивая конкретное наименование (имя собственное) соответствующему явлению (процессу), мы сначала обозначаем, а затем описываем, объясняем и определяем его, в том числе показывая наглядные примеры. Объяснение чего-либо посредством демонстрации наглядных примеров является частью процесса аргументирования и называется экзemplификацией. С семантической точки зрения экзemplификация предполагает наличие тезиса, экзemplификационного множества (множества примеров) и процесс выбора одного или нескольких из множества примеров. Иногда экзemplификация рассматривается в более широком контексте как речевая стратегия. Так, Т.А. Ван Дейк выделяет в этой связи стратегию «приведения примера»²⁰.

В нашем случае экзemplификация — это одновременно и способ изложения научного материала, и способ

¹⁸ Каузативность — универсальная понятийная категория, которая в том или ином виде присутствует в каждом языке и означает наличие как минимум двух ситуаций (А и В) в таком их отношении между собой, при котором ситуация А приводит к осуществлению ситуации В. Например, каузативные глаголы — это глаголы, выражающие причину (повод) совершения другого действия. Каузативные глаголы образуют после себя сложное дополнение, называемое каузативным оборотом. См.: Аркадьев П.М., Летучий А.Б. Транзитивность импликации и естественный язык: парадоксы каузативных конструкций в типологическом освещении // Семинар МГУ. М., 2009. № 135; Дадуева А.Е. Общая характеристика каузативных глаголов // Вестник СибГУТИ. СПб., 1994. № 2. С. 76–81; Неद्याлков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / под ред. А.А. Холодовича. Л., 1969. С. 20–50.

¹⁹ См.: Черненко И.Г. Способы выражения аргументации в этико-философском дискурсе И. Канта : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2005. С. 8.

²⁰ См.: Дейк Т.А. ван. Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предубеждений // Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

обоснования выдвигаемых тезисов, ориентированные на примеры моделей законодательного регулирования. Такие примеры являются средствами влияния на читателя и формируют у него соответствующее отношение к рассматриваемым явлениям и процессам и способам воздействия на них. В данном случае, как отмечается в литературе, важны следующие качества примера: ясность и очевидность, связанность с другими примерами, возможность сопоставления, убедительность воздействия и т. д.²¹

Третий вопрос, который хотелось бы затронуть в предисловии, связан с тем, что опубликованная нами в конце 2019 года первая часть Основ законодательной дефектологии заканчивается призывом к ученым, специализирующимся в неюридических науках, принять участие в исследованиях проблематики законодательной дефектологии. Предполагалось, что во второй части Основ законодательной дефектологии дефекты законодательства могут быть исследованы методами таких наук, как философия, социология, психология, лингвистика, экономика и политология. Обосновывая необходимость таких исследований, мы исходим из подхода, согласно которому объекты изучения в социальных и гуманитарных науках имеют относительную, а не субстанциональную природу (социальная реляционная онтология²²). Социальный мир

²¹ См.: Grac J. Exemplanca: Vzory a modely v zivote cloveka. Bratislava, 1990. P. 432.

²² О социальной реляционной онтологии см.: Девятко И.Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М., 2003; Донати П. Загадка социального отношения: пролегомены к реалистической реляционной социологии // Вестник ПСГУ. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2018. Вып. 75. С. 81–101; Мальцева Д.В., Романовский Н.В. О современных сетевых теориях в социологии // Социологические исследования. 2011. № 8; Социальная онтология: конструктивно-герменевтический подход : сб. науч. ст. / под общ. ред. О.Н. Бушмакиной, М.Л. Дерябина, Н.Б. Поляковой, А.А. Шадрина. Ижевск, 2011; Уайтхед А.Н. Избранные рабо-

объясняется не только в терминах индивидуального действия, а преимущественно через отношения и связи между ними. Эта метатеоретическая установка, имеющая непосредственное отношение к структурализму, обеспечивает объединяющий и междисциплинарный подход.

Структурализм дает следующий ответ на так называемый «модальный парадокс» — вопрос о социальных правилах: как люди создают правила, которые, не будучи законами природы, действуют с той же необходимостью и неизбежностью? — парадокс случайного и необходимого, при котором необратимое действие правил объясняется с помощью социальной структуры²³.

Структурализм представляет собой одну из первых последовательных попыток разработать философию моделей²⁴ вместо органицизма²⁵. После структурализма невозможно теоретически рассматривать субъекта без какого-либо основания и исторического контекста и понимать

ты по философии. М., 1990; Широканова А.А. Субъект и механизмы создания знания в теориях реляционной и актор-сетевой социологии // Материалы VIII Всеукр. науч.-практ. конф. «Проблемы развития социологической теории: современная социологическая теория и постсоветские трансформации. 21–22 апреля 2011 г. Киев, 2012.

²³ См.: Milner Jean-Claude. Le Périple structural. Figures et paradigme. Verdier. 2008. P. 79–80, 301.

²⁴ См.: Caws Peter. Structuralism: the art of the intelligible. N. J. ; L., 1991. P. 113.

²⁵ Органицизм — методологический принцип, в соответствии с которым те или иные социальные феномены рассматриваются по аналогии с явлениями живой природы, а специфика публичных процессов и отношений объясняется ссылками на закономерности природных явлений. См.: Кузьмина Г.П., Гаврилова Н.Г. Органицизм как теоретико-методологическая основа миропонимания российских мыслителей // Фундаментальные исследования. 2014. № 6-4. С. 867–870; Луков В.А. Органицизм и биосоциология: их связь в свете тезаурусного подхода // Тезаурусный анализ мировой культуры : сб. науч. трудов. Вып. 22 / под общ. ред. В.А. Лукова. М., С. 22–37; Маслбоева О.Д. Российский органицизм и космизм XIX–XX вв.: эволюция и актуальность. Ч. I–III : монография. М., 2007.

историю как прогресс, как поступательное стадийное движение²⁶. В структурализме идеология рассматривается в качестве конститутивного признака, определяющего субъективность явления, который не может быть устранен из мышления и действий²⁷. Структурализм окончательно утвердил идею равенства всех представителей человеческого рода с момента его появления, настолько, что это больше не обсуждается²⁸. В связи с этим идеи и практические следствия структурализма часто рассматриваются как более подходящие для целей эгалитаризма²⁹ по сравнению с конституционными свободами. Это связано с тем, что структурализм на метауровне утверждает принципы равенства, устраняя различие между «дикими» и «цивилизованными» обществами, между третьим миром и развитыми странами³⁰, в то время как конституционные свободы: во-первых, претерпевают известные изменения, а во-вторых, нередко толкуются разнонаправленно и неоднозначно, зачастую в угоду политико-идеологическим интересам.

Примеры разнонаправленности и неоднозначности толкования нам предоставляет Конституционный суд, который по-разному обозначает, например, правовую определенность: принцип или общеправовой принцип³¹, ре-

---

²⁶ См.: Dosse François. Structuralism // The Edinburgh Companion to Twentieth-Century Philosophies. Edinburgh, 2007. P. 469–478.

²⁷ См.: Breckman Warren. Adventures of the symbolic: post-Marxism and radical democracy. N. Y., 2013. P. 12.

²⁸ См.: Dosse François. Structuralism // The Edinburgh Companion to Twentieth-Century Philosophies. Edinburgh, 2007. P. 469–478.

²⁹ Эгалитаризм — противоположная элитаризму концепция, в основе которой лежит идея, предполагающая создание общества с равными политическими, экономическими, социальными и гражданскими правами всех членов этого общества.

³⁰ См.: Kurzweil Edith. The Age of Structuralism: From Levi-Strauss to Foucault. L. ; New Brunswick, 1996. P. 27.

³¹ См.: Определение Конституционного суда РФ от 2 февраля 2006 г. № 45-О.

жим³², общеправовой критерий³³, общеправовое требование³⁴, принцип формальной определенности³⁵.

Другой *пример* приводит Е.В. Гаврилов, который отмечает, что использование Конституционным судом понятия «нематериальные убытки» нелогично и терминологически неправильно³⁶. «Нематериальные убытки» — это скорее нонсенс, «словесный изыск», нежели необходимый юридический термин³⁷. Подобное мнение разделяют и другие авторы³⁸. Конституционный суд, выделив в рамках одного предложения и компенсацию нематериальных убытков, и компенсацию нематериального вреда, допустил явную ошибку, приведшую к задвоенности тождественных правовых категорий³⁹.

³² См.: Постановление Конституционного суда РФ от 31 мая 2005 г. № 6-П.

³³ См.: Постановление Конституционного суда РФ от 14 ноября 2005 г. № 10-П.

³⁴ См.: Определение Конституционного суда РФ от 2 февраля 2006 г. № 45-О.

³⁵ См.: Постановление Конституционного суда РФ от 27 мая 2008 г. № 8-П; Заключение Конституционного суда РФ от 23 марта 1993 г. № 1-З.

³⁶ См.: Гаврилов Е.В. Правовая позиция Конституционного суда Российской Федерации о компенсации нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам // Российский судья. 2018. № 7. С. 33–37.

³⁷ См.: Гаврилов Е. Способы защиты прав субъектов предпринимательской деятельности от «нематериальных убытков» // Хозяйство и право. 2011. № 7. С. 103–109.

³⁸ См.: Гусалова А.Р. К вопросу о защите деловой репутации // Общество и право. 2011. № 2. С. 104–108; Мехтиханова Л.В. Проблемы компенсации репутационного вреда // Юрист. 2012. № 17. С. 45; Федоров П.Г. Деловая репутация юридического лица и ее защита // Юрист. 2010. № 11. С. 19.

³⁹ См.: Гаврилов Е.В. Правовая позиция Конституционного суда Российской Федерации о компенсации нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам // Российский судья. 2018. № 7. С. 33–37.

Возвращаясь к вопросу о проведении объединяющих, основанных на междисциплинарном подходе, исследований законодательных дефектов, подчеркнем, что мы и сейчас убеждены в их непреложной необходимости. Однако сегодня мы ставим вопрос несколько по-иному. Так, раньше мы говорили, что, помимо своей основной юридической части, законодательная дефектология включает: философию законодательных дефектов; социологию законодательных дефектов; психологию законодательных дефектов; лингвистику законодательных дефектов; экономику законодательных дефектов; политологию законодательных дефектов⁴⁰.

Теперь мы считаем возможным поставить вопрос шире и говорим о необходимости приложения усилий названных наук применительно не только к дефектам, но и ко всему законотворчеству. Мы говорим о настоящей потребности в разработке основ философии и психологии законотворчества, исследовании его социологических, экономических, политологических и лингвистических аспектов. Подобные исследования под углом зрения названных наук должны быть посвящены выявлению, описанию и объяснению дефектов законодательства, причинам их появления, их последствиям, а также путям и способам их устранения.

В то же время жизнь не стоит на месте, в связи с чем у нас нет времени «ждать у моря погоды». Мы не относим себя к числу тех людей, которые предпочитают полагаться не на себя, а на кого-либо другого или на судьбу и всегда ожидают чудесного разрешения трудностей, не желая прилагать никаких усилий со своей стороны. Мы не можем ничего не делать при возникновении проблем

---

⁴⁰ См.: Викулин А.Ю. Начала теории законодательных дефектов. М., 2019. С. 45–56; Викулин А.Ю. Основы законодательной дефектологии. Часть первая: Введение. М., 2019. С. 40–106.

и ждать, пока все само собой уляжется. Ничто само собой не уляжется. Законодательные дефекты продолжают плодиться и множиться. Это привело нас к выводу о возможности: во-первых, продолжить наши исследования в несколько иной последовательности, чем было заявлено ранее, а во-вторых, попытаться самостоятельно разобраться в особенностях психологии и политологии законодательства. К тому же законодательные дефекты не полностью исследованы под углом зрения юридической науки, потенциал которой в данном случае неисчерпаем. Поэтому вторая часть Основ законодательной дефектологии посвящена рассмотрению дефектов общих положений законодательства, в том числе дефектов законодательного целеполагания, дефектов в определении предмета правового регулирования (1-й том), дефектов законодательных принципов, презумпций, понятий, терминов и их дефиниций (2-й том). Третья и последующие части Основ законодательной дефектологии могут быть посвящены более углубленному исследованию проблематики ответственности законодателя за качество принимаемых законов, вопросам лингвистики и логики законодательства и т. п. Хотя не будем забывать известный афоризм: «Хочешь рассмешить Бога — расскажи ему о своих планах».

Наконец, подобно Юнгу, полагаем не лишним предупредить, что при рассмотрении некоторых вопросов законодательной дефектологии неподготовленного «читателя ждет не только погружение в темные, сомнительные и обнесенные стеной предубеждения области человеческих ощущений, но и столкновение с интеллектуальными трудностями, которые, несомненно, возникнут в ходе объяснения столь абстрактного вопроса»⁴¹.

---

⁴¹ Юнг К.Г. Синхронистичность: акаузальный, связующий принцип // Синхронистичность. М., 1997. С. 1.

Глава 1

Концепты дефектологии общих положений законодательства

1.1. ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ОБЩИХ ПОЛОЖЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ИХ ДЕФЕКТОВ

1.1.1. Сущность, классификация и прозрачность общих положений законодательства

Понимание общих положений закона в качестве априорного понятия, которое используется в рамках юридической науки, базируется на сущностных характеристиках категории «общее». Данная категория имеет онтологический характер и совместно с категориями единичного, особенного и всеобщего отражает различные объективные диалектические связи свойств объектов и явлений, а также этапы теоретического познания этих связей мышлением человека.

Общее обуславливается наличием у каждого объекта свойств, присущих не только ему, но и другим объектам, что позволяет выделять группы объектов с одинаковыми свойствами. Где есть два, там всегда есть единое и иное, или... единое и его отношение, а отношение имеет ту особенность, что оно порождает множественность¹. Каждый объект представляет собой единство общего и особенного, единство сторон, указывающих на его сходство с другими

---

¹ См.: Гайденко П.П. Эволюция понятия науки. М., 1980. С. 150.

объектами, и сторон, указывающих на его отличие от других объектов². Общее представлено всегда не конкретными предметами и явлениями, а чертами их сходства, подобия³. Общее — это сходные, повторяющиеся стороны, свойства и признаки предметов и явлений. Общее существует через единичное, а все разнообразие окружающего нас мира не может быть усвоено без обращения к общему⁴. Процесс познания начинается с этапа восхождения от чувственно-конкретного единичного к абстрактному общему. Следующим этапом процесса познания является переход от общего к особенному и единичному и в то же время от абстрактного к конкретному⁵.

Переходя с общеправового на правовой уровень, заметим, что законодательный акт включает нормы, которые в своей совокупности и разнообразии составляют различные правовые институты. Нормы, содержание которых устанавливает общие (единые) цели, принципы, формы и условия правоотношений соответствующего закона, именуется *общими*. Все другие нормы, то есть нормы, обращенные к конкретным субъектам и регулирующие конкретные виды правоотношений, называются *специальными (особенными)*. В законодательных актах общие нормы группируются и располагаются в первой части, а специальные — в последующих, с тем условием, что содержание общих норм не дублируется. Этим обеспечивается единообразие и логика изложения закона⁶.

² См.: Шептулин А.П. Диалектика единичного, особенного и общего. М., 1973. С. 116, 133.

³ См.: Хаврак А.П. Философия : учеб. пособие. М., 2005. С. 177.

⁴ См.: Пронина Е.Н. Философия. М., 2011. С. 363.

⁵ См.: Голубинцев В.О., Данцев А.А., Любченко В.С. Абстрагирование. Восхождение от абстрактного к конкретному // Философия для технических вузов. Ростов н/Д, 2003. С. 440–443.

⁶ См.: Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов. Письмо Аппарата ГД ФС РФ от 18 ноября 2003 № вн2-18/490.

Критерием, согласно которому происходит разделение всех законодательных положений на общие и специальные (особенные), является функциональное назначение, определяющее их роль и задачи в законодательном регулировании общественных отношений. В литературе отмечается, что, будучи продуктом опыта, общие положения играют важную регулятивно-организующую роль в сфере правотворчества, правоприменения, судебной, прокурорской и следственной деятельности, оказывают влияние на становление и развитие правосознания, укрепление законности⁷.

Особая роль общих положений наиболее ярко может проявляться в случаях отсутствия: «конкретной нормы для разрешения определенных случаев, находящихся в сфере воздействия права»⁸; «конкретной законодательной нормы, необходимой для регулирования коллизионного случая»⁹; законодательного правила, которое должно быть применено для разрешения спорных ситуаций, подлежащих правовому регулированию¹⁰.

Регулятивно-организующая роль общих положений, аксиологическая структура которых включает в себя определенные мировоззренческие позиции, ценностные социальные ориентации, представления, убеждения и взгляды, связана с особенностями механизма их действия. Сущность этого механизма в том, что по общему правилу при наличии пробелов, противоречий и иных трудностей в толкова-

⁷ См.: Чухвичев Д. В. Законодательная техника : учеб. пособие. М., 2010.

⁸ Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960. С. 456.

⁹ Поляков А.В. Общая теория права. СПб., 2003. С. 777.

¹⁰ См.: Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства : учеб. для вузов и фак. М., 2001. С. 489; Черданцев А.Ф. Теория государства и права : учеб. для вузов. М., 2001. С. 256; Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955. С. 85; Сабо И. Социалистическое право. М., 1964. С. 271.

нии и применении специальных (особенных) норм закона они разрешаются (восполняются) путем применения общих положений закона¹¹. Это вытекает из общефилософского понимания, в соответствии с которым единичное не может противоречить общему. Таким образом, сущность общих положений законодательства состоит в том, чтобы посредством объективного обобщения, исключающего единичное, случайное и ложное, отразить типичное, общее и закономерное, на основе чего будет осуществляться законодательное регулирование в целях удовлетворения соответствующих потребностей и интересов.

Общие положения законодательства иногда называют учредительными нормами. Так, М.Н. Байтин считает, что «правовое регулирование немислимо без органического сочетания и взаимодействия в системе права, во всех его отраслях исходных, учредительных норм и норм — правил поведения»¹². Г.А. Волков отмечает, что в учредительных нормах соответствующих отраслей права закреплены их основные понятия, цели и задачи, принципы¹³. Н.С. Бондарь и Е.А. Соболева указывают на конституирующий характер учредительных норм¹⁴. Р.Г. Нурмагамбетов, выделяя учредительные нормы, ставит их в один ряд с системообразующими и системоопределяющими нормами, нормами позитивного регулирования, представительско-

¹¹ См.: Бычков А.И. Дефекты, ошибки и неурядицы: правовое регулирование. М., 2017; Летута Т.В. Принятие наследства как основание возникновения прав участника хозяйственного общества // *Lex russica*. 2016. № 9. С. 146–154.

¹² Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2007. С. 359.

¹³ См.: Волков Г.А. О методологии природоресурсных отраслей права // *Экологическое право*. 2018. № 1. С. 3–12.

¹⁴ См.: Бондарь Н.С., Соболева Е.А. Судебный нормоконтроль за законами субъектов РФ: соотношение конституционных и административных начал нуждается в уточнении // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2019. № 3. С. 26–32.

обязывающими нормами. Он отмечает, что они непосредственно участвуют в регулировании общественных отношений¹⁵. Л.В. Цитович и А.Б. Никишов, указывая на исходный характер учредительных норм, утверждают, что их структура представляет собой совокупность признаков, характеризующих идею, лежащую в основе нормы¹⁶.

Е.В. Тарибо обоснованно считает, что учредительные нормы содержат неявные ограничители для законодателя. Их можно обнаружить путем соотнесения учредительных норм друг с другом и с другими общими положениями, анализа истории их создания, места и роли в системе законодательства, а также фактических обстоятельств социальной действительности и исторических традиций. Законодателю, чтобы определить, как ему развивать законодательство на основе учредительной нормы, недостаточно лишь лингвистической интерпретации. Чтобы выявить содержание нормы, необходимо придерживаться следующих условий:

во-первых, надо рассматривать норму в системе других норм, систематическое толкование которых позволит получить объективный (заранее не заданный) результат;

во-вторых, анализируя нормы на предмет наличия в них запретов и ограничений, образующих границы дискреции законодателя, необходимо учитывать причины появления нормы именно в том ее виде, в каком она создана;

в-третьих, для выявления скрытых ограничителей дискреции законодателя необходимо адекватно учитывать социально-политические реалии, в которых норма

---

¹⁵ См.: Нурмагамбетов Р.Г. Теоретико-правовой анализ нормативной основы механизма конституционного регулирования общественных отношений // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 2. С. 76–83.

¹⁶ См.: Цитович Л.В., Никишов А.Б. К вопросу о видах и структуре уголовно-процессуальных норм // Российская юстиция. 2019. № 2. С. 34–37.

действует в настоящем и, возможно, будет действовать в будущем¹⁷.

В литературе общие положения называют также исходными нормами (предписаниями). Так, Н.И. Воробьев подразделяет нормы на общие (исходные) нормы, определяющие основы правового регулирования тех или иных отношений (нормы-декларации, нормы-принципы, нормы-основы, нормы-дефиниции), и специальные (конкретные) нормы, непосредственно регулирующие тот или иной вид отношений¹⁸. В.Н. Кудрявцев утверждает, что «любое исходное предписание Общей части УК РФ может при необходимости быть включено в диспозицию нормативного предписания Особенной части УК РФ»¹⁹. Г.Г. Шмелева, а вслед за ней и М.В. Кучин, говоря о правотворческой конкретизации как одном из способов нормотворчества, показывают соотношение исходных и специальных норм следующим образом: «...на основе общих абстрактных норм создаются более конкретные правила поведения»²⁰, особенностью которых является то, что они должны регулировать лишь те отношения, которые входят в сферу, охватываемую исходной нормой²¹. «Новизна» последних, по словам А.Ф. Черданцева, «заключается в большей де-

---

¹⁷ См.: Тарибо Е.В. Судебный конституционный нормоконтроль: осмысление российского опыта : монография. М., 2018.

¹⁸ См.: Воробьев Н.И., Воробьева Л.В., Макаров О.В., Свирков С.А., Сысоев Н.Н., Артемьев Е.В., Беляев М.А., Федосова А.В., Богатырева Н.В. Комментарий к Федеральному закону от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // СПС КонсультантПлюс. 2019.

¹⁹ Кудрявцев В.Н. Российское уголовное право: Общая часть / В.Н. Кудрявцев, А.В. Наумов. М., 1997. С. 61.

²⁰ Шмелева Г.Г. Конкретизация юридических норм в правовом регулировании. Львов, 1988. С. 32.

²¹ См.: Кучин М.В. Судебное толкование или судебное нормотворчество? // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 3. С. 20–35.

тальности их содержания и в более узком их объеме»²². Исходя из этого, Э.К. Трутнев видит выход из обнаруженного им логического тупика между исходными и специальными нормами в исправлении сначала исходной нормы, а затем — в последовательном исправлении иных правовых норм²³. Д.В. Ходукин предлагает снять известные споры о месте, роли и структуре исходных норм (принципов, дефиниций, деклараций), используя для их определения понятие «нормативное правовое предписание»²⁴. Справедливо отмечается, что «регулирующее воздействие исходных правовых норм на общественные отношения весьма велико и относительно самостоятельно»²⁵.

Правильно сформулированные общие положения обеспечивают научный и системный характер, а также логику законодательного акта, гарантируют его независимость от ведомственности, популизма и иных субъективных факторов, что в конечном итоге определяет соответствие этого акта потребностям общества и государства. Общие положения дают возможность упорядочить законодательный акт в целостную систему с четко определенными нормативными параметрами, последовательной целевой и мотивационной направленностью, придать ему нерасчлененный (интегративный) характер.

Одной из существенных характеристик общих положений законов является их присутствие в любом законо-

22 Черданцев А.Ф. Правовое регулирование и конкретизация права // Применение советского права. Вып. 30. Свердловск, 1974. С. 23.

23 См.: Трутнев Э.К. Вопросы установления санитарно-защитных зон // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 6. С. 20–36; № 7. С. 22–38.

24 См.: Ходукин Д.В. Функциональная роль юридических предписаний в механизме правового регулирования общественных отношений // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 10. С. 59–64.

25 Мицкевич А. Нормы советского права. Проблемы теории / под ред. М.И. Байтина, В.К. Бабаева. Саратов, 1987. С. 211.

дательном акте независимо от того, представлены они в тексте закона или существуют только в сознании законодателя. Это связано с их наличием в сфере общественного правосознания, что делает «необходимым их выявление как явных или скрытых факторов формирования законодательного текста»²⁶.

Действительно, давайте представим закон, состоящий всего из одной статьи, предусматривающей замену в действующем законе одного слова другим. Даже такое законодательное регулирование осуществляется для достижения определенных целей, имеет свой предмет правового регулирования, основывается на соответствующих принципах, опирается на дефиниции необходимых понятий и т. д. При этом отсутствие в тексте законодательного акта общих положений может быть вызвано:

во-первых, их аксиоматической очевидностью, что характерно для законов, предусматривающих внесение технических изменений и дополнений в действующие законодательные акты, которые уже содержат соответствующие общие положения;

во-вторых, «забывчивостью» законодателя, которая обычно является следствием его низкой компетентности;

в-третьих, сознательным стремлением известных лиц скрыть содержание соответствующих общих положений в связи с тем, что они очевидно противоречат положениям Конституции РФ, кодексов или других действующих законов.

Хуже всего дело обстоит в ситуации, когда некомпетентность инициаторов закона осложняется их стремлением скрыть содержание общих положений. Стремление скрыть наличие нелегитимных общих положений зачастую побуждает оформлять законы, предусматривающие некие кардинальные реформы и (или) предполагающие

---

²⁶ Малиновская Н.В. Принцип права как объект правовой интерпретации // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2010. № 1. С. 60.

существенное изменение правового положения регулируемых субъектов, в виде актов о внесении изменений и дополнений в действующие законы. В качестве *примеров* в данном случае можно привести:

- Федеральный закон от 1 мая 2017 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», предусматривающий разделение банков на банки с базовой лицензией и банки с универсальной лицензией;
- Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков»;
- Федеральный закон от 3 апреля 2020 г. № 106-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа» и многие другие.

Негативно нами оценивается и практика, при которой изменения и дополнения, предполагающие существенное ограничение прав регулируемых субъектов, вносятся в законы, в которых изначально отсутствовали те или иные общие положения. В подобных случаях законодатель, видимо, полагает, что такой подход позволяет надежно скрыть содержание нелегитимных общих положений и оставить их только информацией (данными), содержащейся в сознании известных индивидуумов. Однако такие «данные содержания сознания являются ментальными единицами, существующими потенциально, скрытыми от внешнего наблюдателя. Чтобы сделать их доступными для восприятия и анализа, эти единицы должны быть манифестированы средствами языка или любой другой семиотической

системы, переведены из потенциального состояния в сущностную плоскость»²⁷. Будучи ментальными единицами, нелегитимные общие положения, тем не менее, объективируются в тексте закона во множестве его специальных (особенных) норм, в связи с чем становятся доступными для восприятия и анализа.

Сказанное приводит к выводу о возможности классификации общих положений закона на явные и латентные. Явными являются общие положения закона, которые имеют содержательное текстуальное закрепление в его тексте. Латентными являются общие положения закона, которые хотя и присутствуют в законе в скрытом состоянии, но проявляют себя явным образом во множестве специальных (особенных) положений данного закона. Дефектными могут быть как явные, так и латентные общие положения. Отличие в том, что латентность общих положений законов является следствием преимущественно сознательной деятельности известных лиц и связана с тем, что такие положения обычно вступают в прямое противоречие с Конституцией РФ.

Очевидным представляется вывод, что общие положения законов, предусматривающих существенное изменение правового положения субъектов регулируемых отношений, должны текстуально присутствовать в законе, а не подтверждаться путем длительных логических умозаключений, выводимых на основании изучения текста закона и сопоставления его различных положений. С нашей точки зрения, для названных актов правомерно говорить о необходимости соблюдения принципа прозрачности общих положений закона — специального принципа законотворчества, который предполагает содержательное закрепление всех общих положений в тексте закона.

Названный принцип вполне вписывается в любую из предлагаемых в литературе систем принципов законо-

²⁷ Hörmann H. *Psychologie der Sprache*. Berlin, 1977. P. 72.

творчества. Так, О.Н. Булаков и И.Н. Рязанцев выделяют основополагающие принципы нормотворческой деятельности: 1) принцип законности; 2) принцип научности; 3) принцип использования правового опыта; 4) принцип демократизма; 5) принцип связи с практикой²⁸. Ю.А. Тихомиров и И.В. Котелевская к числу принципов законотворчества относят: законность, демократизм, гласность, научную обоснованность и профессионализм²⁹. И.А. Иванников дополняет этот перечень принципом справедливости³⁰. М.Ю. Спирин среди основных законотворческих принципов выделяет: 1) принцип заимствования и переработки накопленного опыта законотворческой работы; 2) принцип практичности (прагматичности) законотворческого решения³¹. К числу основных принципов законотворчества относят также принцип системности³². Кроме того, принципами законотворчества предлагается считать: 1) принцип компетентной адекватности нормативно-правовых установлений; 2) принцип понятийно-терминологической определенности; 3) принцип достаточной мотивированности норм права; 4) принцип логической сбалансированности норм права; 5) принцип обеспечения действенности норм права³³.

²⁸ Булаков О.Н., Рязанцев И.Н. Парламентское право России / под ред. О.Н. Булакова. М., 2007. С. 181.

²⁹ См.: Тихомиров Ю.А., Котелевская И.В. Правовые акты. М., 1999. С. 413–415.

³⁰ См.: Иванников И.А. Теория государства и права. Ростов н/Д, 2001. С. 178–179.

³¹ См.: Спирин М.Ю. Теоретические проблемы законотворческой деятельности в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 117–119.

³² См.: Общая теория государства и права : в 2 т. Т. 2 / под ред. М.Н. Марченко. М., 1998. С. 162.

³³ См.: Законотворчество в Российской Федерации / авт. кол.: А.И. Абрамова, Т.В. Голубева, А.В. Мицкевич и др. ; под ред. А.С. Пиголкина. М., 2000. С. 60.

1.1.2. Структура и иерархия общих положений законодательства

В законодательных актах в зависимости от их специфики общие положения включают следующие взаимосвязанные и взаимозависимые структурно-смысловые элементы:

- цели и задачи законодательства;
- предмет правового регулирования (положения, определяющие круг регулируемых отношений и их участников);
- принципы (основные начала) законодательства;
- институты, понятия и термины законодательства;
- состав нормативных правовых актов, регулирующих отношения в соответствующей сфере, их иерархия и место в системе законодательства;
- действие законодательства во времени и пространстве;
- разграничение предметов ведения Российской Федерации, субъектов РФ и органов местного самоуправления в сфере регулируемых отношений;
- соотношение законодательства с международными договорами и нормами иностранного права.

Становление системы, включающей названные структурно-смысловые элементы, присутствие которых сейчас кажется очевидным и единственно возможным, имеет исторический характер. Сегодня выделение этих структурно-смысловых элементов, в случае отсутствия какого либо из них, может быть произведено методом декомпозиции, позволяющим рассматривать любую исследуемую систему как состоящую из отдельных взаимосвязанных подсистем, которые, в свою очередь, также могут быть расчленены на части³⁴.

---

³⁴ См.: Применение метода декомпозиции при решении неравенств : метод. пособие. М., 2019; Хорошев А.Н. Введение в управление проектированием механических систем : учеб. пособие. Белгород,

Исследование общих положений закона приводит к выводу, что их система является структурно сложной, многоуровневой, многоступенчатой и построена по иерархическому принципу³⁵, состоящему в упорядочивании взаимодействия между уровнями в порядке от высшего к низшему. Каждый из уровней выступает как управляющий ко всем нижележащим и как управляемый (подчиненный) к вышележащим. Например, целям закона должны быть подчинены его предмет правового регулирования, принципы, понятия и термины и т. п. Для законодательной дефектологии это особенно важно, так как отсутствие указанной подчиненности, обычно выражающееся в наличии противоречий и несоответствий, является основанием для признания нижележащих общих положений дефектными.

Структурная дифференциация системы общих положений законодательства обусловлена функциональной дифференциацией составляющих ее структурно-смысловых элементов, в соответствии с которой каждый уровень выполняет свои строго определенные функции. На более высоких уровнях иерархии осуществляются преимущественно функции согласования и интеграции. Нижележащие уровни функционально охватывают лишь отдельные стороны функционирования системы. Сложность, многоуровневость и многоступенчатость системы общих положений не нарушают ее целостности. Элементы систе-

---

1999; Цурков В.И. Декомпозиция в задачах большой размерности / под ред. Г.С. Поспелова. М., 1981.

³⁵ См.: Бендат Дж., Пирсол А. Прикладной анализ случайных данных. М., 1989; Бурков В.Н., Новиков Д.А. Как управлять проектами. М., 1997; Карр Ч., Хоув Ч. Количественные методы принятия решений в экономике. М., 1966; Кротов Ф.В. Основы теории оптимального управления. М., 1990; Мухин В.И. Исследование систем управления. М., 2002; Подготовка и продвижение проектов в благотворительные фонды и организации / курс под ред. Н.В. Борисова. СПб., 2002; Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий. М., 1993.

мы распределены по уровням показанным выше образом для эффективного управления социальными процессами и явлениями³⁶. Иерархия общих положений законодательства основана на использовании метода «логического структурирования», при котором все основные элементы представлены в виде единой структуры с выделением логических связей между ресурсами, мероприятиями и ожидаемыми результатами³⁷.

1.1.3. Порядок формирования общих положений законодательства

Логико-структурный подход в законотворческой деятельности предполагает поиск ответа на вопрос «Чего мы хотим и как этого достичь?». Путем четкого определения целей и помещения их в «дерево целей», определяющее

---

³⁶ См.: Бергаланфи Л. фон. Общая теория систем: Обзор проблем и результатов // Системные исследования. М., 1969; Бондач А.Г., Подвойский Д.Г., Попов В.А. Иерархия / Большая российская энциклопедия / гл. ред. Ю.С. Осипов. М., 2004–2017; Николис Дж. Динамика иерархических систем: Эволюционное представление. М., 1989; Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 6-е изд. М., 2011; Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М., 1983.

³⁷ См.: Можаяев А.С. Общий логико-вероятностный метод анализа надежности сложных систем. Л., 1988; Можаяев А.С. Современное состояние и некоторые направления развития логико-вероятностных методов анализа систем. Ч. I // Теория и информационная технология моделирования безопасности сложных систем. Вып. 1 / под ред. И.А. Рябинина. СПб., 1994. С. 23–53; Нозик А.А. Технология автоматизированного структурно-логического моделирования в проектных расчетах надежности систем // Труды второй международной научной школы «Моделирование и анализ безопасности и риска в сложных системах». СПб., 2002. С. 337–344; Черкесов Г.Н., Можаяев А.С. Логико-вероятностные методы расчета надежности структурно-сложных систем // Надежность и качество изделий. М., 1991. С. 34–65.

их место в иерархической структуре, законодатель должен проверять внутреннюю логику закона, убеждаясь в наличии логической связи между каждым его положением — результатом — целью. Необходимо найти критические допущения и риски, которые могут повлиять на исполнение закона, «и определить индикаторы и источники информации для их проверки, что будет обязательно использовано при мониторинге и оценке проекта в будущем»³⁸.

Следование принципу прозрачности общих положений закона предполагает использование логико-структурного подхода при формировании общих положений закона, что позволяет предложить следующие этапы законотворчества:

1-й этап: Анализ проблем, для решения которых предназначен закон. Проблемы должны быть реально существующими, то есть, во-первых, теми, которые есть уже сейчас, а не теми, которые предположительно появятся в будущем, во-вторых, иметь существенный характер и социальную значимость для всех членов общества. Постановка проблемы должна быть конкретной, следует избегать общих слов, так как заинтересованным сторонам необходимо понять, почему существующее положение дел не устраивает законодателя и что именно подлежит изменению. Не следует неумение или нежелание контрольно-надзорных органов эффективно выполнять свои функции компенсировать умножением требований, ужесточением наказаний, а также вменением участникам регулируемых отношений новых многочисленных обязанностей.

2-й этап: Анализ целей. Очевидно, что нельзя решить проблему, а в этом состоит цель законодательного регулирования, не устранив причины ее возникновения. Чтобы устранить причины, нужно понять, каковы должны быть

---

³⁸ Псарев Г. Логико-структурный подход — основа действий. Юго-восточная Финляндия — Россия. 2020. С. 2.

результаты законодательного регулирования. Для этого необходимо сформулировать цели законодательного регулирования. При этом цели закона должны быть: реальными³⁹, достижимыми и конкретными, так как формулировка цели должна содержать показатели ее достижения. Не следует личные цели отдельных депутатов, в том числе желание заявить о себе перед очередными выборами, подменять целями законодательного регулирования.

3-й этап: Анализ заинтересованных сторон, предполагающий выяснение следующих вопросов: Какие социальные группы и отношения затрагивает законопроект? Каковы интересы этих групп? Каковы условия их существования в настоящее время? Кто и что выиграет, а кто и что проиграет в результате изменения законодательного регулирования? Даже малейший намек на аффилированность члена Федерального собрания с каким-либо из субъектов регулируемых отношений является основанием для самого пристального внимания и критики. «Требование... может получить статус универсального лишь в том случае, если оно будет принято всеми теми людьми, чьи интересы затрагивают последствия ее применения на практике, причем будет принято исключительно на основе разумного и свободного выбора — без силового давления, угроз, обмана, в качестве предложения, опирающегося на убедительные аргументы»⁴⁰.

4-й этап: Определение факторов риска, для чего необходимо ответить на следующие вопросы: Какие факторы, конфликты интересов (внутренние и внешние) могут затруднить эффективное законодательное регулирование в соответствующей сфере или помешать ему? Существуют

---

³⁹ Если осуществление законодательного регулирования зависит от не поддающихся законодательному регулированию факторов, то их не следует учитывать.

⁴⁰ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001. С. 90.

ли факторы, определяющие качественность, успешность и эффективность законодательного регулирования? Какие негативные эффекты может вызвать реализация закона в практической деятельности? Существуют ли альтернативные стратегии по достижению целей законодательного регулирования, в которых можно избежать факторов риска? Можно ли выстроить систему мониторинга качественности, успешности и эффективности законодательного регулирования? Словоблудие типа «мы за все хорошее, против всего плохого»⁴¹, которое нередко можно слышать от членов Федерального собрания, только мешает нормализации законотворчества и подрывает доверие к власти и ее авторитет.

5-й этап: Определение показателей и источников проверки, для чего необходимо ответить на следующие вопросы: Какие ресурсы (человеческие, материальные, финансовые) необходимы для достижения целей законодательного регулирования? Каковы существующие организационные, институциональные, административные, управленческие возможности, которые необходимо использовать? Достаточно ли четко обозначены роли, задачи и ответственность всех участников регулируемых отношений? Каждому из показателей должны соответствовать свои источники и способы проверки. Они должны быть адекватными, конкретными, надежными и достоверными, доступными и недорогими в разумных пределах. Если нет источника или способа измерения, необходимо отбрасывать показатель и искать другой.

6-й этап: Определение затрат и издержек. Сегодня этот фактор играет существенную роль, только если предполагается государственное финансирование соответствующих законодательных начинаний. Затраты и издержки негосударственного сектора обычно кажутся не-

⁴¹ См.: За все хорошее, против всего плохого // Коммерсантъ. 2020. 8 февр.

существенными и во внимание не принимаются. Однако комплексный учет издержек и затрат необходим в связи с тем, что он демонстрирует серьезность подхода и подчеркивает продуманность концепции закона. Особенно важно то, что такой подход показывает прозрачность законотворческой деятельности, отсутствие коррупциогенных факторов, «двойного финансирования» и прочих нарушений. Так, Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» определены 12 коррупциогенных факторов, которые делятся на две группы:

1) факторы, устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил:

- а) широта дискреционных полномочий;
- б) определение компетенции по формуле «вправе»;
- в) выборочное изменение объема прав;
- г) чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества;
- д) принятие нормативного правового акта за пределами компетенции;
- е) заполнение законодательных пробелов при помощи подзаконных актов в отсутствие законодательной делегации соответствующих полномочий;
- ж) отсутствие или неполнота административных процедур;
- з) отказ от конкурсных (аукционных) процедур;
- и) нормативные коллизии;

2) факторы, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям:

- а) наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права;

- б) злоупотребление правом заявителя государственными органами, органами местного самоуправления или организациями (их должностными лицами);
- в) юридико-лингвистическая неопределенность⁴².

7-й этап: Определение критериев регулирования, для чего необходимо ответить на следующие вопросы: Возможно ли выполнить задуманное с технической точки зрения? Доступны ли необходимые средства и инструменты? Имеются ли необходимые технологии? Имеются ли люди, которые умеют ими пользоваться? Не создает ли предлагаемое законодательное регулирование социальных конфликтов, неравные возможности или необоснованные ограничения? Способны ли участники регулируемых отношений выполнять предписываемые правила? Достаточно ли у них для этого потенциала, ресурсов, квалификации персонала и т. п.? Нужен ли законопроект заинтересованным сторонам и обществу в целом? Обеспечивают ли выбранные решения и методы долгосрочный эффект? Не противоречит ли действующему законодательству предлагаемое регулирование и не подтолкнет ли оно кого-либо к нарушению закона? Соответствует ли сложившимся социальным, культурным и этическим нормам предлагаемое регулирование?

Можно предложить и другие этапы законотворческой деятельности, но полагаем, что и предложенный порядок действий будет существенным шагом вперед по сравнению с существующим положением дел и поможет избежать множества законодательных ошибок⁴³.

⁴² См.: Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : памятка. М., 2019. С. 15.

⁴³ О проблеме ошибок в праве см.: Баранов В.М., Сырых В.М. Законотворческие ошибки: понятие и типология // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сб. ст. : в 2 т. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород,

Одним из немногих *примеров* успешной работы по устранению дефектов общих положений законодательства в литературе называют принятие Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», которому предшествовало создание Концепции совершенствования общих положений обязательственного права России⁴⁴.

В то же время указывается и на неисчислимое множество *противоположных примеров*. Так, отмечается, что содержание Общей части УК РФ требует ревизии на предмет оптимизации содержания⁴⁵; а отсутствие системного комплекса норм права, объединенных общими положениями, в российском гражданском праве следует признать структурным дефектом гражданского права⁴⁶. Трудно не согласиться с тем, что «процесс законотворчества сегодняшнего времени характеризуется наличием ошибок, приводящих к некачественным нормативным актам как по форме, так и по содержанию»⁴⁷.

2001. Т. 1; Казгериева Э.В. Логические ошибки в судебном правоприменении : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; Чувакова Л.А. Причины и условия ошибочной юридической деятельности (проблемы методологии) : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003; и мн. др.

⁴⁴ См.: Кожокарь И.П. К вопросу об отдельных способах устранения дефектов механизма гражданско-правового регулирования обязательственных отношений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2. С. 55–60.

⁴⁵ См.: Курдюков С.И. Организованная преступность как угроза экономической безопасности России // Российский следователь. 2019. № 4. С. 59–62.

⁴⁶ См.: Кожокарь И.П. Институт фактического владения в гражданском праве РФ // Гражданское право. 2015. № 1. С. 39–42.

⁴⁷ Шибанова Е.В. О некоторых ошибках законодательной техники УПК РФ // Российский следователь. 2013. № 17. С. 23.

1.1.4. Понятие дефектов общих положений законодательства, их причины и последствия

Верно подмечено, что «дефекты в праве — категория весьма широкая, они связаны с выбором регулирования, качеством норм и удачностью их реализации»⁴⁸. Поэтому в самом общем виде можно сказать, что *дефект общего положения закона* — это являющийся результатом какого-либо нарушения установленных правил порок (недостаток, ошибка, патология, просчет), оказывающий негативное влияние на эффективность законодательного регулирования. В отличие от нас И.П. Кожокарь говорит о существенном влиянии на правовое регулирование как квалифицирующем признаке дефекта⁴⁹. Мы исходим из того, что дефект всегда представляет собой «негативный аспект правовой действительности»⁵⁰, влекущий за собой те или иные негативные последствия⁵¹.

---

⁴⁸ Авакьян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8. С. 3.

⁴⁹ См.: Кожокарь И.П. Неполнота правовой регламентации как дефект системы российского права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 5. С. 82–87.

⁵⁰ См.: Гущина Н.А. Пробелы и дефекты в законодательстве и механизмы их устранения // Современное право. 2011. № 6; Сергеев С.Л. Отдельные проблемы конституционно-правового регулирования в контексте общетеоретических проблем пробелов и дефектов // Материалы межд. науч. конф. (Москва, 28–31 марта 2007 г.) / под ред. С.А. Авакьяна. М., 2008. С. 74.

⁵¹ См.: Половова Л.В. Техничко-юридические дефекты законодательных текстов как основания интерпретационной практики // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сб. ст. : в 2 т. / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 1. С. 395–422.

К числу квалифицирующих негативных признаков законодательных дефектов в литературе относят:

- «снижение пригодности нормативного правового акта или его непригодность»⁵²;
- специфические юридические последствия, отличные от тех, которые наступают при нормальном ходе процесса правового регулирования и правообразования⁵³;
- воспрепятствование «эффективной реализации и применению норм права, а также достижению целей правового регулирования»⁵⁴;
- нарушение «оптимального баланса интересов общества и государства»⁵⁵;
- последствия, при которых «правовое регулирование общественных отношений нарушает оптимальный баланс интересов человека, общества и государства, порождаются негативные политические и социально-экономические явления, необоснованно ущемляются личные и общественные интересы»⁵⁶;

---

⁵² Соколова М.А. Выявление и устранение дефектов в механизме правотворчества : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 57.

⁵³ См.: Кожокарь И.П. К вопросу о необходимости изучения дефектов механизма гражданско-правового регулирования // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16–17 октября 2015 г.) : избранные материалы / В.В. Акинфиева, А.А. Ананьева, С.И. Афанасьева и др. ; отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М., 2016.

⁵⁴ Суслова Н.В. Дефекты в российском праве: постановка проблемы, научные подходы, понятие // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 2. С. 38.

⁵⁵ Цыбуляк С.И. Дефекты конституционно-правового регулирования избирательных отношений в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2010. С. 17.

⁵⁶ Кисличенко Е.И. Дефекты законодательства субъектов Российской Федерации в сфере местного самоуправления: на примере Республики Марий Эл : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012. С. 8.

- последствия, «когда закрепляемое ими правило поведения становится трудноприменимым или неприменимым вообще»⁵⁷;
- нарушение и деформацию «логико-структурного построения и развития системы права и ее элементов»⁵⁸;
- проблемы правоприменения, нарушение прав и законных интересов субъектов отношений⁵⁹;
- несоответствие требованиям законности⁶⁰;
- несоответствие закону или акту более высокой юридической силы⁶¹;
- негативное влияние на качество правового регулирования⁶²;
- нежелательные правовые или иные последствия⁶³;
- разрушение изнутри и понижение регулятивного потенциала и социальной ценности объективного права⁶⁴;
- наличие свойств, «которые не позволяют считать их правовыми актами, обладающими юридической силой»⁶⁵;

⁵⁷ Матейкович М.С. Дефекты конституционно-правового регулирования в Российской Федерации // Государство и право. 2007. № 12. С. 15.

⁵⁸ Власенко Н.А. Логико-структурные дефекты системы советского права // Правоведение. 1991. № 3. С. 22.

⁵⁹ См.: Жильцов М.А. Дефекты трудового права и способы их преодоления : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2011. С. 11.

⁶⁰ См.: Андреев Д.С. Дефектные административно-правовые акты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 71–72.

⁶¹ См.: Зуев О.М. Юридически дефектные нормативно-правовые акты в системе источников права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 175.

⁶² См.: Хлуденева Н.И. Дефекты в экологическом праве: понятие и виды // Журнал российского права. 2014. № 11.

⁶³ См.: Каргин К.В. Юридические документы : монография. М., 2007. С. 160.

⁶⁴ См.: Погодин А.В. Дефекты объективного права // Российское право в Интернете. 2010.

⁶⁵ Никитин С.В. Проблемы правового регулирования судебного нормоконтроля в административном судопроизводстве // Судья. 2018.

- последствия, при которых «затрудняется применение соответствующих правовых норм, порождаются негативные политические и социально-экономические явления, необоснованно ущемляются личные и общественные интересы»⁶⁶;
- ухудшение качества закона как юридического документа⁶⁷;
- нарушение законодателем принципов справедливости, гуманизма, защиты прав и свобод каждого человека⁶⁸.

Таким образом, дефиниция рассматриваемого понятия обычно включает указания: на несоблюдение или нарушение соответствующих правил; на термин, который определяет характер нарушения (дефект, ошибка, недостаток, порок, патология, просчет⁶⁹); на соответствующие негативные последствия указанного нарушения.

Попытки формулирования более конкретной и детальной дефиниции рассматриваемого понятия представляются нецелесообразными в связи с тем, что:

во-первых, в содержании единого определения чрезвычайно трудно охватить все правила, которые могут быть нарушены, что существенно затрудняет перечисле-

---

№ 11. С. 12–17; Никитин С.В. Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе. М., 2010. С. 250.

⁶⁶ Цыбуляк С.И. Дефекты конституционно-правового регулирования избирательных отношений в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2010. С. 17.

⁶⁷ См.: Соколова М.А. Дефекты юридических документов : монография. М., 2016.

⁶⁸ См.: Толкаченко А.А. О духе и букве закона // Право в Вооруженных Силах. 2003. № 10.

⁶⁹ О законотворческих просчетах см., напр.: Дерюга Н.Н., Дерюга А.Н. Правовой контур административной пенологии: проблемы современного состояния // Административное право и процесс. 2018. № 2. С. 4–14.

ние всех возможных негативных последствий таких нарушений;

во-вторых, разнородность и разнонаправленность нарушений не позволяет составить единый перечень недостатков (ошибок, пороков и патологий), который обладал бы необходимой степенью конкретности;

в-третьих, даже если мы положим жизнь на то, чтобы составить перечень, включающий все указанные выше элементы, и предложим его, то законодатель в будущем не преминет в очередной раз удивить нас какой-нибудь новой разновидностью ошибок.

Видимо, поэтому некоторые авторы предлагают открытый список свойств дефектного законодательства: избыточность правового регулирования, нестабильность законодательства, его постоянную корректировку, противоречивость, пробельность и иные дефекты⁷⁰. Другие подчеркивают, что дефекты законодательства могут приводить к ситуации правовой неопределенности, которая влечет неограниченное усмотрение правоприменителя. Третьи справедливо утверждают, что конституционную дефектность правового акта может повлечь противоречие между его общими положениями, которые остаются неизменными, стабильными с момента их принятия, и особенными положениями, которые на определенном этапе развития законодательства радикально модифицируются⁷¹. Наконец, нельзя не согласиться с тем, что отставание законодательства от динамики общественных отношений, их неурегулированность является ничем

---

⁷⁰ См.: Василевич Г.А. Цифровизация права как средство повышения его эффективности // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 32–35.

⁷¹ См.: Тарибо Е.В. Судебный конституционный нормоконтроль: осмысление российского опыта. М., 2018.

иным, как недостатком правового нормативного материала⁷², который «дает почву для произвола»⁷³.

Таким образом, очевидным становится утверждение, что наличие дефектов в общих положениях законодательных актов, игнорирование или неадекватное применение недефектных общих положений законодательства чреваты многочисленными неблагоприятными последствиями.

Наличие множества дефектов в общих положениях законов, их разнородность и разнонаправленность делает очевидной необходимость выработки научно обоснованных способов и приемов их выявления. При этом необходимо определять как общие закономерности появления и функционирования дефектов законодательства, так и конкретные виды и подвиды дефектов соответствующих общих положений, четко указывая на их сущностные, типовые, иерархические и функциональные характеристики и роль в системе правового регулирования.

Дефектность общих положений законов может быть следствием:

- нарушения их иерархических связей, когда общее положение нижележащего уровня не подчинено правилам, установленным общим положением вышестоящего уровня;
- нарушения функциональной дифференциации, когда общее положение выполняет не свойственные ему функции;
- нарушения принципа прозрачности общих положений закона;
- а также результатом недостатков законодательной доктрины и правовой парадигмы.

---

⁷² См.: Кожокаръ И.П. Неполнота правовой регламентации как дефект системы российского права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 5. С. 82–87.

⁷³ Головина С.Ю. Дефекты Трудового кодекса России и способы их устранения // Юрист. 2008. № 4. С. 23.

1.1.5. Недостатки законодательной доктрины и правовой парадигмы как причины дефектов общих положений законодательства

1.1.5.1. Дефектность законодательной парадигмы

Под законодательной парадигмой мы понимаем совокупность общих ценностных, теоретических, методологических и процессуальных положений, используемых законодателем в качестве образца (модели, стандарта) в процессе создания законодательства, рассмотрения законотворческих инициатив и решения возникающих в связи с этим задач. Неизбежные в ходе законотворчества затруднения законодатель разрешает в рамках принятой им парадигмы.

Законодательную парадигму не следует путать с так называемыми «надпозитивными» источниками права. В качестве последних рассматриваются общие принципы и положения, не получившие нормативного закрепления, но провозглашенные в документах неправового или квазиправового характера (декларациях, доктрине)⁷⁴. Как отмечает А.А. Зозуля, «в отличие от юридических доктрин они являются официальными политическими документами (актами) квазюридического характера, формирующими доктринально-концептуальные основы государственной политики в различных сферах жизнедеятельности общества»⁷⁵. Г.И. Муромцев предлагает применять надпозитивные источники не только при пробелах в праве, но и при осуществлении конституционного контроля, «когда буквальное толкование нормы закона может привести

⁷⁴ См.: Люшер Ф. Конституционная защита прав и свобод личности. М., 1993. С. 47–54; Конституционное право зарубежных стран / под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. 2-е изд. М., 2005. С. 37–38.

⁷⁵ Зозуля А.А. Доктрина в современном праве : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 11.

к неприемлемому решению, идет вразрез с намерениями законодателя, при необходимости дополнения и реформирования законодательства»⁷⁶.

В отличие от надпозитивных источников права общие положения законодательной парадигмы могут быть не зафиксированы в каких-либо документах, в связи с чем поддаются выявлению исключительно путем уяснения смысла и содержания положений законов в их соотношении с конституционными принципами, а также общепринятыми принципами этики, морали и нравственности. Единого документа, включающего общие ценностные, теоретические, методологические и процессуальные положения современной законодательной парадигмы, не существует, что может быть связано с сиюминутным характером законодательства.

Литература, в которой обосновывается тезис о необходимости смены парадигмы той или иной отрасли законодательства или сферы законодательного регулирования, достаточно обширна⁷⁷.

⁷⁶ Муромцев Г.И. Источники права // Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2002. С. 27.

⁷⁷ См.: Аврутин Ю.Е. Преодолимы ли парадоксы парадигм публичного управления в теории государственного управления и в административном праве? // Административное право и процесс. 2016. № 8. С. 18–28; Аубакирова И.У. Трансформация парадигмы социального государства: теоретико-правовой аспект // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 6. С. 3–9; Болдинов Я.В. Основные парадигмы антимонопольного регулирования энергетических рынков в Европейском союзе и Республике Польша // Конкурентное право. 2017. № 4. С. 12–15; Боруленков Ю.П. Информационно-интерпретационная парадигма юридического познания // Мировой судья. 2016. № 12. С. 6–13; Вишневский А.А. Современное банковское право: проявления смены парадигмы // Банковское право. 2014. № 2; Демидов Н.В. Административизм как парадигма советского трудового права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. С. 102–109; Исаев И.А. Консервативные парадигмы: власть и традиция // История государства и права. 2015. № 22. С. 36–43; Киричек Е.В. Федеральное собрание Россий-

По А. Смитту, «когда мы находимся внутри парадигмы, трудно представить себе какую-то другую парадигму»⁷⁸. Это означает, что следование устаревшим или неверным парадигмам мешает правильно воспринимать и оценивать окружающую реальность, которая меняется гораздо быстрее, чем меняется та или иная объясняющая ее парадигма. Как верно подмечено, проблема определения парадигмы — не умозрительная, но необходимая прикладная задача, предопределяющая как законотворческое целеполагание, так и методологию — и процесса, и его нормативной модели⁷⁹. По выражению А.Б. Зеленцова, «многие... правовые парадигмы, сформировавшиеся и утвердившиеся в советскую эпоху, превратились в устойчивые стереотипы, которые продолжают в той или иной форме влиять на современное... правопонимание. Эти стереотипы суть частные проявления общей парадигмы теории... права, которая строится на абсолютизации отдельных функций этого права...»⁸⁰.

Современная парадигма законодательного регулирования отношений с участием государства и предпринима-

---

ской Федерации — на страже прав и свобод человека и гражданина: парадигмы и противоречия организации и деятельности // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 4. С. 28–33; Нарутто С.В. Роль Конституционного суда Российской Федерации в определении парадигмы современного правопонимания // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 11. С. 64–70; Олейник О.М., Максимова С.А. Банковская тайна: смена парадигмы или дисбаланс интересов? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 12. С. 71–77; Остапец О.Г. Парадигма реформирования Конституции России на современном этапе // Российская юстиция. 2016. № 3. С. 47–50.

⁷⁸ Smith Adam. Powers of the Mind. Random House. 1975. P. 20.

⁷⁹ См.: Сахнова Т.В. Актуальные парадигмы цивилистического процесса // Вестник гражданского процесса. 2016. № 2. С. 11–26.

⁸⁰ Зеленцов А.Б. КАС РФ как предпосылка смены парадигмы в теории административного права // Административное право и процесс. 2015. № 11. С. 30.

телей исходит из отрицания естественного характера прав последних и базируется на нормативистском (легистском) правопонимании. Сущность последнего в том, что нормативист обращается к людям и институтам с требованием о том, что «так должно быть», вместо того чтобы подходить к миру как к комплексу законченных и конечных продуктов длительного процесса развития⁸¹. По К. Шмитту, «юридическое обоснование такого последовательно легалистского позитивизма прошло через три стадии: сначала говорили о “воле законодателя”, затем — о воле закона, и, наконец, основополагающим был объявлен закон, самодостаточная норма»⁸². О превращении закона, сначала в инструмент политики и средство управления обществом, а затем в целенаправленный, относительно недолговечный, адресованный обществу политический приказ, справедливо говорит И.А. Исаев⁸³. По словам Р. Давида, «принятие идеи, согласно которой власть может все регулировать по своему усмотрению, означало бы возврат к пройденному позитивизму»⁸⁴.

Анализ показывает, что современная парадигма законодательного регулирования отношений с участием государства и предпринимателей исходит из уверенности, что для государства нет ничего невозможного, что «никакая ложь, никакой обман, никакая жестокость в отношении чужих или собственных граждан не могут быть поставлены в упрек, если оно тем самым приносит себе пользу»⁸⁵.

---

⁸¹ См.: Ван ден Брук А.М. Миф о вечной империи и Третий рейх. М., 2009. С. 246–312.

⁸² Шмитт К. О трех видах юридического мышления // Шмитт К. Государство: Право и политика / пер. с нем. и вступ. ст. О.В. Кильдюшова ; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М., 2013. С. 328.

⁸³ См.: Исаев И.А. Консервативные парадигмы: власть и традиция // История государства и права. 2015. № 22. С. 36–43.

⁸⁴ Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 2003. С. 111.

⁸⁵ Хейзинга И. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 317.

Морально-психологическое оправдание этих установок выражается лозунгом «Загоним железной рукой человечество к счастью!»⁸⁶. Похожие лозунги («Слепцов надо в рай загонять бичом»⁸⁷) можно встретить у И. Эренбурга, который наглядно показывает методологию их претворения в жизнь: «Мы ведем человечество к лучшему будущему. Одни, которым это не выгодно, всячески мешают нам... Мы должны их устранять, убивая одного для спасения тысячи. Другие упираются, не понимая, что их же счастье впереди, боятся тяжкого перехода, цепляются за жалкую тень вчерашнего шалаша. Мы гоним их вперед, гоним в рай железными бичами. Дезертира-красноармейца надо расстрелять для того, чтобы дети его, расстрелянного, познали всю сладость грядущей коммуны!»⁸⁸ Если указанные лозунги изложить в терминах российской Конституции, то можно предположить, что современная законодательная парадигма включает установки, которые отрицают конституционные принципы равенства и недопустимости осуществления прав и свобод человека и гражданина за счет нарушения прав и свобод других лиц.

Сегодня можно говорить, что идеологические, морально-нравственные и ценностные установки, систематически реализуемые с незначительными вариациями во множестве федеральных законов, регулирующих отношения с

⁸⁶ Отмечается, что данный лозунг широкую известность получил в 1988 г., когда он появился в титрах документального телефильма «Власть соловецкая» (сцен. В. Листова и Д. Чуковского, реж. М. Голдовская). Отсюда ошибочное представление, будто это изречение было вывешено в Соловецких лагерях. Однако это — текст памятной доски, установленной в 1918 г. на здании Румянцевской библиотеки в Москве согласно плану «монументальной пропаганды». См.: Душенко К.В. Словарь современных цитат. 5 250 цитат и выражений XX и XXI вв., их источники, авторы, датировка. М., 2006.

⁸⁷ См.: Эренбург И. Золотое сердце. Ветер. М. ; Берлин, 1922.

⁸⁸ См.: Эренбург И. Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников. М., 1989.

участием государства и предпринимателей, подвели нас к опасной черте. Если в начале десятых годов подобное законотворчество, получившее в народе саркастическое наименование «взбесившийся принтер»⁸⁹, вызывало лишь отдельные нарекания, то сегодня мы имеем все больше оснований констатировать наличие системного кризиса названного законодательства. Этот кризис проявляется в систематическом нарушении законных прав и интересов предпринимателей. И хотя торжественно заявлено, что «главная цель... — превратить человека из средства в цель... конкретный человек более чем когда-либо будет выступать как средство, используемое властями для служения таким отвлеченным целям, как “всеобщее благо” или “общественное благосостояние”»⁹⁰. Поэтому нельзя не согласиться с тем, что «современные проблемы... правового регулирования... нельзя успешно разрешить без коренного пересмотра парадигмы теории... права через призму положений Конституции Российской Федерации»⁹¹.

Рассматриваемый кризис может иметь «последствия, далеко выходящие за границы нормативной материи, в частности, именно они приводят к дефектам правосознания»⁹², к негативному отношению к праву и государству. Опасность в том, что при достижении определенного

---

⁸⁹ См., напр.: Госдума: «взбесившийся принтер» или Россия в миниатюре? // BBC News. Русская служба. 2013. 5 марта; Наследие бешеного принтера // MAXPARK. 2016. 21 июня; Как же вы бесите. Можно ли на самом деле считать нынешнюю Госдуму «взбесившимся принтером»: анализ «Ленты.ру» // Лента.ру. 2013. 22 марта.

⁹⁰ См.: Хайек Ф.А. фон. Дорога к рабству / пер. с англ. ; предисл. Н.Я. Петракова. М., 1992.

⁹¹ Стахов А.И. О необходимости смены парадигмы отечественного административного права под воздействием конституционных норм // Административное право и процесс. 2018. № 6. С. 15–20.

⁹² Морозов А.В. Психология аномальных социальных проявлений в современном обществе как дефект правосознания // Юридическая психология. 2006. № 1. С. 12.

критического уровня подобное законодательное регулирование может привести к аномии. Согласно Э. Дюркгейму, аномия — это состояние общества, в котором происходят разложение, дезинтеграция и распад определенной системы устоявшихся ценностей и норм, ранее поддерживавшей традиционный общественный порядок, по причине ее несоответствия новым принятым государством идеалам. Необходимое условие возникновения аномии в обществе — расхождение между потребностями и интересами части его членов и возможностями их удовлетворения⁹³.

1.1.5.2. Отсутствие общепринятой правовой доктрины

Термин «доктрина»⁹⁴ обычно употребляется в одном из следующих значений:

во-первых, как самостоятельное обобщенное юридическое понятие (правовая доктрина, доктрина права, научная доктрина, конституционная доктрина);

⁹³ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996; Дюркгейм Э. Самоубийство. СПб., 1998; Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления. М., 2013; Ковалева А.И. Аномия // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 4. С. 155–156; Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М., 1966. С. 299–313.

⁹⁴ Доктрина — философская, политическая либо правовая теория, религиозная концепция, учение, система воззрений, руководящий теоретический или политический принцип. См.: Исмаилов Б.И., Газиев К.Ж. Политико-правовые доктрины эпохи глобализации. Ташкент, 2013; Малиновский А.А. Доктрина как источник уголовного права (сравнительно-правовые аспекты) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 1; Марченко М.Н. Источники права. М., 2006. С. 605–610; Полдников Д.Ю. Договорные теории глоссаторов. М., 2008; Пряхина Т.М. Конституционная доктрина РФ / под ред. В.О. Лучина. М., 2007; Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М., 1986; Толстопятенко Г.П. Европейское налоговое право. М., 2001.

во-вторых, как официальный, имеющий концептуальный характер, акт правотворчества органов государственной власти, включающий программные положения — оценки существующего государства и права, политические цели и задачи⁹⁵, которые должны иметь логическую основу — допустимые правила логического вывода и доказательства⁹⁶, а также аргументационную основу — выведенные утверждения и рассуждения с доказательствами⁹⁷ (доктрина продовольственной безопасности, военная доктрина, доктрина информационной безопасности и т. п.);

в-третьих, как обозначение различных правовых явлений и категорий, например:

- доктрина правового государства⁹⁸;
- неолиберальная политико-правовая доктрина⁹⁹;
- доктрина государственного управления¹⁰⁰;

---

⁹⁵ История политических и правовых учений / под ред. О.Э. Лейста. М., 1997. С. 97.

⁹⁶ См.: Игнатенко В.В. Концептуальные основы теории качества правового закона // Академический юридический журнал. Иркутск. 2000. № 1.

⁹⁷ См.: Кирилловых А.А. Правовая доктрина и доктринальность в праве: к вопросу об источниках правового регулирования // Законодательство и экономика. 2015. № 8. С. 29–41.

⁹⁸ См.: Батеева Е.В., Питерская А.Л. Проблемы теоретического обоснования доктрины правового государства // Среднерусский вестник. 2015. Т. 10. № 6. С. 175–184; Золотарев С.П. Политико-правовая доктрина как один из источников права // Сборник научных трудов. 2013. Т. 29. № 1. С. 68–72.

⁹⁹ См.: Попова А.В. Русская неолиберальная политико-правовая доктрина как интегральный тип правопонимания в конце XIX — начале XX в. // Политика и общество. 2014. № 2. С. 167–175.

¹⁰⁰ См.: Сулакшин С.С., Погорелко М.Ю., Вилисов М.В., Малчинов А.С., Нетесова М.С., Симонов В.В. Российские доктрины как акты государственного управления. М., 2012.

- доктрина прав и свобод человека и гражданина¹⁰¹;
- доктрины различных отраслей права¹⁰²;
- доктрина правовых запретов¹⁰³;
- правовая доктрина конституционного суда¹⁰⁴ и т. д.

Доктрина как самостоятельное обобщенное юридическое понятие определяется в литературе различными способами:

- по мнению С.В. Бошно, научную доктрину принято воспринимать как формальный источник права, но формальный не с точки зрения его безусловно обязательного характера, а с точки зрения того, что она не повсеместно признана источником права как таковым. Наука — это не объективно выраженный источник права, а идеология конкретного исторического общества, проявление народного духа¹⁰⁵;
- А.А. Васильев трактует правовую доктрину как систему «идей о праве, признаваемых в качестве обязательных

¹⁰¹ См.: Мадаев Е.О. Место и роль правовой доктрины в правовой системе Российской Федерации // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 52(2). С. 193.

¹⁰² См.: Малиновский А.А. Доктрина как источник уголовного права (сравнительно-правовые аспекты) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 1. С. 3–6; Пряхина Т.М. Конституционная доктрина РФ / под ред. В.О. Лучина. М., 2007; Сюкийнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М., 1986; Толстопятенко Г.П. Европейское налоговое право. М., 2001.

¹⁰³ См.: Пузиков Р.В. Доктрина правовых запретов как средство реализации правовой политики современной России // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. Право. 2012. № 1(11). С. 37–42.

¹⁰⁴ См.: Любитенко Д.Ю. Правовая доктрина Конституционного суда Российской Федерации: общетеоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011.

¹⁰⁵ См.: Бошно С.В. Доктрина как форма и источник права // Правоведение. 2002. № 5.

официально государством или юридической практикой в силу их авторитета и общепринятости, выражающих определенные социальные интересы и определяющих содержание и функционирование правовой системы и непосредственно воздействующих на волю и сознание субъектов права»¹⁰⁶;

- Р. Давид считает, что «доктрина в наши дни, так же как и в прошлом, составляет очень важный и весьма жизненный источник права»¹⁰⁷;
- И.С. Зеленкевич утверждает, что «доктрина права — это авторитетное, общепризнанное научное предложение в области права и связанных с ним правовых явлений, ассоциирующееся с определенной научной школой или авторитетным ученым, нашедшее свое отражение и закрепление в нормотворческой и правоприменительной практике и являющееся самостоятельным объектом материального права»¹⁰⁸;
- по утверждению А.А. Зозули, «юридическая доктрина представляет собой общеправовую категорию, интегрирующую совокупность юридико-научных трактовок и суждений о позитивном праве»¹⁰⁹;
- В.М. Капицына полагает, что, в отличие от нормативных актов, доктрина, «скорее, формирует среду для их принятия, применения, интерпретации. Доктрина улавливает выдвижение, артикуляцию проблемы, от-

---

¹⁰⁶ Васильев А.А. Правовая доктрина как источник права: историко-теоретические вопросы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2007. С. 7.

¹⁰⁷ Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1967. С. 162.

¹⁰⁸ Зеленкевич И.С. Нормативно-правовой акт и правовая доктрина: вопросы определения и соотношения в качестве формы и источника современного российского права // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2014. № 22. С. 69.

¹⁰⁹ Зозуля А.А. Доктрина в современном праве : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 9.

мечает рост значения ее для общественности, по сравнению с конкурирующими проблемами, а в определенной степени и конструирует проблему»¹¹⁰;

- М.Н. Марченко отмечает, что «доктрина оказывает огромное влияние не только на правоприменителя и “интерпретатора” действующего права, но и на законодателя»¹¹¹;
- В.И. Михайловский считает юридическую науку, которая представляла собой отдельные доктринальные представления в юриспруденции, одним из источников права наравне с обычаем и законом¹¹²;
- С.Г. Павликов утверждает, что «конституционная доктрина (если только не понимать ее как совокупность научных и судебных позиций) в современной России представляет собой нетрадиционный и малоиспользуемый источник права. Спорное ее понимание как вышеуказанного симбиоза лишает конституционную доктрину основного позитивного элемента — независимости от власти»¹¹³;
- по мнению Т.М. Пряхиной, «конституционная доктрина — это систематизированная совокупность основополагающих взглядов и нормативных формул, устанавливающих стратегические перспективы конституционного развития России»¹¹⁴;

¹¹⁰ Капицына В.М. Доктрина, интерпретационный процесс и конституционное право // Конституция и доктрины России современным взглядом : материалы Всерос. науч. конф. (Москва, 17 марта 2009 г.). М., 2009. С. 107.

¹¹¹ Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право. М., 2011. С. 141.

¹¹² См.: Михайловский В.И. Очерки по философии права. Томск, 1914.

¹¹³ Павликов С.Г. Конституционная доктрина правового государства // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 11.

¹¹⁴ Пряхина Т.М. Конституционная доктрина как фактор оптимизации правовой политики современной России // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 1. С. 33.

- В.В. Сорокин утверждает, что «по своему генезису правовая доктрина представляет собой господствующий в переходный период тип юридического мышления и правопонимания, отражающий духовный уклад и одухотворенные традиции народа, а также правовые взгляды ведущих правоведов»¹¹⁵;
- В.М. Сырых указывает, что «доктрина направлена на формирование и модернизацию источников права и российская правовая наука недооценивает ее значение»¹¹⁶;
- Т.Я. Хабриева отмечает, что в самом общем виде доктрину характеризует «авторитетное мнение ученых, выраженное в форме принципов, теорий, концепций»¹¹⁷;
- Д.В. Ходукин считает, что «в современном виде доктрина нередко облекается в форму важнейших концептуальных положений, которые включаются в основные нормативные правовые акты и определяются как общие правовые предписания»¹¹⁸;
- С.Ю. Чапчиков рассматривает доктрину как «органическое единство научно-теоретических (концептуальных), программно-политических (директивных) и нормативно-правовых (среди которых на первом месте — конституционные) положений, отражающих цели, задачи, средства достижения состояния защищенности личности, общества и государства на основе баланса их личных и публичных интересов, обеспечения конституционных прав и свобод, суверенитета,

¹¹⁵ Сорокин В.В. Общее учение о государстве и праве переходного периода. М., 2010. С. 362.

¹¹⁶ Сырых В.М. Теория государства и права. М., 1998. С. 48.

¹¹⁷ Хабриева Т.Я. Доктринальное значение российской Конституции // Журнал российского права. 2009. № 2. С. 23.

¹¹⁸ Ходукин Д.В. Формы правовых предписаний : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 40.

территориальной целостности и устойчивого развития Российской Федерации в современном мире»¹¹⁹.

Особняком стоит точка зрения, отрицающая необходимость правовой доктрины: «в современных условиях нашему государству необходима “жесткая диктатура закона”, поддерживаемая судебной ветвью власти, зависимой от населения, общества, а не от правовой доктрины»¹²⁰.

Значение правовой доктрины обосновывается тем, что она:

- «огромная созидаящая сила, способная не только формулировать законодательные нормы, но и осознанно развивать правовую систему государства в целом»¹²¹, «не только отражать юридическую действительность, но и творчески преобразовывать все части правовой системы общества»¹²²;
- «стержень, определяющее звено, влияющее на все стороны правовой жизни в переходный период»¹²³;
- «источник формирования правовой политики как одного из обязательных элементов правовой жизни российского общества»¹²⁴;

¹¹⁹ Чапчиков С.Ю. Необходима конституционная доктрина безопасности личности, общества, государства // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 6. С. 14.

¹²⁰ Овчинников А.И., Далгатова А.О., Фатхи В.И. Правовая доктрина как источник права в Российской Федерации // Философия права. 2016. № 2(75). С. 63.

¹²¹ Летяев В.А., Фомин А.А. Влияние римского права на формирование и развитие юридической доктрины как источника права // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4(42). С. 47.

¹²² Васильев А.А. Правовая доктрина как источник права: историко-теоретические вопросы : дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2007. С. 3.

¹²³ Сорокин В.В. Общее учение о государстве и праве переходного периода. М., 2010. С. 361.

¹²⁴ Пузиков Р.В. Доктрина как форма и источник формирования правовой политики // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2011. № 2(27). С. 71.

- «способствует более эффективному применению правовых норм, содержащихся в нормативных правовых актах и иных источниках права, обеспечивая проявление заложенного в них смысла»¹²⁵;
- влияет и на формирование законодательства, и на совершенствование правоприменительной практики¹²⁶.

Отмечается, что «необходимо всячески пропагандировать роль доктрины в правовой системе, использовать потенциал научной мысли, — на наш взгляд, это один из шансов для страны выбраться из того экономического, политического, социального кризиса, в котором мы сегодня находимся»¹²⁷.

Доктрина как официальный концептуальный акт правотворчества органов государственной власти рассматривается как:

- «стратегия развития государства в целом или в отдельных общественно-политических сферах. Такая доктрина содержит комплексную оценку состояния всех сфер общественно-политической жизни (или отдельных ее составляющих) в государстве и стратегического прогноза их развития, научно обоснованное определение текущих и перспективных задач, объективных потребностей и реальных возможностей обеспечения развития государства, а также системный анализ имеющихся проблем и механизмов их разрешения, включая зарубежный опыт, международной

---

¹²⁵ Зайцев О.В. Становление и развитие современной доктрины гражданского права в России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 3.

¹²⁶ См.: Демиева А.Г. О некоторых современных проблемах развития доктрины гражданского права // Юрист. 2018. № 6. С. 14–20.

¹²⁷ Мадаев Е.О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2012. С. 214.

обстановки и ее влияния на внутригосударственное развитие»¹²⁸;

- «политическое решение, задающее долгосрочные цели развития общества и государства в конкретной сфере (управления)»¹²⁹, которое «может выполнять чисто технологическую функцию, заключающуюся в обеспечении устойчивости в достижении долгосрочных управленческих целей в той или иной сфере»¹³⁰.

При этом в связи с тем, что «норма доктрины в отличие от “сухого” нормативного акта может быть изложена доступным населению образным и ярким языком»¹³¹, все больше появляются декларативные государственные доктрины. Такой их характер «в большинстве случаев создает проблемы применения их норм в формировании и совершенствовании государственной политики в соответствующих областях, поскольку остаются неопределенными методы реализации норм доктрин в практической деятельности. Методы контроля исполнения этих норм в большинстве случаев являются оценочными, а оценки существенно зависят от того, какие эксперты их выставляют»¹³².

¹²⁸ Побережная И.А. Послание Президента РФ и его место в системе права России // Конституция и доктрины России современным взглядом : материалы Всерос. науч. конф. (Москва, 17 марта 2009 г.). М., 2009. С. 276.

¹²⁹ Вилисов М.В. Доктрина как технология государственного управления // Конституция и доктрины России современным взглядом : материалы Всерос. науч. конф. (Москва, 17 марта 2009 г.). М., 2009. С. 95.

¹³⁰ Там же. С. 100.

¹³¹ Денисов С.А. Политическая доктрина в нормативном регулировании современной России // Конституция и доктрины России современным взглядом : материалы Всерос. науч. конф. (Москва, 17 марта 2009 г.). М., 2009. С. 119.

¹³² Римский В.Л. Гражданское и экспертное участие в подготовке, принятии и реализации доктринальных документов // Конституция и доктрины России современным взглядом: Всерос. науч. конф. (Москва, 17 марта 2009 г.). М., 2009. С. 444.

Мы поддерживаем критику, согласно которой ничего похожего на доктрину права в западном понимании в российском правовом поле нет. Рецепция произошла лишь на уровне термина, но никак не института. В 90-е годы законодатель заимствовал лишь атрибуты западной правовой культуры в качестве демонстрации своей цивилизованности. Для того чтобы российская доктрина права из схоластической науки стала источником права, необходимы радикальные либо длительные изменения¹³³. В связи с этим В.П. Мозолин обоснованно отмечает известную хаотичность, «которая в первую очередь связана с тем, что... у нас часто не разработка доктрины предшествует принятию закона, а наоборот, на основе принятого закона формулируется его доктрина»¹³⁴. По мнению М.А. Жильцова, доктринальные дефекты возникают «вследствие того, что законодатель не учитывает традиционные научные подходы и концепции, существующие в науке на момент принятия нормативного правового акта»¹³⁵. Поскольку отдельные нормы права в отечественном законодательстве не рассматриваются в качестве самостоятельного источника права, можно говорить о деформированной форме выражения правовой доктрины¹³⁶.

Следует согласиться с И.В. Дойниковым, когда он говорит, что «законодательство, регулирующее экономическую

---

¹³³ См.: Ткаченко С.В. Возможность рецепции доктрины права в российскую правовую систему // Российская юстиция. 2018. № 11. С. 38–41.

¹³⁴ Мозолин В.П. Современная доктрина и гражданское законодательство. М., 2008. С. 108.

¹³⁵ Жильцов М.А. Дефекты трудового права и способы их преодоления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2011. С. 31.

¹³⁶ См.: Ордина О.Н. К вопросу о правовой доктрине как источнике административного права // Административное право и процесс. 2014. № 10. С. 42–44.

сферу, привело к экономической и социальной катастрофе. Задача юридической науки — разрабатывать на основе документов и доктрины... адекватную теорию...»¹³⁷. В связи с этим следует всемерно поддержать исследователей, которые в рамках философского понимания доктрины изучают воззрения, ценностные ориентиры и идеи правового государства¹³⁸, прав и свобод¹³⁹, верховенства права¹⁴⁰, разделения властей¹⁴¹ и т. д.

Непоследовательность и в целом недостатки развития законодательства Российской Федерации связаны с тем, что не разработка учений, взглядов, научных позиций обуславливает формирование доктрины, а, напротив, «поточное» законодательство вынуждает создавать так называемые доктрины его применения¹⁴². Не случайно В.Д. Зорькин считает, что «дальнейшее развитие доктрины правового государства и основанной на ней право-

---

¹³⁷ Дойников И.В. Национальная доктрина хозяйствования и современная либеральная теория гражданского и предпринимательского права (тезисы выступления на конференции) // Бизнес в законе. 2007. № 3. С. 169–170.

¹³⁸ См.: Вышкварцев В.В. Генезис идеи правового государства и ее реализация в России на современном этапе // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 2. С. 247–250.

¹³⁹ См.: Лимонова Н.А. Влияние идеи «прав человека» на закрепление правового статуса личности в области свободы передвижения // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 12. С. 10–12.

¹⁴⁰ См.: Вострикова В.В. Принцип верховенства права как основополагающая идея либеральной модели правового государства (конец XIX — начало XX в.) // Альманах современной науки и образования. 2009. № 7-2. С. 41–44.

¹⁴¹ См. Азнагулова Г.М. Вопросы рецепции западной идеи разделения властей в правовую систему России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 10. С. 172.

¹⁴² См.: Кирилловых А.А. Правовая доктрина и доктринальность в праве: к вопросу об источниках правового регулирования // Законодательство и экономика. 2015. № 8. С. 29–41.

творческой и правоприменительной практики должно исходить из трактовки социальных прав не только как неких общих ориентиров для законодателя и правоприменителя, но именно как основных прав, равных по значимости гражданским и политическим правам человека и гражданина»¹⁴³.

Таким образом, отсутствие единой, общепринятой, имеющей официальный характер, правовой доктрины является одной из существенных характеристик современного российского законодательства, способствующей производству и воспроизводству дефектного законодательства.

1.2. ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДЕФЕКТОВ ОБЩИХ ПОЛОЖЕНИЙ ЗАКОНОВ И ИХ СВОЙСТВА

Системно-логический характер законодательства позволяет выделить некоторые закономерности функционирования дефектов общих положений законов. Под закономерностями функционирования дефектов общих положений законов мы понимаем устойчивые и регулярные взаимосвязи между дефектными, а также между дефектными и недефектными общими положениями, обнаруживающиеся в процессе действия данного закона, при внесении в него изменений и дополнений, а также в процессе действия и развития смежного законодательства.

---

¹⁴³ Зорькин В.Д. Право и правоприменение в Российской Федерации: доктрина и практика : материалы к докладу на международной конференции «Право и правоприменение в России: междисциплинарные подходы» // Официальный сайт Конституционного суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru>

В общем виде закономерность — это объективно существующая, повторяющаяся, существенная связь явлений. Поэтому знание закономерностей функционирования дефектов общих положений позволяет объяснить их причины, раскрыть сущность, спрогнозировать последствия, а также предвидеть их изменение и дальнейшее развитие в законодательстве. Я.К. Чепенко вполне обоснованно утверждает, что закономерности правовой дефектологии имеют не только формально-юридическое, правовое, но и социальное, политическое, а порой и финансово-экономическое содержание¹⁴⁴. Мы бы дополнили этот перечень психологическим и социологическим содержанием.

С формально-логической точки зрения закономерности функционирования дефектов общих положений законов имеют двойственный характер:

- с одной стороны, они являются жестко детерминированными динамическими закономерностями, в связи с чем строго подчиняются законам логики. В данном случае определяющий характер имеет строгая однозначность соответствующих связей и зависимостей, означающая их концептуальную (качественную) равноценность: любая связь, независимо от природы и структуры соответствующего законодательного дефекта, в равной мере признается необходимой;
- с другой стороны, они являются статистическими закономерностями, то есть образованными из взаимодействия дефектов законодательства, которые представляют собой относительно независимые или квазинезависимые сущности. Это предопределяет наличие двух следующих особенностей, первая из которых состоит

---

¹⁴⁴ См.: Чепенко Я.К. Конституционные пробелы и их категориальное обоснование в соотношении с правовой неопределенностью // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 12. С. 17–21.

в том, что относительная независимость, или квазинезависимость, дефектов общих положений как элементов единой системы обеспечивает им известную устойчивость и единство действия. Второй важнейшей особенностью системы дефектов общих положений является их иерархия и субординация.

В связи с последним одна из задач изучения закономерностей функционирования дефектов общих положений заключается в раскрытии взаимосвязей между отдельными дефектами (их свойствами), их группами и целостными характеристиками соответствующих законов и отраслей законодательства. Такие взаимосвязи не укладываются только в рамки координации, а включают иерархическую компоненту.

Для закономерностей функционирования общих положений законодательства характерен синтез жесткости (однозначности) и независимости (случайности). Это связано не только со сложностью самих закономерностей, но и с необходимостью рассматривать две их «крайние» характеристики, выражающие некоторые предельные, а значит, простейшие состояния изучаемых явлений и объектов, что неоднократно подчеркивалось в науке. Так, считается фундаментальной проблема «связи динамических и статистических законов, прежде противопоставлявшихся друг другу»¹⁴⁵. Аналогичный подход исповедуют Пригожин и Стенгерс: «Мы должны отыскать узкую тропинку, затерявшуюся где-то между двумя концепциями, каждая из которых приводит к отчуждению: концепцией мира, управляемого законами, не оставляющими места для новации и созидания, и концепцией, символизируемой Богом, играющим в кости, концеп-

---

¹⁴⁵ Гапонов-Грехов А.В., Рабинович М.И. Нелинейная физика. Стохастичность и структуры // Физика XX века. Развитие и перспективы. М., 1984. С. 228.

цией абсурдного, акаузального¹⁴⁶ мира, в котором ничего нельзя понять»¹⁴⁷.

Раскрытие закономерностей функционирования дефектов общих положений законов и их свойств ведет к детализации наших представлений о структурной организации и функциональности законодательства.

Проведенные исследования позволяют утверждать, что появление и наличие дефектов в общих положениях закона оказывает на законодательную материю разнонаправленное влияние, различающееся по характеру воздействия на специальные (особенные) нормы законодательства, широте распространения негативных эффектов в законодательстве и степени их негативного влияния на правовое положение субъектов регулируемых отношений. Представляется возможным выделить отдельные виды указанного влияния, которые характеризуются:

1) появлением множества дефектов в специальных (особенных) положениях данного закона, которые, имея производный от соответствующих дефектов общих положений характер, соотносятся с ними как единичное и общее;

2) полным или ограниченным (частичным) подавлением действия недефектных общих и особенных положений закона;

---

¹⁴⁶ Акаузальная синхроничность — принцип, введенный Юнгом, содержащий противопоставление фундаментальному принципу причинности и описываемый как постоянно действующий в природе творческий принцип, упорядочивающий события непричинным путем, только на основании их смысла. См.: Копейкин К.В. «Души» атомов и «атомы» души // Христианство и наука / сост. Ю.С. Владимиров. М., 2008; Стерледев Р.К., Стерледева Т.Д. Проблема синхроничности и возможные варианты ее решения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. Т. 2. № 3(65); Юнг К.Г. О синхроничности // Сознание и бессознательное. СПб., 1997; Юнг К.Г. Синхроничность: акаузальный объединяющий принцип. // Юнг К.Г. Синхроничность. М., 1997.

¹⁴⁷ Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. М., 1994. С. 261.

3) деформацией понимания и правоприменения имеющих дефектов общих положений данного закона, а также появлением дефектов в общих и специальных положениях смежного законодательства;

4) устойчивостью одних дефектных общих положений закона к негативному воздействию других таких положений и позитивному влиянию недефектных общих положений данного закона;

5) усилением негативных проявлений в особенных (специальных) положениях закона при взаимодействии двух или более дефектов общих положений данного закона, при котором совместное действие последних приводит к такому нарастанию дефектного законодательного материала, которое существенно превосходит простую сумму негативных последствий каждого из дефектов.

Воздействие на правовое положение субъектов регулируемых отношений показанных выше видов влияния дефектов на законодательную материю характеризуется наличием объективных, существенных, устойчивых и повторяющихся логико-структурных связей общего характера. Наличие таких связей позволяет выявить, присвоить наименования и дать определения закономерностям функционирования дефектов общих положений законов (эпитаксия, синергия и супрессия) и их закономерным свойствам (законодательная контагиозность — простая и квалифицированная — и ригидность.

1.2.1. Эпитаксия дефектов общих положений закона

Данная закономерность функционирования дефектов общих положений законов проистекает из аксиоматически очевидного обстоятельства: наличие дефектов в общих положениях закона неизбежно влечет за собой появление и нарастание дефектов в особенных положениях данного

закона. Это явление мы называем *эпитаксией*¹⁴⁸ *дефектов общих положений закона* и определяем ее как закономерное появление и нарастание дефектного материала в специальных (особенных) положениях данного закона, являющееся неизбежным следствием наличия дефектов в его общих положениях.

Примером в данном случае может послужить дефектное определение предмета правового регулирования в Федеральном законе от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг». Названный закон в целях защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг определяет правовой статус уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг, порядок досудебного урегулирования финансовым уполномоченным споров между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями, а также правовые основы взаимодействия финансовых организаций с финансовым уполномоченным.

Явная дефектность данной формулировки заключается: во-первых, в ее направленности только на защиту прав и законных интересов потребителей финансовых услуг, что означает игнорирование прав и интересов финансовых организаций;

во-вторых, в упоминании только правовых основ взаимодействия финансовых организаций с финансовым уполномоченным, в то время как указание на правовые основы взаимодействия потребителей финансовых услуг с финансовым уполномоченным отсутствует.

Неизбежным следствием подобной регламентации предмета правового регулирования стало то, что досудебное урегулирование *гражданско-правовых* споров между

---

¹⁴⁸ Эпитаксия — закономерное нарастание одного кристаллического материала на другом при более низких температурах. См.: Питер Ю., Кардона М. Основы физики полупроводников / пер. с англ. И.И. Решинной ; под ред. Б.П. Захарчени. 3-е изд. М., 2002.

финансовыми организациями и потребителями их услуг осуществляется специальными (особенными) нормами, имеющими преимущественно административно-правовой характер. Эти административные нормы принуждают финансовые организации взаимодействовать с финансовым уполномоченным, в том числе уплачивать обязательные взносы для обеспечения деятельности Службы финансового уполномоченного независимо от результатов рассмотрения соответствующих жалоб¹⁴⁹.

Нам могут возразить, что в рассматриваемом и подобных случаях имеет место обратная закономерность: сначала были написаны специальные нормы, нужные законодателю или регулятору и предусматривающие только обязанности финансовых организаций и только права потребителей финансовых услуг, и только потом на их основании был сформулирован предмет закона. К этому некоторые могут добавить, что критикуемые особенные положения Закона № 123-ФЗ — это вовсе и не дефекты законодательства, а государственная политика в сфере введения дополнительных средств защиты прав и свобод человека и гражданина, направленная на ограничение «разжиревших кровопийц ростовщиков».

На наш взгляд, определяющее значение имеет порядок восприятия, понимания и применения законов. Это обусловлено тем, что:

во-первых, прочтение, восприятие и понимание любого закона всегда начинается с его общих, а не особенных положений. Поэтому, если мы уже на уровне общих положений закона увидели подход, основанный на неравенстве субъектов регулируемых отношений, то можем уверенно утверждать, что такой подход неизбежно получит свое дальнейшее развитие в специальных положениях этого закона. Кроме того, практика, при которой сначала фор-

---

¹⁴⁹ Подробнее об этом см.: Викулин А.Ю. Начала теории законодательных дефектов. М., 2019.

мулируются нужные кому-либо специальные (особенные) нормы, а затем «под них» пишутся или исправляются общие положения этого закона, является порочной, так как предоставляет широкие возможности для субъективного волюнтаризма в законотворчестве. Как показано выше, методологически верным является обратный порядок;

во-вторых, даже если на практике сначала были написаны особенные нормы закона, предусматривающие только права потребителей финансовых услуг и только обязанности финансовых организаций, а затем на этой основе были сформулированы предмет и цели закона, то здесь имеет место подход, имеющий ценностно ориентированный характер и основанный на желании принудить финансовые организации взаимодействовать с финансовым уполномоченным.

Иными словами, в основе Закона № 123-ФЗ лежит подход, основанный на признании неравенства участников регулируемых отношений, отсутствии неприкосновенности собственности и свободы договора, допустимости произвольного вмешательства государства в частные дела, наличии ограничений для беспрепятственного осуществления финансовыми организациями их гражданских прав, не обеспечивающий восстановление нарушенных прав финансовых организаций и препятствующий их судебной защите. Подобный подход, хотя и реализован в законодательном акте, но имеет не правовой, а аксиологический (ценностный) характер. В отличие от знаний, ценности не подлежат логической проверке. Они представляют собой единые эмоционально и интеллектуально воспринимаемые данности, которые побуждают субъектов к деятельности на их основе и воспринимаются как разнообразные блага. С этой точки зрения перед нами *дефект законодательной аксиологии*, то есть неверная ценностная и морально-этическая установка, лежащая в основе рассматриваемых положений законодательства. Она невер-

на потому, что противоречит принципам, закрепленным в гражданском законодательстве и Конституции РФ, а также политике, публично декларируемой руководством страны, и обусловлена воздействием на законотворчество ведомственных (групповых), экономических и (или) политических факторов.

Другим *примером* эпитаксии законодательных дефектов может послужить латентный дефект разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере отношений, регулируемых Законом № 123-ФЗ. Сущность этого дефекта заключается в неправильном определении предметов ведения Российской Федерации и субъектов РФ в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, в том числе путем введения дополнительных средств их защиты (подробнее об этом см. раздел 3.2.1. «Дефект нелегитимности предмета правового регулирования» настоящей работы).

Неправильное определение предметов ведения Российской Федерации и субъектов РФ в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина неизбежно повлекло за собой появление и нарастание дефектов в особенных положениях названного закона. Это свидетельствует о том, что мы имеем дело с латентной эпитаксией одного из общих положений Закона № 123-ФЗ.

1.2.2. Законодательная супрессия

Вторая закономерность функционирования дефектов общих положений законодательства имеет в своем основании то обстоятельство, что дефектные общие положения обычно «соседствуют» в законе с правильными (недефектными) общими положениями. Законодательные акты, в которых все общие положения являются дефектными, хотя и встречаются, но весьма редко.

Сосуществование в законе дефектных общих положений с общими положениями, которые не имеют дефектов, в ряде случаев ведет к тому, что первые препятствуют или существенно затрудняют действие вторых. В таких случаях происходит *законодательная супрессия*¹⁵⁰, то есть закономерное полное или ограниченное (частичное) подавление действия правильных (недефектных) общих и особенных положений закона, обусловленное наличием в данном законе дефектных общих положений. Такое подавление может проявляться как в законотворческой, так и в правоприменительной практике:

в законотворчестве супрессия недефектных общих положений закона осуществляется путем игнорирования по каким-либо причинам нежелательных для законотворца недефектных общих положений закона и придания большей значимости желательным дефектным общим положениям, результатом чего является законодательная эпитаксия, то есть закономерное появление дефектов в специальных (особенных) положениях данного закона;

в правоприменительной практике супрессия недефектных общих положений закона осуществляется правоприменителем путем игнорирования и (или) принижения роли и значения нежелательных для него в данный момент правильных (недефектных) общих и особенных положений закона и преувеличения роли и значимости дефектных общих и особенных положений.

---

¹⁵⁰ Супрессия — ограничение или полное подавление любой физиологической активности; в психологии — механизм, при помощи которого человек сознательно игнорирует неприятные или нежелательные для него мысли. См.: Бредберри Т. Эмоциональный интеллект 2.0. М., 2017; Оксфордский толковый словарь общей медицины. Оксфорд, 2002; Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. 2-е изд. СПб., 2006; Шефер Б. Законы победителей. Минск, 2016; Malone J.C. Adaptive midlife defense mechanisms and late-life health // Personality and Individual Differences. 2013.

Такое игнорирование и преувеличение является следствием *психологической ригидности законотворца и правоприменителя*, под которой в данном случае понимается их неготовность к построению противоречащей ведомственным (узкогрупповым) и иным нелегитимным интересам концептуальной картины окружающего мира, а также к отказу от уже сформировавшихся ведомственных потребностей и привычных способов их удовлетворения и принятию новых общественно полезных мотивов¹⁵¹.

1.2.3. Законодательная контагиозность

Для того чтобы законодательная супрессия стала возможной, соответствующие дефекты общих положений закона должны обладать определенным свойством, которое, собственно, и позволяет препятствовать или существенно затруднять действие правильных (недефектных) общих положений законодательства.

Как известно, свойство — это атрибут предмета (объекта)¹⁵². При этом категория «свойство» имеет «одинаковое значение для любой науки»¹⁵³. «Свойство, обнаруженное в нескольких (и даже многих) предметах класса, может оказаться существенным, но может оказаться и случайным»¹⁵⁴. Свойства объектов и ситуаций широко применяются в теории решения задач, в процессах управления и поиска информации, при построении экспертных систем¹⁵⁵.

¹⁵¹ Подробнее о психологической ригидности см.: Шапиро Д. Автономия и ригидная личность / пер. с англ. В. Мершавки, А. Телицыной. М., 2009.

¹⁵² См.: Асмус В.Ф. Учение логики о доказательстве и опровержении. М., 1954.

¹⁵³ Уемов А.И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963. С. 3.

¹⁵⁴ Асмус В.Ф. Учение логики о доказательстве и опровержении. М., 1954. С. 81.

¹⁵⁵ См.: Бенерджи Р. Теория решения задач. Подход к созданию искусственного интеллекта. М., 1972.

Таким образом, свойство дефекта общего положения законодательства — это его существенный, постоянно повторяющийся атрибут, который зависит от вида взаимодействия и проявляется в ходе взаимодействия данного дефекта с другими дефектными и недефектными общими положениями законодательства. В связи с тем, что такой атрибут имеет существенное для явлений данного класса значение, он обнаруживается у всех дефектов общих положений законов.

Свойство дефектов общих положений закона, предполагающее полное или ограниченное (частичное) подавление действия правильных (недефектных) общих и особенных положений закона, мы называем законодательной контагиозностью¹⁵⁶.

Под *законодательной контагиозностью* мы понимаем обусловленное деформацией правопонимания и правоприменения закономерное свойство дефектных общих положений закона препятствовать или существенно затруднять нормальное действие правильных (недефектных) общих и особенных положений данного закона и смежного законодательства.

Законодательная контагиозность бывает простой и квалифицированной.

1.2.3.1. Простая законодательная контагиозность

Простая законодательная контагиозность — это закономерное свойство дефектных общих положений закона препятствовать или существенно затруднять нормальное

---

¹⁵⁶ Контагиозность — свойство инфекционных болезней передаваться от больных людей (животных) здоровым восприимчивым людям (животным) путем передачи их возбудителя при непосредственном контакте или через факторы передачи. См.: Крайф (Крюи) П.Г. Охотники за микробами. М., 2012.

действие правильных (недефектных) общих положений данного закона.

Примером простой контагиозности может послужить один из принципов деятельности финансового уполномоченного, предусмотренных ч. 5 ст. 2 Закона № 123-ФЗ. Так, согласно ч. 5 ст. 2 Закона № 123-ФЗ деятельность финансового уполномоченного осуществляется в соответствии с принципами законности, уважения прав и свобод человека и гражданина, добросовестности и справедливости. В данном перечне принципов контагиозным является принцип уважения прав и свобод человека и гражданина. Напомним, что предметом регулирования названного закона является порядок досудебного урегулирования споров между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями. Очевидно, что речь идет исключительно об урегулировании гражданско-правовых споров. Однако принцип уважения прав и свобод человека и гражданина является принципом не гражданско-правового, а административно-правового регулирования.

Данный принцип как самостоятельный принцип деятельности предусмотрен следующими федеральными законами: от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» (ст. 5 «Принципы деятельности Федеральной службы безопасности»); от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ст. 3 «Принципы оперативно-розыскной деятельности»); от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке» (ст. 4 «Принципы разведывательной деятельности»); от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» (ст. 3 «Основные принципы осуществления государственной охраны»); от 14 апреля 1999 г. № 77-ФЗ «О ведомственной охране» (ст. 3 «Основные принципы деятельности ведомственной охраны»); ТК РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ст. 355 «Принципы деятельности и основные задачи Федеральной инспекции труда»); от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ

«О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (ст. 4 «Принципы осуществления государственной защиты»); от 27 декабря 2005 г. № 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального собрания Российской Федерации» (ст. 2 «Цели и принципы парламентского расследования»); от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ст. 5 «Соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина» гл. 2 «Принципы деятельности полиции»).

Приведенный перечень позволяет сделать вывод, что рассматриваемый принцип является межотраслевым принципом публичного права, различные аспекты функционирования которого не раз становились предметом изучения¹⁵⁷. При этом, если законность является целью системы юстиции, то «соблюдение прав личности — одно из самых важных средств ее достижения»¹⁵⁸, «нельзя защищать основы конституционного строя России как демократического правового государства, пренебрегая при этом правами личности»¹⁵⁹, «признание, соблюдение и за-

¹⁵⁷ См.: Аникушин С.В. О некоторых вопросах соблюдения общеправового принципа защиты прав и свобод человека и гражданина при назначении на воинские должности военнослужащих // Право в Вооруженных силах. 2018. № 12. С. 105–109; Артеменков В.К. Физические лица как объекты прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Законность. 2017. № 11. С. 23–27; Игонина Н.А., Бессарабов В.Г., Викторов И.С., Буренина О.В. К вопросу о критериях и показателях эффективности прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 8. С. 47–53; Игонина Н.А. Механизмы обеспечения прав и свобод человека и гражданина в социальном государстве в периоды кризисных явлений в экономике // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 2. С. 15–22; и др.

¹⁵⁸ Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность. М., 2016. С. 175.

¹⁵⁹ Вагин О.А. Конституционная законность оперативно-розыскной деятельности // Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности : сб. науч. трудов / под общ. ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. М., 2017. С. 85.

щита прав и свобод человека и гражданина являются первой обязанностью государства и его органов»¹⁶⁰.

Принцип уважения прав и свобод человека и гражданина заключается в том, что государство не только провозглашает, но и фактически гарантирует конституционные права и свободы, юридически защищает граждан от злоупотреблений властными полномочиями и иных посягательств со стороны государственных органов и отдельных должностных лиц¹⁶¹.

Уважение прав и свобод человека и гражданина — это внимательное к ним отношение, основанное не просто на признании их ценности и важности для функционирования гражданского общества и цивилизованного государства, но и на реальном соблюдении закрепленных в законодательстве прав и свобод, причем не только законопослушных лиц, но и тех, кто преступил закон или подозревается в этом¹⁶².

Принцип уважения прав и свобод человека и гражданина относится к числу непосредственно действующих¹⁶³.

Наряду с принципом уважения прав и свобод человека и гражданина в литературе выделяют принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, под которым понимается основанное на конституционных требованиях и закрепленное в законе основополагающее (приоритетное) правило, которым обязаны руководствоваться все наделенные государственно властными

---

¹⁶⁰ Алексеева Л.А. Взаимодействие органов внутренних дел с органами местного самоуправления // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2019. № 1. С. 22.

¹⁶¹ См.: Красинский В.В. Защита государственного суверенитета. М., 2017.

¹⁶² См.: Сальников В.П., Борисов О.С., Кондрат Е.Н. Комментарий к Федеральному закону от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (постатейный). М., 2016.

¹⁶³ См.: Зеленцов А.Б., Ястребов О.А. Судебное административное право. М., 2017.

полномочиями субъекты. Оно заключается в признании достоинства личности, попавшей в сферу государственно-властной деятельности, безусловном соблюдении ее прав и законных интересов, недопустимости их необоснованного и соразмерного ограничения¹⁶⁴.

К числу основных направлений соблюдения прав и свобод человека и гражданина относят судебный контроль, ведомственный контроль и прокурорский надзор.

Судебный контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина осуществляется посредством:

- выдачи соответствующих разрешений (санкций). Тем самым судебные органы подтверждают целесообразность, необходимость, обоснованность и, прежде всего, законность проведения соответствующих мероприятий;
- реализации права на обжалование. Любой опасности ограничения свободы, в том числе при наличии законных оснований, должно противостоять право на судебное обжалование¹⁶⁵;
- обращения в Конституционный суд РФ.

Ведомственный контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина устанавливает персональную ответственность. В случаях установления фактов необоснованного нарушения прав и свобод человека вышестоящий орган имеет право вмешаться в деятельность, отменить акты, пресечь противоправные действия и принять меры для восстановления нарушенного права¹⁶⁶.

---

¹⁶⁴ См.: Шатохин И.Д. Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2018.

¹⁶⁵ См.: Постановление Конституционного суда РФ от 3 мая 1995 г. № 4-П.

¹⁶⁶ См.: Новиков Е.Ф. Нормативно-правовая основа соблюдения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 12. С. 49–52.

Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина является самостоятельным направлением деятельности прокуратуры и включает: надзор за исполнением законов и соответствием закону издаваемых правовых актов; надзор за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие; надзор за судебными приставами; надзор за администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу, администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначаемые судом меры принудительного характера; надзор, осуществляемый в ходе уголовного преследования, участия в рассмотрении дел судами, координации деятельности правоохранительных органов, участия в правотворческой деятельности, осуществления международного сотрудничества, рассмотрения и разрешения обращений¹⁶⁷.

Отношения, возникающие в указанных выше случаях между органом власти и гражданином, — это отношения власти и подчинения, что свидетельствует об их публично-правовом характере. На этом основании выделяются публично-правовые элементы организационно-правового аспекта деятельности органов власти (принципы, задачи, функции, полномочия, особенности их реализации, ответственность), отражающие процедуры защиты этими органами прав человека и гражданина¹⁶⁸.

К основным недостаткам механизма реализации принципа уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина относят «пробельность и недостаточную

---

¹⁶⁷ См.: Прокурорская проверка. Методика и тактика проведения : учеб. пособие / Е.А. Бурмистрова, И.И. Головкин, Г.В. Дытченко и др. ; под ред. О.Н. Коршуновой. 2-е изд. М., 2019.

¹⁶⁸ См.: Сапфинова А.А. Защита трудовых прав работников федеральной инспекцией труда. М., 2016. С. 10.

определенность норм закона, устанавливающих порядок и пределы ограничения основных конституционных прав, механизмы реализации конкретных прав, а также обязанности должностных лиц по их обеспечению»¹⁶⁹. Обоснованно подчеркивается, что в ряде федеральных законов закреплены обращенные к органам и должностным лицам исполнительной власти требования о необходимости соблюдения и защиты прав и свобод граждан в процессе властной деятельности. При этом в таких законах принцип соблюдения и защиты прав и свобод человека, а также прав организаций, как правило, лишь декларируется, его практический правоприменительный потенциал не раскрывается¹⁷⁰.

Причины нарушений принципа уважения и соблюдения прав личности носят многофакторный характер и обусловлены, прежде всего, несовершенством законодательства, неэффективностью судебного и ведомственного контроля, произвольным толкованием и неиспользованием правовых позиций Конституционного и Верховного судов, а также недостаточным уровнем правосознания сотрудников государственных органов и их руководителей¹⁷¹.

Таким образом, несмотря на то, что уважение прав и свобод человека и гражданина — неотъемлемая часть демократического правопорядка государства, которая долж-

---

¹⁶⁹ Шатохин И.Д. Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2018. С. 9.

¹⁷⁰ См.: Ярковой С.В. Законность и обеспечение реализации, соблюдения и защиты прав граждан и организаций в административной правоприменительной деятельности // Журнал российского права. 2018. № 4. С. 130–139.

¹⁷¹ См.: Шатохин И.Д. Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2018. С. 9.

на обеспечиваться на всех стадиях производства по делу¹⁷², установление публично-правового принципа в качестве принципа деятельности по досудебному урегулированию споров между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями является необоснованным.

Публичное право носит императивный характер, направлено на удовлетворение потребностей и защиту интересов государства¹⁷³. В той форме, в которой он изложен в Законе № 123-ФЗ, принцип уважения прав и свобод человека и гражданина носит сугубо общий (а не специальный) характер, не учитывает специфику деятельности финансового уполномоченного, не обеспечивает ее эффективность и представляет собой декларацию, так как не получил конкретного юридического наполнения¹⁷⁴.

Досудебное урегулирование гражданско-правовых споров должно осуществляться в соответствии с принципами равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты (п. 1 ст. 1 ГК РФ). Финансовый уполномоченный, безусловно, обязан уважать права и свободы человека и гражданина, но это уважение не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17 Конституции РФ).

---

¹⁷² См.: Ключников А.Ю. О способах выявления единых европейских стандартов защиты прав и свобод в системе международной юстиции // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 2. С. 15–17.

¹⁷³ См.: Коваленко К.Е. Реализация принципа разумности в уголовном процессуальном праве // Российская юстиция. 2017. № 9. С. 61.

¹⁷⁴ См.: Вишнеvский А.А. Финансовый уполномоченный vs финансовый омбудсмен: об эффективности институтов защиты прав потребителей финансовых услуг // Закон. 2018. № 9. С. 58–65.

Таким образом, правомерным представляется вывод, что принцип уважения прав и свобод человека и гражданина в Законе № 123-ФЗ предназначен для необоснованного закрепления публично-властного статуса Службы финансового уполномоченного, в том числе автономной некоммерческой организации «Служба обеспечения деятельности финансового уполномоченного». Он предполагает осуществление защиты прав потребителей финансовых услуг преимущественно административными (принудительными) мерами и может способствовать массовому нарушению законных прав и интересов финансовых организаций.

Контагиозность рассматриваемого принципа состоит в том, что его наличие будет препятствовать или существенно затруднять осуществление деятельности финансового уполномоченного в соответствии с принципами законности, добросовестности и справедливости, предусмотренными ч. 5 ст. 2 Закона № 123-ФЗ.

1.2.3.2. Квалифицированная законодательная контагиозность

Квалифицированная законодательная контагиозность отличается от простой широтой распространения негативных эффектов в законодательстве и большей степенью негативного влияния на правовое положение субъектов регулируемых отношений. Под *квалифицированной контагиозностью дефектов закона* мы понимаем обусловленное наличием дефектов законодательной аксиологии свойство положений закона препятствовать или существенно затруднять нормальное действие правильных (недефектных) положений законодательства, приводящее к нарастанию дефектов в общих и множестве специальных (особенных) положений данного и смежного законодательств.

Из предложенного определения следует, что в отдельных случаях можно наблюдать миграцию контагиозно-квалифицированных дефектов из специальных положений закона в общие и наоборот. Единожды появившись в каком-либо законе, контагиозно-квалифицированные положения, основанные на неверных ценностных установках, сначала распространяют свое влияние на общие положения данного закона, в связи с чем приобретают роль одного из принципов законодательного регулирования в данной сфере. После этого и в связи с этим такие положения «мигрируют» на уровень общих положений других законов, где впоследствии закономерно появляется множество дефектов в специальных (особенных) положениях.

Примером в данном случае может послужить положение Закона № 218-ФЗ о том, что субъект кредитной истории вправе один раз в год бесплатно получить кредитный отчет по своей кредитной истории. Это одно из специальных (особенных) положений названного закона, которое на начальных этапах формирования в России института кредитных историй воспринималось как исключение из общего правила и не оказывало существенного влияния на деятельность бюро. Тем не менее перед нами один из примеров того, как «случайное, нефункциональное применение юридико-технического приема становится причиной появления на свет дефектной правовой нормы»¹⁷⁵.

Следует подчеркнуть, что в ст. 1, регламентирующей предмет и цели регулирования названного закона, упоминаются некие принципы взаимодействия бюро кредитных историй с заемщиками. При этом конкретного указания на то, какие из специальных норм, регулирующих взаимодействие бюро кредитных историй с заемщиками, являются принципами, а какие — нет, в законе не содержится.

---

¹⁷⁵ Зайцева Л.В., Курсова О.А. Отказ в признании трудовых отношений: о некоторых недостатках в конструкции юридической фикции // Журнал российского права. 2016. № 3. С. 80.

Следовательно, имея известные ценностные установки, при желании можно утверждать, что бесплатное предоставление кредитных историй заранее не определенному кругу лиц, может быть одним из принципов взаимодействия бюро кредитных историй с контрагентами.

Если воспринимать бесплатное предоставление услуг не как исключение из общего правила, а как один из принципов деятельности бюро кредитных историй, то при определенных обстоятельствах может возникнуть желание расширить понимание и толкование этого принципа. Например, можно существенно расширить круг лиц, которые вправе бесплатно получать услуги бюро кредитных историй, увеличить количество таких услуг, а также расширить перечень бесплатных услуг. Так и произошло:

в 2011 г. право на бесплатное получение кредитных отчетов получила Федеральная служба судебных приставов (см. Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 389-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»);

в 2014 г. право на бесплатное получение кредитных отчетов получили нотариусы и Банк России (см. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 189-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О кредитных историях” и отдельные законодательные акты Российской Федерации»);

в 2015 г. право на бесплатное получение кредитных отчетов получили финансовые управляющие (см. Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»);

в 2018 г. право на бесплатное получение уже не одного, а двух кредитных отчетов и в придачу еще и индивидуальных рейтингов получили субъекты кредитных историй (см. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 327-ФЗ

«О внесении изменений в Федеральный закон “О кредитных историях”»).

Таким образом, бесплатное предоставление коммерческой организацией своих профильных услуг чрезмерно широкому кругу лиц стало принципом законодательного регулирования ее деятельности. Одно из контагиозных специальных положений закона приобрело роль принципа деятельности, то есть вышло на уровень общего положения законодательства. Это привело к эпитахии дефектов (постепенному нарастанию дефектных положений) в специальных положениях данного законодательства.

Квалифицированная контагиозность рассматриваемых положений заключается в возможности при необходимости поднять их до уровня законодательного регулирования не только бюро кредитных историй, но и всех финансовых организаций. Такая необходимость возникает обычно перед выборами, при решении вопросов о назначении руководителей комитетов Федерального собрания РФ и в иных известных случаях. В таких случаях некоторым известным деятелям просто невозможно удержаться от проявления «всемерной заботы о нуждах населения»¹⁷⁶.

Теперь (в расширенном виде) этот принцип провозглашает, что всем финансовым организациям допустимо на законодательном уровне предписывать бесплатное оказание услуг. При этом наличие у этого принципа свойства квалифицированной контагиозности неизбежно привело к тому, что его действие не ограничилось законодательством о кредитных историях, а распространилось и на смежное законодательство.

Свое текстуальное воплощение данный принцип получил в определении понятия «потребитель финансовых услуг», содержащемся в ч. 2 ст. 2 Закона № 123-ФЗ. В нем обращает на себя внимание то, что под потребителем фи-

¹⁷⁶ Подробнее об этом см.: Викулин А.Ю. Основы законодательной дефектологии. Часть первая: Введение. М., 2019. С. 203–206.

нансовых услуг понимается не только физическое лицо, являющееся стороной договора либо лицом, в пользу которого заключен договор, но и *лицо, которому оказывается финансовая услуга* в целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Очевидно, что критерием отграничения третьего элемента данного перечисления от первых двух является отсутствие у финансовой организации договорных отношений при оказании финансовых услуг. В связи с тем, что финансово-коммерческая деятельность не может осуществляться без заключения соответствующего договора, единственным основанием, которое могло бы побудить финансовые организации к осуществлению подобной деятельности, является закон. Если закон предписывает кому-либо оказывать какие-либо услуги, то оказание таких услуг является обязательным и может быть либо бесплатным, либо по регулируемым государством ценам.

В том случае, если услуги являются бесплатными, мы имеем дело с принудительным трудом, который запрещен в ч. 2 ст. 37 Конституции РФ, одним из его специфических видов является финансовая продразверстка¹⁷⁷, то есть

¹⁷⁷ Продразверстка — система заготовок сельскохозяйственных продуктов, которая предполагала обязательную сдачу государству по твердым ценам всех излишков (сверх установленных норм на личные и хозяйственные нужды) хлеба и других продуктов. Применялась Советским государством в период Гражданской войны 1918–1920 гг. См.: Ленин В.И. Предварительный, черновой набросок тезисов, на счет крестьян. 8 февраля 1921 г. / ПСС. Т. 42. М., 1969; Ленин В.И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом 15 марта / ПСС. Т. 43. М., 1969; Ленин В.И. О продовольственном налоге / ПСС. Т. 43. М., 1969; Ленин В.И. Доклад о тактике РКП (б) 5 июля 1921 г. / ПСС. Т. 44. М., 1969; Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов / ПСС. Т. 34. М., 1969; История КПСС. Т. 3. Кн. 2. М., 1968; Гимпельсон Е.Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М., 1973; Gladkov I.A. Очерки советской экономики. 1917–1920 гг. М., 1956; Strizhkov Yu.K. Из истории введения продовольственной разверстки // Исторические записки. Т. 71. М., 1962.

произвольное, осуществляемое по усмотрению государства, лишение негосударственных организаций принадлежащих им финансовых средств, а также безвозмездное отвлечение их трудовых и иных ресурсов¹⁷⁸.

Критикуемое положение появилось в рассматриваемом определении потому, что законодатель захотел полностью «покрыть» не только все существующие сегодня случаи, но и все случаи, которые могут возникнуть в будущем. По этому поводу в литературе справедливо отмечается, что «предполагаемые или гипотетические обстоятельства не могут служить основанием ограничения основных прав»¹⁷⁹. Подчеркнем, что юридическая фикция в рассматриваемом определении «создана путем принятия соответствующего правового акта, когда законодатель умышленно не замечает действительного положения вещей и пытается создать желаемую правовую ситуацию»¹⁸⁰.

Изложенным квалифицированная контагиозность принципа, согласно которому финансовым организациям допустимо на законодательном уровне предписывать бесплатное либо регулируемое государством оказание услуг, не ограничилась. Существовавшая ранее потенциальная

---

¹⁷⁸ Помимо финансовой продразверстки в литературе отмечается наличие и фискальной продразверстки. Так, Д.М. Щекин отмечает, что некоторые судьи не просто переписывают позиции налогового органа, а творят «право фискальной продразверстки», направляя интеллектуальные усилия на создание новых концепций. При этом он считает ошибкой, что «пополнение бюджета через “фискальную продразверстку” в судебной практике — это защита публичного интереса. Тотальный отказ налогоплательщикам в защите их прав ведет к защите ведомственного, а не публичного интереса». См.: Щекин Д.М. О кризисе правосудия по налоговым спорам // Закон. 2016. № 10. С. 28–34.

¹⁷⁹ См.: Пресняков М.В. Коллизия конституционных прав: проблема обеспечения справедливого баланса // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 20.

¹⁸⁰ Исаев И.А. Юридическая фикция как форма заполнения правовых пробелов // История государства и права. 2011. № 22. С. 2.

возможность закрепления на законодательном уровне множества случаев бесплатного оказания финансовыми организациями своих услуг на наших глазах превращается в конкретные обременения финансовых организаций.

Так, в соответствии с законопроектом № 724741-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “О кредитных историях”» и главу 1 Федерального закона «О сельскохозяйственной кооперации» уже не только бюро кредитных историй, но и иные финансовые организации становятся обязанными оказывать свои услуги бесплатно в следующих случаях:

- направление запроса субъекта кредитной истории о получении кредитного отчета исполняется кредитной организацией без взимания платы (п. 2.1. ч. 2 ст. 8);
- исполнение направляемого через поднадзорные Банку России организации, с которыми у бюро кредитных историй заключен договор, запроса субъекта кредитной истории о получении кредитного отчета осуществляется ими без взимания платы (п. 2.2. ч. 2 ст. 8);
- субъект кредитной истории вправе бесплатно получить от пользователя кредитной истории сведения о среднемесячных платежах, которые были использованы пользователем кредитной истории при рассмотрении вопроса о выдаче субъекту кредитной истории кредита (займа), в случае принятия пользователем кредитной истории решения об отказе в выдаче кредита (займа) (ч. 9 ст. 8).

Таким образом, здесь мы опять сталкиваемся с аксиологическим подходом, основанным на признании неравенства участников регулируемых отношений, отсутствии неприкосновенности собственности и свободы договора, допустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, наличии ограничений для беспрепятственного осуществления финансовыми организациями их за-

конных прав. Такой подход не обеспечивает восстановление нарушенных прав финансовых организаций и препятствует их судебной защите.

Другим *примером* квалифицированной контагиозности дефекта общего положения законодательства может послужить определение, содержащееся в Законе РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей». Здесь потребитель — это гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. В нем обращает на себя внимание указание на то, что юридические лица и индивидуальные предприниматели в соответствии с названным законом не являются потребителями.

Квалифицированная контагиозность такого подхода проявилась в том, что он был впоследствии реализован в содержащемся в ч. 2 ст. 2 Закона № 123-ФЗ определении, в соответствии с которым под потребителем финансовых услуг понимается физическое лицо, которому оказывается финансовая услуга в целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Очевидно, что в определении одного из своих основных понятий Закон № 123-ФЗ провозглашает принцип неравенства между физическими лицами и предпринимателями при получении ими финансовых услуг. В отличие от физических лиц, которые по своему желанию могут быть, а могут и не быть потребителями финансовых услуг, предприниматели обязаны пользоваться финансовыми услугами. Однако последние оказались лишены дополнительных средств защиты своих прав и свобод в сфере финансовых услуг, введенных законом № 123-ФЗ.

Между тем в литературе указывается, что в соответствии с принципом равенства лица, находящиеся в рав-

ных обстоятельствах, должны иметь равные права и обязанности, а равные ситуации должны регулироваться одинаково, в то время как различные ситуации должны регулироваться по-разному¹⁸¹. При этом равенство всех перед законом в первую очередь включает в себя «отсутствие в законодательных актах каких-либо норм дискриминационного характера, недопустимость установления в законах различий или предпочтений, основанных на признаках расы, пола, национальности, языка или на других обстоятельствах»¹⁸².

Таким образом, принцип, заложенный в Законе РФ «О защите прав потребителей» и «перекочевавший» в ч. 2 ст. 2 Закона № 123-ФЗ, следует рассматривать как одно из проявлений на законодательном уровне политики принудительного отделения одних групп населения от благ, предусмотренных для других групп населения, то есть политики сегрегации. История демонстрирует весьма широкий спектр различных видов сегрегации (этническая, транспортная, религиозная, пространственная, отраслевая и др.)¹⁸³. В рассматриваемом случае основой сегрегации стала принадлежность к предпринимательскому сообществу, что автоматически исключает субъекта из числа защищаемых лиц. При этом очевидно, что такое ограничение, закрепленное в отношении предпринимателей на законодательном уровне, носит для них негативный характер, так как ущемляет их законные интересы, снижает их социально-экономическую значимость в обще-

¹⁸¹ См.: Старженецкая Л.Н. Правовое регулирование налогообложения контролируемых иностранных компаний: опыт зарубежных стран и России. М., 2018.

¹⁸² См.: Дегтярева Л.Н. Принцип правового равенства в системе конституционных принципов правового статуса личности // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 2. С. 3–6.

¹⁸³ См.: Напреенко И. Сегрегация в России: социальная, этническая, транспортная // Разногласия. Журнал общественной и художественной критики. 2016. № 9.

стве и затрагивает глубинные структуры осознания ими их места в общественном разделении труда.

Контагиозное неравенство отдельных групп потребителей финансовых услуг на уровне одного из общих положений Закона № 123-ФЗ неизбежно повлекло за собой эпитаксию дефектных норм в его специальных (особенных) положениях. Наиболее отчетливо это выразилось в неравенстве финансовых организаций, которые оказались сегрегированы по видам осуществляемой ими профессиональной деятельности. Объяснить это можно только следующим образом: если не равны те, защите кого посвящен специальный закон, то тем более не могут быть равны те, от кого собираются защищать. В результате в соответствии со ст. 28 Закона № 123-ФЗ одни финансовые организации стали обязаны взаимодействовать с финансовым уполномоченным и платить соответствующие обязательные взносы, а другие — получили право решать эти вопросы по своему усмотрению. Говорить о равенстве прав и обязанностей финансовых организаций и потребителей их услуг в контексте Закона № 123-ФЗ вообще не имеет смысла. В нем потребители финансовых услуг всегда имеют право на что-либо, а финансовые организации всегда что-то должны.

В принципе о квалифицированной контагиозности можно говорить в отношении всех общих положений Закона № 123-ФЗ: его целей, предмета, понятий и т. п. Они, с одной стороны, препятствуют проявлению заложенного в них позитивного (направленного на защиту прав потребителей) потенциала, так что даже трудно точно определить, какое из них самое контагиозное и в каких именно актах смежного законодательства это проявится в следующий раз, а с другой — весьма эпитаксичны, так как являются причиной появления в специальных (особенных) положениях данного и смежного законов множества дефектных норм.

1.2.4. Ригидность и синергия дефектов общих положений законодательства

Проведенное исследование позволяет утверждать, что дефектные общие положения законодательства при их наличии в одном или нескольких законах не подвержены взаимной супрессии. В таких случаях не происходит какого-либо подавления или ограничения их действия¹⁸⁴. В связи с этим можно предположить, что дефектные общие положения обладают свойством *законодательной ригидности*, то есть устойчивости (неподатливости, твердости) одних дефектных общих положений закона к негативному воздействию других дефектных общих положений, а также к позитивному влиянию потенциально недефектных общих положений данного закона.

Примером в данном случае может послужить взаимодействие дефектов цели и дефектов дефиниции одного из основных понятий Федерального закона от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг». Цель этого закона, определенная как «защита прав и законных интересов потребителей финансовых услуг», имеет множество дефектов (подробнее см. раздел 2.2 «Дефекты законодательного целеполагания» настоящей работы). При этом нельзя отрицать наличия в ней позитивного потенциала. Дефиниция понятия «потребитель финансовых услуг» также во многом дефектна¹⁸⁵, но

¹⁸⁴ В данном случае для уяснения ситуации уместно вспомнить разговорное выражение: «зараза к заразе не пристаёт». См.: Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. М., 1994; Гусейнова И. «Зараза к заразе не пристаёт»: тюменская чиновница вышла на работу после отдыха в Италии // Блокнот. 2020. 24 марта; «Зараза к заразе не пристаёт»: тюменская чиновница прилетела из Италии и сразу вышла на работу // Topnews. 2020. 25 марта.

¹⁸⁵ Подробнее об этом см.: Викулин А.Ю. Начала теории законодательных дефектов. М., 2019. С. 109–119.

и она имеет свой позитивный потенциал. В то же время несмотря на то, что наибольшие потери от нарушения своих прав и законных интересов финансовыми организациями несут именно предприниматели, определение потребителя финансовых услуг, предусмотренное ч. 2 ст. 2 Закона для целей названного закона, исключило их из числа потребителей финансовых услуг. Таким образом, названные дефекты не только не оказывают негативного воздействия друг на друга, но и нивелируют позитивные потенциалы друг друга.

Анализ показывает, что присущее дефектам общих положений закона свойство ригидности делает возможным то, что в процессе своего взаимодействия они обычно взаимно дополняют, поддерживают и помогают друг другу, неизменно одерживая верх над недефектными общими положениями и умножая количество дефектов в специальных (особенных) положениях данного закона. Это позволяет выделить третью закономерность функционирования дефектов общих положений законов — их синергию¹⁸⁶.

Синергия дефектов общих положений — закономерное усиление негативных последствий в процессе взаимодействия двух или более дефектов общих положений, характеризующееся тем, что их совместное действие приводит к такому нарастанию дефектного законодательного материала, которое существенно превосходит простую сумму негативных последствий каждого из них.

Примером синергии дефектов общих положений может послужить все тот же неоднократно упоминаемый Закон № 123-ФЗ, в котором дефектны все общие положения, что

---

¹⁸⁶ О синергии см.: Берсенева Т.П. Синергия в культуре : монография. Омск, 2014; Берсенева Т.П. Синергия: сущностные характеристики и формы проявления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 2(64). С. 48–52; Жилин Д.М. Теория систем. М., 2004. С. 183.

привело к наличию большого количества разноплановых и разнопорядковых законодательных дефектов (логических, лексических, аксиологических и т. п.) в его особенных (специальных) положениях.

В литературе справедливо подчеркивается, что недостатки законодательства приводят к реализации такой государственной политики, которая характеризуется невосприимчивостью к изменению социальных реалий и увеличивает потенциальные возможности для коррупции¹⁸⁷. Управленческие ошибки очень дорого обходятся обществу, за управленческие ошибки, злоупотребления, промахи народам приходится порой расплачиваться десятилетиями¹⁸⁸. При этом, по мнению В.В. Путина, особо дорогую цену приходится платить за ошибки, допущенные при многочисленных, непоследовательных реформах¹⁸⁹.

---

¹⁸⁷ Johnston M. Good Governance: Rule of Law, Transparency, and Accountability. P. 5. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan010193.pdf>

¹⁸⁸ См.: Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. М., 2004. С. 417.

¹⁸⁹ Путин В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февр.

Глава 2

Законодательное целеполагание и его дефектность

---

2. 1. ЦЕЛЬ, ПРАВОВАЯ ЦЕЛЬ, ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ В ПРАВЕ

2.1.1. Понятие и классификация целей

Исследованиями целеполагания с давних пор занимается телеология — философское учение о целевой детерминации бытия, его отдельных сфер, объектов и процессов, предполагающее наличие объективных целей, целевых зависимостей и целесообразности в целом. В современной методологии телеология рассматривается как принцип объяснения, дополняющий традиционную причинность причинами-целями¹.

---

¹ См.: Бунге М. Причинность / пер. с англ. М., 1962. С. 100–102, 342–345; Евлампиев И.И., Куприянов В.А. Телеология в классической и неклассической философии. СПб., 2019; Жанэ П. Конечные причины. Киев. 1877. № 6–8; Соколов В.В. Философия Спинозы и современность. М., 1964. С. 215; Трубников Н.Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1968; Украинцев Б.С. Процессы самоуправления и причинность // Вопросы философии. 1968. № 4; Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М., 1983; Философия : энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М., 2004; Фролов И.Т. Детерминизм и телеология // Вопросы философии. 1958. № 2; Фролов И.Т. Генетика и диалектика. М., 1968; Фролов И.Т. Органический детерминизм. Телеология и целевой подход в исследовании // Вопросы философии. 1970. № 10.

Существенный вклад в познание понятия цели внесли Платон, Аристотель, Гален, Кант, Гегель и др.

Телеология Платона известна как учение об объективной целесообразности. По Платону, в целесообразности, которая есть соответствие вещи ее идее, обнаруживается разумность. Постигнуть идею — значит свести многообразие явлений идеи к их целесообразному единству, или к их закону. Задача объяснения мира состоит в том, чтобы свести все частные законы, действующие в мире, к единому, общему, а затем из этого общего вывести все частные².

Телеология Аристотеля — учение о том, что все в мире движется к конечной цели. При этом у Аристотеля понятие цели, которое на уровне науки того времени никак не могло быть раскрыто конкретно, сводится к стремлению к благу³. Аристотель ограничивает понятие цели, связывая ее с движением, в процессе которого достигается предел по «наилучшему» пути. По Аристотелю, конечная цель — это наиболее совершенное состояние, достигаемое объектом в его развитии, и оно должно быть наилучшим. Такой подход позволяет устранить случайные характеристики в движении рассматриваемого объекта при выражении этого движения в познании. Если мы знаем начало и результат движения, то появляется реальная возможность воспроизведения промежуточных этапов движения за счет действия конечной причины⁴.

² См.: Асмус В.Ф. Античная философия. М., 1976. С. 192; Асмус В.Ф. Платон. М., 1969. С. 39–42.

³ См.: Васильева Т.В. Афинская школа философии. Философский язык Платона и Аристотеля. М., 1985. С. 143–153.

⁴ См.: Семенов Е.А. Категория цель и принцип целесообразности с позиции конечных и действующих причин // Перспективы метафизики. Классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков : материалы междунар. конф. Санкт-Петербург. 28–29 октября 1997 г. СПб., 1997. С. 82.

В исследованиях К. Галена, более известного как медик, существенную роль сыграли философские взгляды⁵. Телеология Галена рассматривает организм человека как систему с заранее предначертанной целью, где каждая часть тела имеет свое предназначение⁶. «Не одному только врачу полезно исследовать назначение частей тела, — писал К. Гален, — но гораздо больше, чем врачу, это необходимо философу, стремящемуся приобрести познание о всей природе, и ради этого ему следует, как мне кажется, быть посвященным во все ее таинства»⁷.

Для Канта целесообразность природы есть особое априорное понятие, которое имеет свое происхождение исключительно в рефлектирующей способности суждения. Он отрицает объективное существование целей природы и рассматривает целесообразность как особый эвристический принцип познания⁸. Кант «проторил радикально новый путь в телеологии, раскрыв эпистемологический потенциал телеологического принципа в науке и предложив такое решение, которое сумело преодолеть как имманентный, так и трансцендентный объективизм в телеологии, присущий и предшествующей традиции телеологизма»⁹.

По Гегелю, «реальная цель есть положенное единство субъективного и объективного», а познание цели является необходимым звеном в изучении природы¹⁰. «Нельзя сде-

⁵ См.: Дебрю А. Гален об анатомии и душе // История медицины. 2015. Т. 2. № 2. С. 165–171.

⁶ См.: Петров Б.Д. Естественноисторические взгляды Галена / Гален К. О назначении частей человеческого тела. М., 1971.

⁷ Гален К. О назначении частей человеческого тела. М., 1971.

⁸ См.: Асмус В.Ф. Проблема целесообразности в учении Канта об органической природе и в эстетике // Кант И. Соч. Т. 5. М., 1966; Разеев Д.Н. Телеология Иммануила Канта. СПб., 2010.

⁹ Разеев Д.Н. Телеологический принцип в науке (трансцендентальный подход) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2009. С. 9.

¹⁰ Гегель Г.В.Ф. Наука логики : в 2 т. Т. 1. М., 1970. С. 392–398.

лать и шагу в изучении природы, — пишет он, — не достигнув понятия цели»¹¹.

Телеология в своих разных проявлениях имеет место в стоицизме¹², неоплатонизме¹³, концепции предустановленной гармонии Лейбница¹⁴, учении о мировой душе Шеллинга¹⁵, неокантианстве¹⁶, неотомизме¹⁷, персонализме¹⁸ и т. д.

В постнеклассической науке¹⁹ появился телеономический подход, который рассматривает целесообразность

-
- ¹¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук : в 2 т. Т. 2. М., 1975. С. 530.
  - ¹² См.: Степанова А.С. Философия Стои как феномен эллинистическо-римской культуры. СПб., 2012; Столяров А.А. Стоя и стоицизм. М., 1995; Этика стоицизма. Традиции и современность / под ред. А.А. Гусейнова. М., 1991.
  - ¹³ См.: Асмус В.Ф. Собрание сочинений : в 7 т. М., 2015.
  - ¹⁴ См.: Лейбниц Г.В. Сочинения : в 4 т. Т. 1. М., 1982; Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи. М., 2001.
  - ¹⁵ См.: Шеллинг Ф.В.И. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М., 1987.
  - ¹⁶ См.: Дмитриева Н.А. Неокантианство немецкое и русское в прошлом, настоящем и будущем // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 165–175; Куприянов В.А. Реабилитация телеологии в философии баденского неокантианства // Философия и культура. 2017. Т. 11. Вып. 11. Ноябрь. С. 54–68.
  - ¹⁷ См.: Гараджа В.И. Неотомизм. Разум. Наука. М., 1969; Желнов М.В. Критика гносеологии современного неотомизма. М., 1971; Субботин Ю.К. Проблема ценности в неотомизме. М., 1980; Шишков К.А. Современный неотомизм: история и политика в философии Ж. Марритена. Тверь, 1999.
  - ¹⁸ См.: Бердяев Н. Персонализм и марксизм // Путь. 1935. № 48; Вдовина И.С. Французский персонализм (1932–1982). М., 1990; Лакруа Ж. Избранное: персонализм. М., 2004; Мунье Э. Манифест персонализма. М., 1999.
  - ¹⁹ Постнеклассическая наука — современный этап, характерными особенностями которого являются междисциплинарность и дальнейшее внедрение принципа эволюционизма. См.: Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М., 1999; Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. 3-е изд. М., 2009; Кузнецов Б.Г. Идеалы современ-

с более рациональных позиций. Понятие «телеология», имеющее специфический смысл в теологии и идеализме, заменяется теперь философско-материалистическим понятием «телеономия». Телеономия означает закономерную связь процессов, которые определяются начальной программой и поведением систем с соответствующим образом организованной обратной связью. В отличие от теологического подхода, где цель задается «внешним разумом», телеономизм «постулирует наличие определенного гомеостаза у ряда сложных систем, изначальную их направленность на поддержание внутреннего равновесия, что как раз и указывается в качестве их внутренней целевой установки»²⁰. Современная постнеклассическая наука «одной из своих наиболее важных задач ставит математическую экспликацию явлений телеономии»²¹. Телеономия как биологическая целенаправленность особенно ярко проявляется при отклонениях параметров среды от нормы: биологические системы способны к адаптации, а при повреждении — к репарации нарушенных функций и структур²².

ной науки. М., 1983; Музыка О.А., Попов В.В. Постнеклассическая наука: концепции современного естествознания. Таганрог, 2005; Немировский В.Г. Массовое сознание и бессознательное как объект постнеклассической социологии // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 13–19; Середкина Е.В. Расширенное понятие диалога в рамках постнеклассической науки // Ученые записки студентов и аспирантов гуманитарного факультета ПГТУ. 2003. № 9. С. 43–49; Свирский Я.И. Нелинейный мир постнеклассической науки и творческое наследие Ж. Делеза. М., 2004; Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000; Черникова И.В. Постнеклассическая наука и философия процесса. Томск, 2007.

²⁰ Плахов А.С. Проблема специфики современного естественнонаучного познания в свете философских концепций Жюль Делеза : дис. ... канд. филос. наук. М., 2015. С. 35.

²¹ Акчурин И.А. Телеономичность больших динамических систем — характерная черта постнеклассической науки // Вопросы философии. 2006. № 8. С. 94.

²² См.: Александров В.Я. Реактивность клеток и белки. Л., 1985. С. 13.

На сегодняшний день многие ученые сходятся во мнении, что телеономию можно считать ключевым понятием, отличающим живое от неживого. Так, утверждается, что целесообразное реагирование есть имманентное свойство живой системы, сопоставимое с самовоспроизведением²³. Предлагается принять за аксиому, «что вместе с жизнью рождается и способность к целесообразному поведению»²⁴. В научных кругах США подобная идея нашла отражение в гипотезе разумного замысла²⁵.

Изложенные подходы послужили основой для общепринятого определения: цель — это один из элементов поведения и сознательной деятельности человека или группы людей, который характеризует предвосхищение в мышлении результата деятельности и путей его реализации с помощью определенных средств²⁶.

В литературе встречаются и другие определения, согласно которым цель — это идеальный или реальный предмет сознательного или бессознательного стремления субъекта; конечный результат, на который преднамерен-

²³ См.: Берг Л.С. Труды по теории эволюции. 1922–1930. Л., 1977.

²⁴ Моисеев Н.К. Случайна или неизбежна эволюция? // Химия и жизнь. 1981. № 7. С. 23.

²⁵ Разумный замысел — одно из направлений креационизма, утверждающее, что живые организмы были созданы «разумным творцом». См.: Креационизм // Резвых П.В., Колчинский Э.И. Креационизм в биологии. М., 2010; Numbers R. The Creationists: From Scientific Creationism to Intelligent Design. Cambridge, 2006; Young M., Edis T. Why Intelligent Design Fails: A Scientific Critique of the New Creationism. Rutgers, 2004; Pennock R.T. Intelligent Design Creationism and its Critics: Philosophical, Theological & Scientific Perspectives. Cambridge, 2001.

²⁶ См.: Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М., 1983. С. 763; Роздольская И.В., Мозговая Ю.А. Экспликация понятия «цель» в современном управленческом дискурсе // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2012. № 3. С. 10–14; Фомин И.Н. Целеполагание в договорных конструкциях // Юрист. 2016. № 24. С. 8–11.

но направлен процесс²⁷; «доведение возможности до ее полного завершения»²⁸; осознанный образ предвосхищаемого результата²⁹.

Цели могут быть классифицированы по различным основаниям:

1) по завершенности процесса: промежуточные (подразумевают выполнение одного из этапов общего процесса); конечные (замыкают логическую последовательность событий);

2) по определенной направленности: направленные на конечный результат; направленные на осуществление той или иной деятельности; направленные на достижение определенного состояния управляемой сферы;

3) по повторяемости: повторяющиеся и разовые;

4) по приоритетности: необходимые (первоочередные цели, которые следует достигать вначале); желательные (рекомендованы к исполнению, но не обязательны); возможные (не имеют конкретного значения в данный момент);

5) по структуре: простые (предусматривают одно необходимое действие) и сложные (предполагают прохождение нескольких этапов);

6) по форме выражения: качественные (не поддаются измерению) и количественные (могут быть подсчитаны);

7) по масштабу: стратегические (определяют перспективные глобальные задачи); тактические (отвечают за механизм достижения стратегических целей); оперативные (текущие);

8) по срокам исполнения: долгосрочные; среднесрочные; краткосрочные;

---

²⁷ См.: Доброхотов А.Л. Цель // Новая философская энциклопедия. 2-е изд. М., 2010.

²⁸ Сергеев К.А., Слинин Я.А. Природа и разум: античная парадигма. Л., 1991. С. 33–34.

²⁹ См.: Головин А.Ю. Словарь практического психолога. Минск, 1998.

9) по взаимосвязи: индифферентные (цели никак не связаны между собой); конкурирующие (одна цель замедляет достижение другой); комплементарные (дополняющие друг друга); антагонистические (взаимоисключающие); идентичные (совпадающие цели);

10) по специфике требований к целевым переменным: стабилизационные (требуют обеспечения выхода целевых переменных на заданный уровень и поддержания их в состоянии устойчивости и постоянства); ограниченные (требуют нахождения целевых переменных в заданных ограниченных пределах); экстремальные (требуют поддержания целевых переменных в экстремальном состоянии)³⁰.

В понятии цели заключено противоречие: с одной стороны, цель с необходимостью должна быть побуждением к действию, «опережающим отражением», или «опережающей идеей», а с другой — материальным воплощением этой идеи, то есть быть достижимой³¹. Выявление и разрешение противоречий целей объекта и субъекта управления обеспечивает развитие системы, максимизацию эффекта от применения механизмов самоорганизации, минимизацию расходов при решении управленческой задачи, минимизацию аппарата управления³².

Если разрабатывается дерево целей для различных направлений деятельности в рамках единой системы, то цели необходимо связать друг с другом. Для цели верхнего уровня необходимо ответить на вопрос — за счет чего ее можно достичь? Затем следует найти цели нижнего уров-

³⁰ См.: Меньков А.В., Острейниковский В.А. Формирование целей // Теоретические основы автоматизированного управления. М., 2005.

³¹ См.: Теория систем и системный анализ в управлении организациями / под ред. В.Н. Волковой, А.А. Емельянова. М., 2006.

³² См.: Решетов И.В. Алгоритм решения управленческих задач и его применение в инновационном процессе // Проблемы теории и практики управления. М., 2009. № 11. С. 83–93.

ня, способствуя таким образом комплексному видению целей соответствующей деятельности³³.

Цели выполняют функции: инструмента управления и регулирования; критерия принятия решений; инструмента координации и контроля. Формулировка цели предполагает: определение ее содержания, размерности (максимум, минимум, уровни между ними), временных и пространственных параметров; субъектную привязку и место в иерархии целей.

Следует различать цели и задачи. Задача — это деятельность, необходимая для достижения цели, то есть требуемые, рекомендуемые или допустимые действия, направленные на достижение одного или нескольких результатов процесса³⁴. Задача описывает некоторую проблемную ситуацию с явно заданной целью³⁵. В отличие от функции, которая может осуществляться постоянно, задача предполагает при заданных ее условиях выход на достижение конечного результата. Цель отвечает на вопрос «Чего нужно достичь?», а задача — на вопрос «Какими действиями этого можно достичь?». В задаче выделяют: элементы начальной (исходной) ситуации; правила преобразования ситуаций; требуемое решение (конечную ситуацию)³⁶.

Постановка и решение задач — процессы, являющиеся составными частями мышления, сущность которых состоит в выполнении определенных мыслительных операций, а затем и соответствующих действий, направленных на достижение цели, заданной в рамках проблемной ситуа-

³³ См.: Панов М.М. Оценка деятельности и система управления компанией на основе KPI. М., 2013.

³⁴ См.: Балл Г.А. Теория учебных задач: Психолого-педагогический аспект. М., 1990; Петухов В.В. Психология мышления. М., 1987; Тихомиров О.К. Психология мышления. М., 1984; Фридман Л.М. Основы проблемологии. М., 2001.

³⁵ См.: Брушлинский А.В. Психология мышления и кибернетика. М., 1970.

³⁶ См.: Тихомиров О.К. Психология мышления. М., 1984. Гл. 2. § 1.

ции. С точки зрения когнитивного подхода процессы постановки и решения задач являются наиболее сложными из функций интеллекта и определяются как когнитивные процессы высокого порядка, требующие согласования и управления более элементарными или фундаментальными навыками³⁷.

Говоря о разграничении целей и задач, можно согласиться с мнением о том, что в цели непосредственно сосредоточивается глобальное предназначение той или иной деятельности или общественного явления, а в задачах — путь, тактика достижения указанной цели³⁸. Правильно выстроенные цели и задачи определяют соответствующие методы, инструменты (средства) их достижения. Формула «цели — задачи — методы — инструменты» дает возможность осмысления существующей в конкретный момент проблемы, которая предполагает создание целостной структуры целей, задач и функций, которые будут предназначены и пригодны для разрешения сложившейся проблемы³⁹.

---

³⁷ См.: Габышев Д.Н. Искусство составлять задачи и немного об их решении. Тюмень, 2012; Келер В. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян. М., 1930; Линдсей П., Норман Д. Анализ процесса решения задач // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. М., 1981; МакФарленд Д. Поведение животных: Психобиология, этология и эволюция. М., 1988; Ньюэлл А., Шоу Дж.С., Саймон Г.А. Моделирование мышления человека с помощью электронно-вычислительной машины // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. М., 1981; Солсо Р. Когнитивная психология. М., 1996.

³⁸ См.: Гагиев А.К. Цели и задачи судопроизводства в отечественном и зарубежном цивилистическом процессе в контексте повышения эффективности правосудия // Общество и право. 2009. № 3.

³⁹ См.: Азархин А.В. Цель и целеполагание в правотворчестве как критерий эффективности гражданского законодательства // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2016. Т. 1. № 2. С. 84–90.

2.1.2. Правовая цель

В литературе встречаются следующие определения понятия «правовая цель», в которых раскрываются его различные грани и свойства:

- идеально предполагаемая модель какого-либо социального состояния или процесса, к достижению которой стремятся субъекты правотворческой или правоприменительной деятельности⁴⁰;
- идеально предполагаемая и гарантированная государством модель какого-либо социального состояния или процесса, к достижению которой при помощи юридических средств стремятся субъекты правотворческой и правореализационной деятельности⁴¹;
- идеальный или реальный предмет сознательного или бессознательного стремления субъекта⁴²;
- результат осознания конкретных социальных потребностей, возникающих в определенной системе общественных отношений⁴³;
- лишь тот образ желаемого социального результата, который закреплен юридически⁴⁴.

---

⁴⁰ См.: Шундигов К.В. Цели и средства в праве (общетеоретический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 11.

⁴¹ Малько А.В., Шундигов К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003. С. 44.

⁴² См.: Комаров С.В., Молодчик А.В. Теоретические основы управления поведением, целеполаганием в саморазвивающихся самоорганизующихся системах // Вестник Государственного университета управления. 2012. № 1. С. 40–45; Фадеева Е.С. Целеполагание в правовом мониторинге мировой юстиции // Мировой судья. 2018. № 6. С. 7–11.

⁴³ См.: Орлов В.Н., Экимов А.И. Цель в норме советского права // Правоведение. 1968. № 5. С. 23.

⁴⁴ См.: Рыженков А.А. Право и монополии в современной России. М., 2017.

По мнению А.В. Малько, цели в праве представляют собой систему, состоящую из взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов: цели первого уровня (цели, достигаемые субъектами права в процессе их вступления в правоотношения); цели второго уровня (цели, на достижение которых направлена юридическая деятельность, осуществляемая органами государственной власти); цели третьего уровня (общие для всей системы права)⁴⁵.

Нельзя не согласиться с теми, кто подчеркивает парность категорий «цель» и «средство». При этом правовые средства рассматриваются в качестве «не противоречащих правовым нормам инструментов, предназначенных, пригодных и достаточных для достижения правовой цели»⁴⁶. Правовые средства включают различные правовые явления, системно взаимодействуют между собой и обнаруживают взаимозависимость с различными уровнями целей и целеполагания.

Цели и решаемые задачи выступают правовым ориентиром и показателем эффективности действия права. Они отражают общественные потребности и «ориентируют на те ценности, которые лежат в основе правовой политики государства»⁴⁷.

2.1.3. Целеполагание в праве

Целеполагание как процесс выбора одной или нескольких целей с установлением параметров допустимых отклонений для управления процессом их достижения является

⁴⁵ См.: Малько А.В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 1998. № 8. С. 70–71.

⁴⁶ Филиппова С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. М., 2011. С. 53.

⁴⁷ Общая теория государства и права : академический курс : в 3 т. Т. 3 / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2013. С. 416.

первичной фазой управления и предусматривает постановку как генеральной цели, так и совокупности целей (дерева целей) в соответствии с назначением (миссией) системы, стратегическими установками и характером решаемых задач⁴⁸.

С правильностью формулирования целей связана проблема целеполагания в праве, на которую одним из первых обратил внимание Иеринг: «По моей теории право и целесообразность, правильно понимаемые, вполне тождественны»⁴⁹. Исследования подтверждают гипотезу о том, что наличие/отсутствие четко сформулированных стратегических целей развития в значительной степени определяет направления развития правового механизма управления и возможности согласования интересов участников регулируемых отношений⁵⁰.

В юридической литературе под целеполаганием понимают:

- процесс осмысления, формирования и обоснования проблемной ситуации, перевод ее в проблему и создание целостной системы целей, задач и функций⁵¹;
- практическое осмысление своей деятельности человеком с точки зрения формирования (постановки) целей

---

⁴⁸ См.: Жемчугов М.К. Цель и целеполагание в теории социальной организации // Проблемы экономики и менеджмента. 2012. № 4; Панов М.М. Оценка деятельности и система управления компанией на основе КРІ. М., 2013; Яценко А.И. Целеполагание и идеалы. Киев, 1977.

⁴⁹ Иеринг Р. фон. Цель в праве. Т. 1. СПб., 1881. С. 384.

⁵⁰ См.: Мишулина С.И. Место экологической безопасности в российской системе стратегического целеполагания // Экологическое право. 2017. № 1. С. 39–43.

⁵¹ См.: Попов А.П. Целеполагание в современном отечественном уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 19.

и их реализации (достижения) наиболее экономичными (рентабельными) средствами⁵²;

- процесс формирования и выдвижения целей⁵³;
- скреп, собирающий категории и механизмы, упомянутые в классическом определении цели, в жизнеспособную договорную конструкцию⁵⁴;
- исходный пункт, своего рода старт правового регулирования, с которым связано и предвидение результатов правового воздействия на общественные отношения⁵⁵.

Целеполагание имеет два аспекта — внешние цели, «задаваемые» общественной системой (политический курс государств, партийные директивы и программы, концепции, уровень и потребности социально-экономического и международного развития), и собственно правовые цели, закрепляемые в Конституции, законах и иных нормативных правовых актах⁵⁶. Выделяются как объективные факторы целеполагания в праве — наличие потребностей общественного класса и необходимость определенных условий для их реализации, так и субъективный фактор — осознанность этих потребностей и условий⁵⁷.

---

⁵² См.: Толстик В.А., Азархин А.В. Некоторые теоретико-методологические проблемы целеполагания в законодательстве // Вестник Саратовской государственной академии права. 2010. № 6(76). С. 73.

⁵³ См.: Фадеева Е.С. Целеполагание в правовом мониторинге мировой юстиции // Мировой судья. 2018. № 6. С. 7–11.

⁵⁴ См.: Фомин И.Н. Целеполагание в договорных конструкциях // Юрист. 2016. № 24. С. 8–11.

⁵⁵ См.: Тихомиров Ю.А. Эффективность закона и мониторинг. М., 2010. С. 4.

⁵⁶ См.: Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М., 2008.

⁵⁷ См.: Орлов В.Н., Экимов А.И. Цель в норме советского права // Правоведение. 1968. № 5. С. 24.

Значение правильного целеполагания трудно переоценить. Г.В. Атаманчук указывает, что в правильном целеполагании необходима обоснованная субординация целей, при которой они как бы «работали» друг на друга и реализация одной цели становилась источником для другой⁵⁸. В.А. Затонский считает, что степень достижения соответствующих целей государственно-правового воздействия (результативность), наряду с социальной цельностью (полезностью) полученных результатов и моральным (нравственным) совершенством применяемых в процессе функционирования государственности средств, является одним из элементов эффективности государственности⁵⁹. Л.Н. Старженецкая говорит, что введению любого нового правового положения в правовую действительность, как правило, предшествует этап целеполагания. Именно от того, какие цели преследует законодатель при принятии правовых норм, зачастую зависит их содержание. В силу различия целей нормы, регулирующие в различных государствах схожие правоотношения, могут значительно отличаться. Кроме того, цели являются определяющими при дальнейшем применении правовых норм, а также в значительной степени влияют на их толкование в случае возникновения неясностей⁶⁰.

Главная функция целеполагания состоит в формировании цели как идеального образа будущего результата

---

⁵⁸ См.: Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. М., 1997.

⁵⁹ См.: Затонский В.А. Эффективная государственность в личностно-правовом измерении: Общетеоретическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2009.

⁶⁰ См.: Старженецкая Л.Н. Правовое регулирование налогообложения контролируемых иностранных компаний: опыт зарубежных стран и России. М., 2018.

деятельности⁶¹. Значение и сущность законодательного целеполагания состоят в следующем:

- цели закона отражают его концепцию и конкретизируют основные направления его развития;
- цели составляют основу выработки критериев для выделения проблем, для решения которых предназначен закон, а также для контроля и оценки конкретных результатов реализации;
- значимость законодательно установленных целей необходимым образом мотивирует субъектов регулируемых отношений;
- официальное декларирование целей оправдывает в глазах общества необходимость и значимость законодательного регулирования;
- цели закона определяют его правоприменение, так как непосредственно влияют на толкование его положений в случае возникновения неясностей.

Учитывая системность законодательства, следует помнить, что «отдельные элементы системы могут решать различные по своей природе задачи и иметь различное целеполагание для их решения»⁶².

2.2. ДЕФЕКТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ

2.2.1. Причины дефектности законодательного целеполагания

Ошибочность либо недооценка нормативно установленных целей, как подчеркивает Ю.А. Тихомиров, выявляется

⁶¹ См.: Гавеля В.Л. Целеполагание в структуре социальной деятельности человека : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1998. С. 2.

⁶² Бурков В.Н. Основы математической теории активных систем. М., 1977. С. 30.

нередко⁶³. Нельзя не согласиться, что существует «очевидная зависимость между конечной результативностью работы органов управления и обоснованностью поставленных целей, а также между правильным соизмерением целей и средств их достижения. Ошибочно выдвинутые цели не дадут социально значимого эффекта»⁶⁴.

Полагаем, что дефектность законодательного целеполагания обычно является следствием:

1) *неполного усвоения достижений современных телеологии и телеономии*. Так, проведенный специалистами Аналитического центра при Правительстве РФ анализ хода внедрения оценок регулирующего воздействия показал наличие существенных проблем как с определением цели изменения в нормативном правовом регулировании, так и с определением целевых показателей, необходимых для оценки достижения цели регулирования: «Последняя компонента сводного отчета, которую мы анализировали, — индикативные показатели достижения цели. Только в 36 сводных отчетах (32%) приведен показатель, с помощью которого может быть оценено, насколько достигнута поставленная цель. При этом более или менее адекватным его можно назвать только в половине случаев. Дело в том, что для ряда документов показатель в принципе невозможно установить, а если и возможно, то он носит общий характер. Его достижение будет зависеть от множества иных действий и мероприятий госорганов, общероссийских и мировых тенденций»⁶⁵;

---

⁶³ См.: Тихомиров Ю.А. Последствия правовых актов: оценка и коррекция // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 3. С. 140–148.

⁶⁴ Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. М., 2001. С. 43.

⁶⁵ См.: Радченко Т., Паршина Е. Оценка регулирующего воздействия в России: практика применения и выводы из теории // Экономическая политика. 2014. № 3. С. 36–60.

2) *сознательного искажения целей законодательного регулирования*, истоки чего можно найти «в характере принимаемых политических и социально-экономических решений, а соответственно, и в системе всей законопроектной деятельности в России»⁶⁶. По этому поводу в литературе весьма мягко отмечается, что при неправильном целеполагании в нормативных правовых актах нельзя полностью исключить сознательное искажение цели регулирования⁶⁷. Мы не только не исключаем злонамеренного искажения целей законодательного регулирования в угоду ведомственности и популизму, но и неоднократно были свидетелем этого.

Примером могут послужить следующие события. В декабре 2016 года на Форуме Общероссийского народного фронта (ОНФ) прозвучала инициатива о необходимости снижения долговой нагрузки населения, результатом чего стало появление ряда поручений Президента РФ от 28 декабря 2016 г. № Пр-2563, где Минфину России и Минэкономразвития России совместно с Банком России было поручено представить предложения:

- об установлении обязанности кредитных организаций и некредитных финансовых организаций проводить проверку наличия у гражданина обязательств по договорам кредита (займа) при выдаче ему потребительского кредита (займа);
- об ограничении прав кредитора на истребование просроченной задолженности по договору потребительского кредита (займа), в случае, если на момент заклю-

⁶⁶ Бауэр В.П. О реализации института оценки регулирующего воздействия в области налогового администрирования офшорной деятельности (на примере концепции бенефициарного собственника доходов) // Безопасность бизнеса. 2015. № 2. С. 15.

⁶⁷ См.: Маслаков В.А., Рукавишников Т.Л., Шестоперов О.М. К вопросу о критериях избыточности, применимых при оценке нормативных правовых актов и их проектов // Закон. 2018. № 3. С. 28–36.

чения такого договора соотношение размера ежемесячного дохода заемщика и размера его ежемесячного совокупного долгового обязательства превышало предельное значение, устанавливаемое Банком России.

Подчеркнем, что в поручении Президента РФ ясно сказано об ограничении прав кредиторов, а не кого-либо еще. Однако, по мнению Банка России, определенную модернизацию следует провести в деятельности не кредиторов, а почему-то бюро кредитных историй⁶⁸. Под нейтральным словосочетанием «определенная модернизация» понимается коренная, не имеющая аналогов в мировой практике реформа рынка кредитных историй, которая предполагает чрезвычайное расширение полномочий Банка России. В связи с этим мы пришли к выводу, что цели этой реформы существенно отличаются от декларируемых и состоят, главным образом, в расширении полномочий Банка России⁶⁹. Подобный подход, отмечает Р.А. Ромашов, основан на патримониальной концепции государства, в рамках которой последнее есть не что иное, как социотерриториальное владение государя. При этом в качестве «политического тела» государя (собственно субъекта властной деятельности) может выступать как индивид, так и коллективное лицо⁷⁰. В данном случае мы имеем дело со сверхрегулированием, которое «происходит в силу забвения принци-

⁶⁸ Доклад Банка России для общественных консультаций «О стратегии развития рынка услуг бюро кредитных историй». М., 2017. Октябрь. С. 6, 24.

⁶⁹ См.: Тосуян Г.А., Викулин А.Ю. Государственное регулирование и мораль. Том 1: Сила в правде. Некоторые признаки государственного имморализма на примере законодательства о кредитных историях. М., 2018. С. 188–209.

⁷⁰ См.: Ромашов Р.А. Перманентная переходность как постоянное состояние российской государственно-правовой системы // Кризис права: история и современность : монография / под общ. ред. В.В. Денисова, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова. СПб., 2018. С. 20.

пов права с одновременной эксплуатацией отдельных его свойств. Кризисность в данном случае диагностируется и в эпистемическом измерении (вместо истины устойчивым образом воспроизводится ложь), и в аксиологическом (если пользователи права утрачивают способность различать его внутреннюю суть и внешнюю оболочку, внешнее поглощает внутреннее, доверие к праву и спрос на него автоматически падают, что провоцирует нигилистическое отношение к законности и порядку в целом)⁷¹;

3) *непонимания целей соответствующего законодательства* его непосредственными разработчиками, что может быть объяснено:

во-первых, «субъективным фактором, то есть тем, что каждый из субъектов вправе понимать и в действительности понимает благо по-своему»⁷²;

во-вторых, тем, что не менее 1/3 актов и действий совершается по текущим поручениям вышестоящих органов и должностных лиц и нормативные цели и программные задания остаются в стороне⁷³.

Так, при обсуждении в 2013 году в Министерстве финансов РФ законопроекта «О потребительском кредите (займе)» в ответ на многочисленные замечания представителей банковского сообщества о чрезмерности налагаемых ограничений один из чиновников заявил, что закон разрабатывается не для того, чтобы облегчить жизнь банков или кого-либо еще, а для выполнения поставленных руководством задач;

⁷¹ Беляев М.А. Сверхрегулирование как симптом кризиса правовой системы // Кризис права: история и современность / под общ. ред. В.В. Денисова, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова. СПб., 2018. С. 120.

⁷² Медведева Г.П. Особенности целей и целеполагания в социальной работе // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. Т. 1. № 4. С. 29.

⁷³ См.: Тихомиров Ю.А. Последствия правовых актов: оценка и коррекция // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 3. С. 140–148.

4) *соединения указанных выше факторов* во всевозможных вариациях и пропорциях, что мы имели возможность наблюдать не так редко, как хотелось бы. В качестве *примера* здесь можно опять привести доклад Банка России «О стратегии развития рынка услуг бюро кредитных историй», в котором ЦБ, не скрывая, заявил, что видит свою миссию в том, чтобы, используя свои возможности мегарегулятора, обеспечить достижение, в том числе, цели удовлетворения своих потребностей⁷⁴.

Положение, при котором некомпетентность чиновников накладывается на непонимание ими целей законодательного регулирования и дополняется попытками сознательного нацеливания законов на удовлетворение исключительно ведомственных интересов, чревато многочисленными негативными последствиями. Оно не способствует утверждению прав и свобод человека, гражданского мира и согласия, сохранению исторически сложившегося государственного единства, утверждению общепризнанных принципов равноправия, уважению памяти предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, вере в добро и справедливость, утверждению незыблемости демократической основы государственности России, обеспечению ее благополучия и процветания, упрочению ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями.

2.2.2. Виды дефектов законодательного целеполагания

Дефекты законодательного целеполагания, а также вопросы соотношения объявленного целеполагания и реальных результатов законодательного регулирования рассматри-

---

⁷⁴ Доклад Банка России для общественных консультаций «О стратегии развития рынка услуг бюро кредитных историй». М., 2017. Октябрь. С. 3.

ваются во многих публикациях⁷⁵. При этом в литературе дефекты законодательного целеполагания обычно связываются с его отсутствием, нелегитимностью, некорректностью, неизмеримостью, нечеткостью и неполнотой.

Рассмотрим названные виды дефектов законодательного целеполагания подробнее.

2.2.2.1. Дефект отсутствия целей

Дефект отсутствия целей закона заключается в отсутствии в законе какого-либо упоминания о его целях, что не позволяет установить целесообразную волю законодателя и препятствует оценке легитимности, корректности, четкости, полноты и эффективности законодательного регулирования в соответствующей сфере.

Следует поддержать предположение о том, что «отсутствие четко сформулированных стратегических целей развития в значительной степени» негативно влияет на определение направлений «развития правового механизма управления и возможности согласования интересов

---

⁷⁵ См., например: Астафьев А.Ю. С чего начинается суд присяжных? // Российский судья. 2019. № 4. С. 40–43; Дворецкая А.Е. Целеполагание в современной денежно-кредитной политике России // Банковское дело. 2014. № 7. С. 6–13; Кострова М.Б. Парадоксы российской уголовной политики усиления ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения // Lex russica. 2017. № 7. С. 137–150; Кравченко А.Г. Деформации правовой ментальности в административной правоприменительной политике государства // Административное и муниципальное право. 2019. № 1. С. 7–16; Маслаков В.А., Рукавишникова Т.Л., Шестоперов О.М. К вопросу о критериях избыточности, применимых при оценке нормативных правовых актов и их проектов // Закон. 2018. № 3. С. 28–36; Медведева Г.П. Особенности целей и целеполагания в социальной работе // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. Т. 1. № 4; Рыженков А.Я. Право и монополии в современной России : монография. М., 2017.

участников регулируемых отношений»⁷⁶. В литературе справедливо отмечается, что «любой нормативный правовой акт должен быть направлен на решение важной социальной проблемы. К сожалению, на сегодняшний день (во многом ввиду того, что цель принятия нормативного правового акта нормативно не закреплена) мы видим множество примеров законов (законопроектов), направленных на решение частного, а не важного для всего населения вопроса»⁷⁷. Нередки случаи, когда в тексте нормативного правового акта и сопроводительных документах вообще отсутствуют фразы, которые были бы релевантны понятию «цель правового регулирования»⁷⁸.

Теоретически в случае отсутствия в законе его целей мы можем предположить (восстановить) их содержание следующими способами:

во-первых, следует провести анализ норм закона на предмет установления бенефициаров (выгодоприобретателей) соответствующего законодательного регулирования. Здесь мы руководствуемся известными тезисами: «Есть такое латинское изречение “*cui prodest*” (куй продэст) — “кому выгодно?”. Когда не сразу видно, какие политические или социальные группы, силы, величины отстаивают известные предложения, меры и т. п., следует всегда ставить вопрос: “Кому выгодно?”. Не то важно, кто отстаивает непосредственно известную политику, — ибо для защиты всяких взглядов при современной благород-

⁷⁶ Мишулина С.И. Место экологической безопасности в российской системе стратегического целеполагания // Экологическое право. 2017. № 1. С. 39–43.

⁷⁷ Соколова М.А. Выявление и устранение дефектов нормативных правовых актов в механизме правотворчества : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 74–75.

⁷⁸ См.: Маслаков В.А., Рукавишникова Т.Л., Шестоперов О.М. К вопросу о критериях избыточности, применимых при оценке нормативных правовых актов и их проектов // Закон. 2018. № 3. С. 28–36.

ной системе капитализма любой... всегда сможет “нанять” или купить, или привлечь любое число адвокатов, писателей, даже депутатов, профессоров, попов и так далее... Бывают и простачки, которые по недомыслию или по слепой привычке защищают господствующие в известной... среде взгляды»⁷⁹;

во-вторых, можно попытаться восстановить цели закона, ориентируясь на фактическое состояние отношений в регулируемой области, рассматриваемое в качестве результата произведенных изменений в законодательном регулировании. Однако такая «восстановленная» цель будет иметь в существенной степени гипотетический (вероятностный) характер. Определить, совпадает ли полученная нами оценка цели с намерениями законодателя, будет весьма трудно, так как в цепочке «намерение — действие — результат» возникает неопределенность. Иногда цели закона могут подменяться некими декларациями, которые содержатся в пояснительной записке к закону. Неопределенность возникает и в том случае, когда прогнозируемый результат изменения правового регулирования не соответствует декларации регулятора о цели регулирования, а также, если оценка состояния отношений в регулируемой области, полученная с использованием заданных нормой целевых показателей, не может характеризовать достижение той цели, которая была декларирована регулятором. Из-за неопределенностей такого рода часто невозможно установить, была ли регулятором использована некорректная формулировка цели или им был выбран неправильный метод достижения сформулированной цели⁸⁰. В связи с этим данный способ может использоваться как вспомогательный (наряду с другими);

⁷⁹ Ленин В.И. Кому выгодно? // Правда. 1913. № 84. 11 апр.

⁸⁰ См.: Маслаков В.А., Рукавишникова Т.Л., Шестоперов О.М. К вопросу о критериях избыточности, применимых при оценке нормативных правовых актов и их проектов // Закон. 2018. № 3. С. 28–36.

в-третьих, следует провести анализ норм закона на предмет согласованности интересов участников регулируемых отношений и соблюдения их законных прав. При выявлении отсутствия такой согласованности необходимо установить, соответствуют ли положения закона положениям Конституции РФ или противоречат им.

Примерами отсутствия целей законодательного регулирования могут послужить Федеральные законы от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)», от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» и др.

2.2.2.2. Дефект нелегитимности целей закона

Дефект нелегитимности целей закона — это не полное соответствие или противоречие предусмотренных законом целей Конституции РФ, выражающееся в избыточности правового регулирования; направленности целеполагания на удовлетворение интересов одних участников регулируемых отношений в ущерб интересам других; мотивации на совершение неправомерных действий и т. п.

Отмечается, что в ряде случаев «закон не достигает преследуемой цели из-за своей ложной установки»⁸¹. Это может происходить, «когда власть сосредотачивается в центре, в одном органе, в одних руках»⁸². В связи с этим «возможны конфликты интересов, недобросовестная конкуренция, неравная защита различных организационно-правовых форм предпринимательской деятельности, возможность использования административных рычагов с целью создания льготных условий для ведения предпри-

⁸¹ Шувалов И.И. Теория законоотворчества. М., 2006. С. 35.

⁸² Социокультурные (архетипические и ментальные) основания публично-властной организации общества : монография / А.Ю. Мамычев, В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев. М., 2017. С. 41.

нимательской деятельности аффилированными с государственной властью бизнес-структурами»⁸³.

Мы поддерживаем очевидный вывод, что подмножество правовых норм, имеющих нелегитимные цели, состоит из избыточных норм вне зависимости от того, являются ли эти цели корректными и измеримыми, так как задаваемое этими нормами правовое регулирование не является необходимым для достижения целей реализуемой политики. Нелегитимные цели не могут содержаться ни в одном из корректных вариантов дерева целей, полученного при декомпозиции соответствующей цели политики, реализуемой в рассматриваемой области отношений⁸⁴.

Помимо избыточности правового регулирования нелегитимность целей закона может выражаться в их направленности на удовлетворение интересов одних участников регулируемых отношений в ущерб интересам других, мотивации на совершение неправомерных действий и т. п.

Примеры последнего нам предоставляет Закон № 123-ФЗ. Цель данного закона, сформулированная как защита прав и законных интересов потребителей финансовых услуг, не содержит упоминания о правах и законных интересах финансовых организаций. Это означает, что Закон игнорирует права и законные интересы финансовых организаций. Между тем, любой закон (по определению) должен обеспечивать соблюдение баланса интересов участников регулируемых отношений. Законодательная власть должна «не навязывать обществу то или иное решение социальных проблем, а, относясь с уважением и доверием к различным, зачастую противо-

---

⁸³ Витрук Н.В. Право, демократия и личность в конституционном измерении (история, доктрина и практика) : избранные труды (1991–2012 гг.). М., 2017. С. 251.

⁸⁴ См.: Маслаков В.А., Рукавишникова Т.Л., Шестоперов О.М. К вопросу о критериях избыточности, применимых при оценке нормативных правовых актов и их проектов // Закон. 2018. № 3. С. 28–36.

борствующим социальным интересам, искать способы и формы достижения согласия между ними»⁸⁵. В регулируемых любым законом «отношениях реализуются взаимные интересы их участников, каждый из которых идет на какое-то ущемление своих интересов ради удовлетворения интересов другого»⁸⁶. Одностороннего ущемления интересов быть не может. Закон не может исходить из того, что финансовые организации всегда и во всем не правы и всегда что-то должны государству или потребителям своих услуг. Хотя бы ради приличия в общих положениях закона следовало упомянуть о наличии у финансовых организаций прав и законных интересов и необходимости повышения качества финансовых услуг. Видимо, законодатель посчитал излишним учитывать интересы финансовых организаций, полагая, что защита интересов потребителей финансовых услуг — это своего рода законодательный антиминос⁸⁷, который, будучи «вшитым» в закон, позволяет освятить любые ограничения. Финансирование системы защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг за счет взносов финансовых организаций нелегитимно, так как для финанси-

---

⁸⁵ Зорькин В. Доверие и право // Российская газета. 2013. 29 апр.

⁸⁶ Теория государства и права : учеб. / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М., 1997. С. 259.

⁸⁷ Антиминс — плат со вшитой в него частицей мощей какого-либо святого и надписанием епископа. См.: Алексеева М.А. Малоизвестные произведения русского искусства XVII — первой половины XVIII в. — гравюры на антиминсах // Памятники культуры: Новые открытия, 1982. Л., 1984; Беляев Д.Ф. Ежедневные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм Святой Софии в IX–X вв. // Записки Императорского Русского археологического общества. СПб., 1893; Заграевский С.В. «Антиминс» из Николо-Дворищенского собора. М., 2004; Цветков И.Ф. О древних антиминсах, находящихся в Калужской архиерейской ризнице, в связи с историей антиминса вообще // Калужская старина. Т. III. Калуга, 1905.

рования государственно-властных функций предназначены соответствующие налоги и сборы. Законодательное решение «по определению должно быть ориентировано на компромисс интересов»⁸⁸.

Помимо прочего чрезмерное удовлетворение интересов потребителей финансовых услуг в ущерб интересам финансовых организаций мотивирует первых на злоупотребление правом. Так, сформулированная показанным выше образом цель Закона № 123-ФЗ и являющееся ее следствием множество его специальных (особенных) норм мотивируют потребителей финансовых услуг к совершению действий, получивших наименование потребительский экстремизм, на чем мы остановимся подробнее.

Обычно под потребительским экстремизмом понимается недобросовестное манипулирование нормами закона со стороны потребителя, основная цель которого не защита своих прав, а получение материальной выгоды и дохода⁸⁹.

Встречаются и другие взгляды. Так, Т.В. Закупень определяет потребительский экстремизм более широко и утверждает, что под ним следует понимать:

- действия потребителей в обход закона, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу;

⁸⁸ Зорькин В. Доверие и право // Российская газета. 2013. 29 апр.

⁸⁹ См.: Бежан А. Потребительский экстремизм // Корпоративный юрист. 2009. № 3; Гулидов П. Как защититься от потребительского экстремизма // Арсенал предпринимателя. 2012. № 10. С. 52–62; Картель В.Н. Как бороться с потребительским экстремизмом? // Бизнес-адвокат. 2007. № 7; Петухова И.Э. Проблемы применения законной неустойки за нарушение сроков передачи объектов недвижимости // Юрист. 2016. № 13. С. 33–37; Ожегова Г.А. К понятию «потребительский экстремизм» // Юрист. 2014. № 14. С. 15–19; Цехер Г.Я. Потребительский экстремизм: природа, формы проявления и меры противодействия // Бизнес, менеджмент и право. 2003. № 2. С. 115–121.

- злоупотребление потребителями своим особым положением на рынке товаров, работ и услуг;
- недобросовестное поведение потребителей, злоупотребление правом⁹⁰;
- умышленные противоправные деяния потребителей, совершаемые с целью обращения в свою пользу имущества предпринимателей путем обмана или злоупотребления особым отношением к потребителям⁹¹.

М.С. Матейкович отмечает, что потребительский экстремизм выражается в стремлении потребителей и их родственников получить материальную выгоду даже при отсутствии признаков некачественного оказания услуги или посредством явного преувеличения обнаружившихся в ней дефектов⁹². При этом в литературе подчеркивается, что потребительский экстремизм представляет опасность прежде всего для самих потребителей, поскольку порождает феномен так называемых защитных услуг, который заключается

⁹⁰ О проблемах злоупотребления правом см.: Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. М., 2002; Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Изв. АН СССР. Отделение экономики и права. 1946. № 6; Белов В.А. Злоупотребление правом или злоупотребление законом? // Законодательство. 2002. № 8; Братусь С.Н. О пределах осуществления гражданских прав // Государство и право. 1967. № 3; Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000; Иоффе О.С., Грибанов В.П. Пределы осуществления субъективных гражданских прав // Советское государство и право. 1967. № 7; Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 1916. № 6; Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998; Чеговадзе Л.А. Злоупотребление правом как форма гражданского правонарушения // Юрист. 2013. № 2.

⁹¹ См.: Закупень Т.В. Потребительский экстремизм как форма злоупотребления правом при заключении банками кредитного договора с гражданами-заемщиками // Банковское право. 2015. № 1. С. 23–30.

⁹² См.: Матейкович М.С. Медицинская помощь, медицинские услуги и права потребителей // Судья. 2018. № 2. С. 38–41.

в предоставлении услуг по принципу минимизации потенциальных рисков, в меньшей степени исходя из их эффективности, целесообразности и достаточности⁹³.

А. Крылов предлагает отграничивать потребительский экстремизм от защиты прав потребителя⁹⁴ по целям, которые преследуются потребителями в каждом из случаев. Если для защиты прав потребителя характерной целью будет восстановление нарушенного права и компенсация реально понесенных убытков, то для потребительского экстремизма целью обращения в суд является обогащение. При этом он справедливо отмечает, что прямых и явных доказательств потребительского экстремизма, как правило, не бывает⁹⁵.

М.Г. Ерохина и С.В. Кузнецов отмечают, что потребительский экстремизм имеет некоторые общие черты с корпоративным шантажом. Оба деяния связаны со злоупотреблением правами, предоставляемыми участниками определенных общественных правоотношений⁹⁶.

⁹³ См.: Сергеев В.В., Захаров С.О. Медицинские и юридические аспекты врачебных ошибок // Здоровоохранение Российской Федерации. 2000. № 1. С. 7–9.

⁹⁴ Проблемы защиты прав потребителей ранее исследовались различными учеными. См.: Богдан В.В., Урда М.Н. Судебная «защита» прав потребителей: отдельные проблемы правоприменительной практики // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 3; Осипов М.Ю. О некоторых проблемах правового регулирования защиты прав потребителей // Юрист. 2014. № 14; Райлян А.А. Потребительское право России: Основные положения. СПб., 2005; Сулова С.И. Злоупотребление правами в жилищной сфере // Юрист. 2013. № 2; Шерстобитов А.Е. Гражданско-правовые вопросы охраны прав потребителей. М., 1993; Ширвиндт А.М. Ограничение свободы договора в целях защиты прав потребителей в российском и европейском частном праве / под общ. ред. А.Л. Маковского. М., 2014.

⁹⁵ См.: Крылов А. Потребительский экстремизм дольщиков // ЭЖ-Юрист. 2015. № 8. С. 1, 6.

⁹⁶ См.: Ерохина М.Г., Кузнецов С.В. Споры с участием потребителей банковских услуг: некоторые аспекты // Мировой судья. 2017. № 8. С. 32–35.

К числу признаков потребительского экстремизма М.А. Зинковский относит необоснованность исков и их скрытые противоправные, квазизаконные или иные аналогичные цели, достижение которых в гражданском процессе в пользу истца не имеет никакого отношения к реальному восстановлению нарушенных гражданских прав⁹⁷.

П. Гулидов подчеркивает, что при потребительском экстремизме в первую очередь речь идет о злоупотреблении правом, ведь потребитель-экстремист старается не просто защитить свои нарушенные права, он сознательно стремится к тому (и прилагает для этого усилия), чтобы предприниматель не смог в должной мере оказать ему услугу (выполнить работу). То есть потребитель-экстремист специально создает условия для того, чтобы его права, предусмотренные Законом о защите прав потребителей, были нарушены⁹⁸. С ним согласен и Л.В. Чхутиашвили, который указывает, что потребитель-экстремист сознательно создает условия для того, чтобы его права были нарушены. При этом привлечь к ответственности такого «потребителя» совсем не просто. Правовых механизмов, позволяющих избежать данной ситуации, на сегодняшний момент явно недостаточно⁹⁹.

В литературе особо отмечается распространение потребительского экстремизма при погашении гражданами кредитов в банковской сфере¹⁰⁰.

⁹⁷ См.: Зинковский М.А. Необоснованные иски и заявления как искусственные споры в гражданском процессе // Современное право. 2016. № 3. С. 77–81.

⁹⁸ См.: Гулидов П. Как защититься от потребительского экстремизма // Арсенал предпринимателя. 2012. № 10. С. 52–62.

⁹⁹ См.: Чхутиашвили Л.В. Актуальные вопросы регулирования кредитного договора по российскому праву // Банковское право. 2012. № 1. С. 65–68.

¹⁰⁰ См.: Закупень Т.В. Потребительский экстремизм как форма злоупотребления правом при заключении банками кредитного договора с гражданами-заемщиками // Банковское право. 2015. № 1. С. 23–30;

Причины распространения потребительского экстремизма Г.А. Ожегова видит в том, что Закон «О защите прав потребителей» и принятые в соответствии с ним нормативные акты предоставляют гражданам значительный объем преференций, которыми любят пользоваться недобросовестные субъекты¹⁰¹. О. Попиков также отмечает, что Закон «О защите прав потребителей» и судебная система защищают покупателей настолько хорошо, что при определенном развитии событий раздосадованный неудачной покупкой гражданин может предъявить судебные иски сразу всем «обидчикам»: продавцу, производителю, импортеру товара и его представителю¹⁰².

В связи с изложенным некоторые авторы говорят уже не о потребительском экстремизме, а о потребительском терроризме. Так, А.А. Согияйнен определяет потребительский терроризм как явление, когда потребитель путем угроз или жалоб пытается неправомерно получить материальную компенсацию или скидку на оказанные услуги¹⁰³. Н. Фрейтак под потребительским террором понимает явление, связанное с осуществлением потребителем прав исключительно с намерением причинить вред продавцу, неосновательно обогатиться за его счет, а также иное заведомо недобросовестное осуществление прав потребителем. По его мнению, методы в данном случае могут быть различными, но цель едина — получение необоснованной прибыли/выгоды либо отнесение собственных

Ручкина Г.Ф., Сарнаков И.В. Полная стоимость потребительского кредита: проблемы теории и практики // Банковское право. 2013. № 4. С. 59–67.

¹⁰¹ См.: Ожегова Г.А. К понятию «потребительский экстремизм» // Юрист. 2014. № 14. С. 15–19.

¹⁰² См.: Попиков О. Наделенные правом «экстремисты» // ЭЖ-Юрист. 2013. № 14. С. 16.

¹⁰³ См.: Согияйнен А.А. Правовые риски медицинской деятельности в современных условиях // Право в Вооруженных Силах. 2017. № 4. С. 35–42.

убытков, причиненных третьими лицами, на продавца¹⁰⁴. А.И. Бычков обоснованно указывает на потребительский терроризм многочисленных обществ по защите прав потребителей, для которых чем больше выигранных судебных дел, тем больше денег они смогут получить с проигравших компаний, страдающих от потребительского терроризма¹⁰⁵.

2.2.2.3. Дефект некорректности целеполагания закона

Дефект некорректности целеполагания закона — это наличие в целеполагающих дефинициях закона положений:

- нарушающих общепринятые правила установления целей (подмена целей задачами или функциями, их смешение и т. п.);
- содержащих формальные заимствования из Конституции РФ и (или) не имеющих правового характера источников;
- включающих нерегулируемые факторы, в том числе:
  - а) объективные: ограниченность финансовых, технологических и иных ресурсов, климатические условия и т. п.;
  - б) субъективные: благие пожелания, идеологемы, декларации, идеально-субъективные конструкции и т. п.

Можно привести следующие *примеры* дефектов некорректности целеполагания:

1. Цели, определенные законом, выступают лишь задачами, посредством решения которых достигается основ-

¹⁰⁴ См.: Фрейтак Н. Потребительский терроризм в автобизнесе // ЭЖ-Юрист. 2014. № 45. С. 9.

¹⁰⁵ См.: Бычков А.И. Индустрия гостеприимства в России. М., 2017.

ная цель¹⁰⁶ либо перепутаны с функциями соответствующих органов и организаций. Так, цель Закона № 123-ФЗ перепутана с функцией органов государственной власти, что произошло вследствие механического заимствования из законодательства о защите прав потребителей. Защита прав и законных интересов потребителей услуг — это не цель деятельности, а функция, так как должна осуществляться постоянно и не предполагает выхода на достижение конечного результата. Такое целеполагание носит формальный характер, так как специфические цели оказались не выделенными, а реальные цели закона — завуалированными и скрытыми¹⁰⁷.

2. Широко распространены конституционно-либеральные целеполагания, например нормы-идеологемы о безусловном примате личности над государством, которые реализованы законодателем в системе процессуальных норм-целеуказаний подраздела III ГПК¹⁰⁸. Цели закона могут быть заимствованы из Конституции РФ или надправовых источников (стратегий, программ и т. п.), в связи с чем совпадают с общеправовыми целями и не носят специального характера. Подобное целеполагание носит искусственный характер, поскольку специфические цели, которые должны быть присущи соответствующему отраслевому закону, оказываются невыделенными¹⁰⁹.

3. Цели закона не носят мотивирующего характера. Между тем любая человеческая деятельность имеет свои

¹⁰⁶ См.: Шмелева М.В. Определение целей (задач) эффективной системы государственных закупок // Финансовое право. 2018. № 2. С. 20–23.

¹⁰⁷ См.: Викулин А.Ю. Начала теории законодательных дефектов. М., 2019.

¹⁰⁸ Нагайцев В.Г. Производство по делам, возникающим из публичных правоотношений, — уйти, чтобы остаться // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 9. С. 55.

¹⁰⁹ Подробнее об этом см.: Рыженков А.Я. Право и монополии в современной России : монография. М., 2017.

(явные или скрытые) мотивы. Отражая определенные потребности, мотив побуждает, мобилизует, делает поведение последовательным, устойчивым, ставит его на определенную логическую основу. Поэтому в литературе справедливо отмечается, что применительно к законодательному процессу о правовой мотивации можно говорить как о его особой логической стадии, детерминирующей содержание правовых нормативов. Всякая «целесообразная» воля законодателя как регулирующая сторона его сознания должна быть по возможности оптимально мотивированной. Мотив закона — это его логическое основание, без которого закон нормально и эффективно функционировать не может. Только достаточно мотивированный норматив может быть облечен в официальные правовые формы¹¹⁰. Законы должны не просто управлять, но и убеждать¹¹¹. Законодатели не должны походить на тех архитекторов, «которые устремляли ввысь стены здания, не думая о его фундаменте»¹¹². Правовая норма только тогда действует, когда «она обладает способностью влиять в качестве мотива, определять волю»¹¹³.

4. Цели закона носят преимущественно информационный характер, примером чего является Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 218-ФЗ «О кредитных историях»:

- изначально его целями являлись создание и определение условий для сбора, обработки, хранения и предоставления бюро кредитных историй информации, характеризующей своевременность исполнения заем-

¹¹⁰ См.: Чернобель Г.Т. Правовые принципы как идеологическая парадигма // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 84–94.

¹¹¹ См.: Платон. Сочинения. Т. III. Ч. 2. М., 1994. С. 196.

¹¹² Нодье Ш. Избранные произведения. М., 1960. С. 231

¹¹³ Еллинек Г. Общее учение о государстве / пер. с нем. СПб., 1903. С. 218.

щиками своих обязательств по договорам займа (кредита), повышение защищенности кредиторов и заемщиков за счет общего снижения кредитных рисков, повышение эффективности работы кредитных организаций¹¹⁴;

- затем согласно Федеральному закону от 21 декабря 2013 г. № 363-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О потребительском кредите (займе)”» в дефиницию целей были добавлены микрофинансовые организации и кредитные кооперативы;
- наконец, в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 189-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О кредитных историях” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» ч. 2 ст. 1 Закона № 218-ФЗ была изложена в следующей редакции: «Целями настоящего Федерального закона являются повышение защищенности кредиторов и заемщиков за счет общего снижения кредитных рисков, повышение эффективности работы кредитных организаций, микрофинансовых организаций и кредитных кооперативов, а также создание и определение условий для сбора, обработки, хранения и предоставления в бюро кредитных историй информации, характеризующей своевременность исполнения заемщиками своих обязательств по договорам займа (кредита), исполнения физическими лицами, в том числе индивидуальными предпринимателями, и юридическими лицами

---

¹¹⁴ Подробнее см.: Викулин А.Ю. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О кредитных историях» (постатейный). М., 2013. С. 15.

обязательств по внесению платы за жилое помещение, коммунальные услуги и услуги связи и исполнения физическими лицами алиментных обязательств, по которым имеется вступившее в силу и не исполненное в течение 10 дней решение суда о взыскании с должника указанных денежных сумм».

Очевидно, что подобное целеполагание представляет собой профанацию одного из элементов «поведения и сознательной деятельности человека или группы людей, который характеризует предвосхищение в мышлении результата деятельности и путей его реализации с помощью определенных средств»¹¹⁵.

2.2.2.4. Дефект неизмеримости целеполагания закона

Данный законодательный дефект проявляется в ситуации, когда дефиниция цели не только сама не содержит каких-либо измеримых целевых показателей, но и не предполагает их регламентации в специальных (особенных) нормах закона.

В литературе справедливо отмечается, что изменение в правовом регулировании отношений должно решать задачу перевода состояния отношений в регулируемой области из исходного, существующего в момент принятия решения о внесении изменений в правовое регулирование, в состояние, соответствующее цели данного измене-

---

¹¹⁵ См.: *Философский энциклопедический словарь* / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М., 1983. С. 763; Роздольская И.В., Мозговая Ю.А. Экспликация понятия «цель» в современном управленческом дискурсе // *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права*. 2012. № 3. С. 10–14; Фомин И.Н. Целеполагание в договорных конструкциях // *Юрист*. 2016. № 24. С. 8–11.

ния в правовом регулировании, то есть в состоянии «цель правового регулирования достигнута»¹¹⁶. Отсутствие измеримых целевых показателей не позволяет сделать адекватных выводов о достижении цели.

Примером в данном случае является Закон № 123-ФЗ, где цель:

во-первых, сформулирована таким образом, что состояние «цель достигнута» не может быть описано с помощью измеримых целевых показателей;

во-вторых, подменена функцией и смешана с предметом правового регулирования, в связи с чем больше напоминает сферу правового регулирования.

Как показано выше, цель характеризуется предвосхищением в мышлении результатов соответствующей деятельности при помощи определенных средств. Применительно к законодательству о защите прав потребителей совокупность правильно определенных результатов становится «той верховной идеей, которая могла бы ориентировать нас в нашей оценке всех отдельных правовых норм»¹¹⁷. Таким образом, формулировка цели должна хотя бы в самом общем виде предполагать измеримые результаты деятельности участников регулируемых отношений. Защита прав и законных интересов потребителей не может быть целью, так как это функция, процесс, который в принципе не имеет завершения. Защита, как и защищенность, — категории оценочные. Их можно осуществлять и совершенствовать до бесконечности, ставя перед собой все новые и новые ориентиры в зависимости от уровня развития общества. Устанавливая подобные цели без упо-

¹¹⁶ См.: Маслаков В.А., Рукавишникова Т.Л., Шестоперов О.М. К вопросу о критериях избыточности, применимых при оценке нормативных правовых актов и их проектов // Закон. 2018. № 3. С. 28–36.

¹¹⁷ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 77.

минания результатов соответствующей деятельности, законодатель либо уподобляется известному деятелю, который утверждал, что «движение — все, цель — ничто»¹¹⁸, либо имеет цели, которые не хочет декларировать.

Исходя из текста Закона, правомерно сделать вывод, что положения, составляющие его предмет, являются средствами для защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг. Иными словами, правовой статус уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг, порядок досудебного урегулирования финансовым уполномоченным споров между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями, правовые основы взаимодействия финансовых организаций с финансовым уполномоченным определены в качестве средств, посредством которых предполагается осуществлять защиту прав и законных интересов потребителей финансовых услуг.

Отсюда следует, что определение названных выше составляющих предмета Закона само по себе будет означать достижение его цели независимо от результативности деятельности финансовых уполномоченных и удовлетворенности потребителей финансовых услуг этими результатами. В связи с этим цель Закона не может быть достигнута, так как ее формулировка не позволяет сделать исчерпывающий вывод о том, что права и законные интересы потребителей финансовых услуг должным образом защищены даже в случае определения всех перечисленных в Законе составляющих его предмета. Таким образом, формулировка цели Закона демонстрирует дефект неизмеримости целеполагания.

---

¹¹⁸ Слова Э. Бернштейна (1850–1932) — лидера II Интернационала и правого крыла немецкой социал-демократии, который часто упоминается в ленинских статьях как «ревизионист», «оппортунист» и «реформист».

2.2.2.5. Дефект нечеткости (неполноты) задания цели

Дефект нечеткости (неполноты) задания цели характеризуется:

- наличием целевых показателей, которые в совокупности не имеют прямой корреляции с состоянием «цель достигнута» и (или) не позволяют сделать на их основании исчерпывающий вывод о достижении цели;
- отсутствием целевых показателей, объективно указывающих на состояние общественных отношений в регулируемой сфере и позволяющих сделать вывод о том, что декларируемые цели достигнуты.

В качестве *примера* мы уже в который раз приведем Закон № 123-ФЗ. Его специальными (особенными) нормами предусмотрен единственный показатель, который по идее должен быть предназначен для того, чтобы судить о достижении его цели, — количество обращений, поступивших к финансовому уполномоченному в отношении финансовой организации (ст. 11). Однако данный показатель не может объективно отражать результаты деятельности по защите прав и законных интересов потребителей финансовых услуг по следующим причинам:

во-первых, он в значительной степени субъективен, так как всецело зависит от желаний потребителя: с одной стороны, направление жалобы не всегда является результатом нарушения прав, а с другой — не все нарушения сопровождаются направлением жалоб;

во-вторых, он предназначен не для того, чтобы судить о состоянии дел с защитой прав и законных интересов потребителей финансовых услуг, а для определения размера взносов финансовых организаций (ч. 3 ст. 11), поступающих в Фонд финансирования деятельности финансового

уполномоченного, предназначенный для финансирования деятельности финансового уполномоченного (ч. 1 ст. 10).

На наш взгляд, цели Закона № 123-ФЗ могли бы включать:

- сокращение количества случаев нарушения прав потребителей;
- снижение количества жалоб потребителей;
- усиление эффекта общей и частной превенции¹¹⁹;
- повышение уровня дисциплины в финансовых организациях;
- повышение качества финансовых услуг;
- предотвращение потребительского экстремизма.

Представляется, что подобная конкретизация объективно послужила бы более осмысленному законодательному регулированию отношений по защите законных прав и интересов потребителей финансовых услуг и заставила бы законодателя не игнорировать законные права и интересы финансовых организаций. Отсутствие такой конкретизации целей позволяет предположить, что реальными, а не декларируемыми целями Закона № 123-ФЗ являются:

- перекладывание работы по рассмотрению жалоб потребителей финансовых услуг и ответственности с Бан-

---

¹¹⁹ В данном случае общая превенция — предупреждение нарушения прав потребителей финансовых услуг другими финансовыми организациями, где пример неблагоприятных последствий для одной финансовой организации сдерживает другие финансовые организации от совершения подобных деяний, так как последние не желают подвергаться подобным лишениям. Частная (специальная) превенция — предупреждение нарушения прав потребителей финансовых услуг той же финансовой организации, которая воздержится в будущем от подобного поведения, чтобы избежать повторного наступления неблагоприятных последствий. Подробнее об общей и частной превенции см.: Назаренко Г.В. Уголовное право : курс лекций. М., 2005.

ка России на Службу финансового уполномоченного (при установлении абсолютного влияния Банка России на деятельность Службы);

- повышение значимости Банка России в системе органов государственной власти страны путем сохранения всех сколько-нибудь значимых рычагов влияния на деятельность по защите прав потребителей финансовых услуг в его руках;
- дальнейшее усиление и без того всеобъемлющего влияния Банка России на поднадзорные финансовые организации;
- создание синекуры¹²⁰ для бывших и не сильно прощтрафившихся чиновников.

2.3. ПРЕОДОЛЕНИЕ ДЕФЕКТОВ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В ЗАКОНЕ № 218-ФЗ

Рассуждения о неправильном законодательном целеполагании были бы не вполне объективными, если не привести примеров преодоления дефектов законодательного целеполагания. Одним их немногих таких примеров, который можно признать в целом положительным, является внесение изменений и дополнений в целеполагание Закона № 218-ФЗ. В этот закон изменения и дополнения вносились 19 раз¹²¹, и 20-й раз, предполагающий кардинальное

---

¹²⁰ Синекура — хорошо оплачиваемая должность, не требующая особого труда. См.: Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд. М., 1999.

¹²¹ 21.07.2005, 24.07.2007, 06.04.2011, 01.07.2011, 11.07.2011, 03.12.2011, 23.07.2013, 21.12.2013, 28.06.2014, 29.06.2015, 30.12.2015, 23.06.2016, 03.07.2016, 31.12.2017, 03.08.2018, 01.05.2019, 01.05.2019, 02.08.2019, 03.04.2020.

реформирование системы бюро кредитных историй, последует со дня на день.

Изначально в качестве целей названного закона были указаны:

1) создание и определение условий для формирования, обработки, хранения и раскрытия бюро кредитных историй информации, характеризующей своевременность исполнения заемщиками своих обязательств по договорам займа (кредита);

2) повышение защищенности кредиторов и заемщиков за счет общего снижения кредитных рисков;

3) повышение эффективности работы кредитных организаций.

На дефектность подобного целеполагания мы неоднократно указывали в своих работах¹²². Проведенное исследование позволяет утверждать, что дефекты содержатся во всех пунктах показанного выше целеполагания Закона № 218-ФЗ.

Первый пункт целеполагания содержит:

а) терминологические дефекты: словосочетания «формирование информации», «обработка информации» и «хранение информации» не определены в законе до сих пор;

б) дефект нелегитимности целей, заключающийся в отсутствии упоминания о том, что условия создания и функционирования бюро кредитных историй должны включать соблюдение их законных прав и интересов.

Второй пункт целеполагания содержит:

а) дефект нечеткости задания целей, состоящий в необходимости за счет общего снижения кредитных рисков

---

¹²² См.: Викулин А.Ю. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О кредитных историях». М., 2013. С. 19–21; Тосунян Г.А., Викулин А.Ю. Постатейный комментарий к Федеральному закону от 30 декабря 2004 года № 218-ФЗ «О кредитных историях». М., 2006. С. 17–18.

повышать защищенность не только кредиторов, но и заемщиков. Кредитные риски принимают на себя не заемщики, а кредиторы. Заемщики имеют отношение к кредитным рискам постольку, поскольку они добросовестно исполняют принятые на себя кредитные обязательства. В связи с этим целевой показатель «защищенность заемщиков за счет общего снижения кредитных рисков» является лишним и не позволяет сделать исчерпывающий вывод о достижении цели;

б) дефект нелегитимности целей, состоящий в наличии идеально-субъективной конструкции «повышение защищенности кредиторов и заемщиков». Нелегитимность в данном случае обусловлена:

во-первых, субъективным характером восприятия защищенности, следствием чего являются различные (иногда противоположные) оценки со стороны кредиторов, заемщиков и регулятора, которые к тому же могут носить произвольный характер;

во-вторых, отсутствием упоминания о защищенности бюро кредитных историй как неотъемлемых участников регулируемых отношений, что означает игнорирование их законных прав и интересов;

в) неявный дефект неполноты задания цели, что проявится позднее в процессе внесения в Закон № 218-ФЗ многочисленных изменений и дополнений.

Третий пункт целеполагания содержит:

а) дефект нечеткости целевых показателей, заключающийся в отсутствии в дефиниции «повышение эффективности работы кредитных организаций» целевых показателей, четко указывающих, эффективность какой именно работы кредитных организаций подразумевается, в связи с чем состояние «цель достигнута» может быть оценено произвольно;

б) дефект нелегитимности целей, заключающийся в отсутствии упоминания об эффективности деятельности

бюро кредитных историй как неотъемлемых участников регулируемых отношений, что означает игнорирование их законных прав и интересов.

Были предприняты несколько попыток преодоления названных дефектов законодательства о кредитных историях.

2.3.1. Первая попытка

Первая попытка устранения дефектов целеполагания в Законе № 218-ФЗ была предпринята в связи с наличием в нем терминологических дефектов в формулировке «условия для формирования, обработки, хранения и раскрытия информации». Определения некоторых употребленных в этой формулировке терминов Закон № 218-ФЗ не содержит до сих пор, что само по себе следует рассматривать как один из его дефектов. По аналогичным поводам в литературе отмечалось, что вместо определений соответствующих понятий (терминов) законодатель во многих случаях ограничивается лишь целеуказанием¹²³; терминологические «детали» некоторых норм могут, в очередной раз, позволить среднему чиновнику найти причины, чтобы не реализовать целеуказание руководства страны¹²⁴.

Кроме того, 27 июля 2006 г. был принят Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных», содержащий определения понятий «обработка персональных данных», «распространение персональных данных», «предоставле-

---

¹²³ См.: Головки В.В., Бекетов О.И., Майоров В.И. Государственная инспекция безопасности дорожного движения: проблемы реформы и перспективы // Административное право и процесс. 2016. № 12. С. 23–28.

¹²⁴ См.: Нестеров А.В. Обсуждаем стандарт (концепцию) открытости «открытого правительства» // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 8. С. 3–7.

ние персональных данных». В связи с этим термины «формирование» и «раскрытие» в Законе № 218-ФЗ стали не вполне соответствовать законодательству о персональных данных, имеющему смежный по отношению к законодательству о кредитных историях характер.

В связи с изложенным 11 июля 2011 г. был принят закон, в соответствии с которым слово «формирования» в рассматриваемой формулировке было заменено словом «сбора», а слово «раскрытия» — словом «предоставления». В результате пункт первый показанного выше целеполагания принял следующий вид: «создание и определение условий для *сбора*, обработки, хранения и *предоставления* бюро кредитных историй информации, характеризующей своевременность исполнения заемщиками своих обязательств по договорам займа (кредита)».

Остальные формулировки целей Закона № 218-ФЗ остались без изменения. Таким образом, первая попытка устранения дефектов целеполагания в Законе № 218-ФЗ представляла собой, по сути, внесение «косметических» изменений, которые, хотя и носили позитивный характер, так как была предпринята попытка устранения терминологических дефектов, но проблемы не решили:

во-первых, главные недостатки целеполагания — дефекты нечеткости (неполноты) и нелегитимности целеполагания — были проигнорированы;

во-вторых, возникло противоречие между целеполаганием смежных законодательных актов (Закона № 218-ФЗ и Закона № 152-ФЗ).

В отличие от Закона № 218-ФЗ целью Закона № 152-ФЗ является обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

Очевидно, что цели названных смежных законов не соответствуют друг другу. Так, принцип соблюдения прав

человека и основных свобод, в частности права на уважение частной жизни, является общепризнанным принципом международного права, в связи с чем требует расширения гарантий обеспечения права физического лица на неприкосновенность частной жизни в части автоматизированной обработки личных данных.

В связи с изложенным следует подчеркнуть, что в международном праве право человека на уважение его частной жизни, хотя и причисляется к числу основных ценностей, но не абсолютизируется, а рассматривается в согласовании с обеспечением свободного потока информации. При этом свободный поток информации рассматривается как основная ценность, имеющая равное по отношению к уважению частной жизни значение.

Вопрос о необходимости согласования права на уважение и неприкосновенность частной жизни с обеспечением свободного потока информации имеет концептуальное значение:

с одной стороны, неприкосновенность частной жизни имеет характер основополагающей ценности, рассматривается как вопрос гражданских и политических прав, в связи с чем вопросы защиты прав потребителей информации, адекватности ее состава и целей хранения отходят на задний план. То есть право на частную жизнь предполагает ограничения на сбор и предоставление информации о частной жизни граждан;

с другой стороны, обеспечение свободного потока информации также является основополагающей ценностью и предполагает создание системы обмена информацией о кредитных историях, которая подразумевает систематическое введение в гражданский оборот информации о личной жизни граждан. Следовательно, обеспечение свободного потока информации предполагает отсутствие или, по крайней мере, определенную минимизацию огра-

ничений на сбор и предоставление информации о частной жизни граждан.

Таким образом, обеспечение свободного потока информации по своей сути противоречит принципу невмешательства в частную жизнь. В связи с этим для введения в стране системы учета кредитных историй, эффективность которой напрямую зависит от существующих ограничений на сбор и распространение частной информации, необходимо привести серьезные аргументы, доказывающие пользу бюро кредитных историй для общества в целом, а не только для коммерческих интересов. Иными словами, для обоснования необходимости совмещения неприкосновенности частной жизни со свободным потоком информации необходимы веские доводы.

В международном праве проблема противоречия между свободным потоком информации и неприкосновенностью частной жизни решена в пользу создания регулируемой системы учета кредитных историй. Это обусловлено рядом системных социально-экономических преимуществ от деятельности бюро кредитных историй.

Основные доводы в пользу введения в стране системы учета кредитных историй состоят в следующем:

во-первых, обмен информацией, входящей в состав кредитных историй, объективно приводит к снижению уровня процентных ставок по кредитам для большинства граждан страны. Обмен информацией позволяет кредиторам достоверно отличить надежного заемщика от рискованного и либо отказать последнему в выдаче кредита, либо установить для него более высокую процентную ставку. По мере отсеивания ненадежных заемщиков и снижения числа случаев непогашения кредитов уровень процентных ставок для надежных заемщиков снижается. При этом в любой стране надежные заемщики составляют большинство ее населения. Напротив, при отсутствии

обмена информацией из кредитных историй кредиторы не в состоянии эффективно выявлять рискованных заемщиков. Это ведет к росту случаев непогашения кредитов и, как следствие, к росту процентных ставок. Важно, что в последнем случае процентные ставки увеличиваются не только для ненадежных, но и для надежных заемщиков, то есть для большинства населения страны;

во-вторых, наличие у кредиторов своевременной и достоверной информации о заемщиках позволяет им увеличить объемы кредитования, делая кредиты более доступными населению. Доступность кредитов обеспечивается путем выдачи надежным заемщикам кредитов с более высоким показателем соотношения размера кредита и стоимости предмета залога либо с более низкими требованиями к размеру обеспечения и гарантий. Выгода для надежных заемщиков (то есть для большинства населения) становится еще более очевидной;

в-третьих, обмен кредитными историями неизбежно приводит к усилению конкуренции между кредиторами, которые вследствие этого вынуждены постоянно улучшать условия выдачи кредитов. Таким образом, население получает не только более выгодные условия кредитования, но и возможность выбора между различными кредиторами;

в-четвертых, бюро кредитных историй являются организациями, которые специально создаются для сбора, хранения и предоставления кредитных историй. Именно за счет специализации на информации о потребительском кредитовании и кредитовании малых и средних предприятий, а также по причине возникающего вследствие массовости указанных видов кредитования эффекта больших чисел стоимость кредитных историй для кредиторов всегда оказывается достаточно низкой. Это ведет к тому, что одним из системных результатов деятельности бюро

кредитных историй является снижение стоимости затрат кредиторов на осуществление своей кредитной деятельности. Снижение этих затрат неизбежно отражается и на стоимости кредитов для заемщиков;

в-пятых, само существование кредитной истории, с которой в случае необходимости может ознакомиться любой кредитор, является фактором, существенно улучшающим платежную дисциплину заемщиков. Наличие кредитной истории стимулирует заемщиков своевременно и добросовестно погашать кредиты, так как в противном случае они рискуют в будущем получить кредит под более высокие проценты либо не получить его вообще. Таким образом, кредитная история — своего рода финансовая репутация заемщика, ущерб для которой является весьма ощутимым наказанием, что особенно важно в российских условиях, где у населения еще не успели сформироваться традиции жизни в кредит, финансовая грамотность населения находится на весьма низком уровне, а практика применения других штрафных санкций (например, обращения в судебном порядке взыскания на предмет залога) показывает их недостаточную эффективность;

в-шестых, имея возможность ознакомиться с кредитной историей заемщика, кредиторы могут своевременно определить, не взял ли заемщик слишком много кредитов из нескольких источников, не является ли его желание получить новый кредит экономически не обоснованным. Соотношение суммы кредитных обязательств и суммы доходов заемщика в любой стране является одним из важнейших критериев при решении вопроса о выдаче кредита. Своевременное установление кредитором этого обстоятельства позволит заемщику, соотношение обязательств и доходов которого находится на критическом уровне, избежать неблагоприятных последствий, связанных с невозвратом кредита.

в-седьмых, препятствия к увеличению количества кредитных дефолтов являются фактором здорового развития экономики, так как избыточное долговое бремя населения грозит системной финансовой нестабильностью и экономическими кризисами.

Все это дает основания для вывода: введение в стране системы учета кредитных историй предоставляет ряд системных социально-экономических преимуществ, а бюро кредитных историй, являясь инфраструктурным элементом кредитного рынка, выступают фактором, который стабилизирует финансовую систему и оздоравливает экономику страны.

В Законе № 152-ФЗ указано, что законодательство в области персональных данных основывается на Конституции РФ и международных договорах Российской Федерации и состоит из названного закона и других определяющих случаи и особенности обработки персональных данных федеральных законов.

Как оказалось, такая формулировка Закона № 152-ФЗ не предоставила субъектам кредитных историй четкого понимания его соотношения с Законом № 218-ФЗ. Следствием недооценки законодателем важности согласованного законодательного регулирования явилось массовое обращение субъектов кредитных историй в суды с требованиями удалить на основании положений Закона № 152-ФЗ информацию о допущенных ими просрочках по кредитам, что очевидно противоречит самой сущности института кредитных историй. Между тем Закон № 218-ФЗ имеет специальный по отношению к Закону № 152-ФЗ характер, так как определяет особенности обработки персональных данных в составе кредитных историй. Тем не менее следующая попытка преодоления дефектов законодательного целеполагания в Законе 218-ФЗ проигнорировала изложенные обстоятельства и его главные недостатки.

2.3.2. Вторая попытка

Вторая попытка устранения дефектов целеполагания в Законе № 218-ФЗ была предпринята 21 декабря 2013 г., когда был принят Закон № 363-ФЗ. Изменения и дополнения носили преимущественно формальный характер и заключались: во-первых, в изменении порядка перечисления, по сути, тех же целей; во-вторых, в дополнении целеполагающих формулировок перечислением новых участников регулируемых отношений.

В результате целями Закона № 218-ФЗ стали:

1) повышение защищенности кредиторов и заемщиков за счет общего снижения кредитных рисков;

2) повышение эффективности работы кредитных организаций, *микрофинансовых организаций и кредитных кооперативов*;

3) создание и определение условий для сбора, обработки, хранения и предоставления в бюро кредитных историй информации, характеризующей своевременность исполнения заемщиками своих обязательств по договорам займа (кредита), *исполнения физическими лицами, в том числе индивидуальными предпринимателями, и юридическими лицами обязательств по внесению платы за жилое помещение, коммунальные услуги и услуги связи и исполнения физическими лицами алиментных обязательств, по которым имеется вступившее в силу и не исполненное в течение 10 дней решение суда о взыскании с должника указанных денежных сумм*¹²⁵.

Положительными моментами в изложенном целеполагании являются: во-первых, придание приоритетного характера целям, заключающимся в общем снижении кредитных рисков; во-вторых, указание в первом и вто-

¹²⁵ Новые субъекты отношений, регулируемых Законом № 218-ФЗ, выделены курсивом.

ром пунктах целеполагания на значимость защищенности кредиторов и повышение эффективности их деятельности.

Дефектами такого целеполагания являются следующие. В первом пункте:

1) дефект нечеткости задания целей, проявляющийся в наличии лишнего целевого показателя «защищенность заемщиков за счет общего снижения кредитных рисков», который не позволяет сделать исчерпывающий вывод о достижении цели;

2) дефект нелегитимности, состоящий в наличии в дефиниции целеполагания идеально-субъективной конструкции «повышение защищенности кредиторов и заемщиков» и отсутствии упоминания о бюро кредитных историй как неотъемлемых участников регулируемых отношений. Понятие «защищенность» носит очевидно субъективный характер, так как не содержит целевых показателей, объективно указывающих на состояние общественных отношений в регулируемой сфере, что не позволяет сделать объективный вывод о достижении декларируемых целей, в связи с чем соответствующий вывод неизбежно будет носить произвольный характер. Отсутствие в дефиниции целеполагания упоминания о защищенности бюро кредитных историй позволило при внесении в Закон № 218-ФЗ изменений и дополнений неоднократно ею пренебрегать. Такое пренебрежение выразилось в произвольном расширении круга субъектов, имеющих право на бесплатное получение услуг бюро кредитных историй. В него сначала были включены нотариусы и Банк России¹²⁶, а затем — финансовые

---

¹²⁶ См. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 189-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О кредитных историях” и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

управляющие¹²⁷. Потом право на бесплатное получение не одного, а двух кредитных отчетов получили субъекты кредитных историй, которых дополнительно к этому решили «осчастливить» и правом на бесплатное получение индивидуальных рейтингов¹²⁸;

3) неявный дефект неполноты задания цели, что проявится позднее в процессе внесения с Закон № 218-ФЗ изменений и дополнений.

Во втором пункте:

1) дефект нечеткости целевых показателей, заключающийся в отсутствии в дефиниции «повышение эффективности работы» целевых показателей, четко указывающих, эффективность какой именно работы названных субъектов подразумевается, в связи с чем состояние «цель достигнута» может быть оценено произвольно. Формулировка «повышение эффективности работы» предполагает процесс, который не имеет завершения. Эффективность, как и защищенность, — понятия оценочные. Их можно совершенствовать до бесконечности, ставя перед собой все новые и новые ориентиры в зависимости от уровня развития технологий и общества. Отсутствие в целеполагании указания на то, эффективность какой именно работы имеется в виду, означает отсутствие необходимых показателей. Теоретически можно предположить, что подразумевается работа по снижению кредитных рисков, которые вполне поддаются измерению. Но в этом случае первый и второй пункты целеполагания будут содержать тавтологию, чего в законе быть не должно. Таким образом, целе-

¹²⁷ См. Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

¹²⁸ См. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 327-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О кредитных историях”».

полагание Закона № 218-ФЗ содержит либо дефект нечеткости целеполагания во втором пункте, либо тавтологию в первом и втором пунктах;

2) дефект нелегитимности, заключающийся в отсутствии упоминания об эффективности деятельности бюро кредитных историй как неотъемлемых участников регулируемых отношений, что в специальных (особенных) нормах закона проявляется в игнорировании их законных прав и интересов путем вменения им обязанностей по бесплатному предоставлению услуг весьма широкому кругу лиц.

В третьем пункте:

1) лексическая перегруженность формальным перечислением субъектов регулируемых законом отношений;

2) дефект нелегитимности целей, заключающийся в отсутствии упоминания о необходимости создания условий для соблюдения законных прав и интересов бюро кредитных историй.

2.3.3. Третья попытка

Третья попытка устранения дефектов целеполагания в Законе № 218-ФЗ предпринята в законопроекте № 724741-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “О кредитных историях” и главу 1 Федерального закона “О сельскохозяйственной кооперации”», предусматривающем введение института квалифицированных бюро кредитных историй. Здесь к числу целей Закона № 218-ФЗ отнесены:

1) повышение защищенности кредиторов и заемщиков за счет общего снижения кредитных рисков;

2) повышение эффективности предоставления и возврата заемных средств;

3) создание и определение условий для сбора, обработки, хранения и предоставления в бюро кредитных историй информации, характеризующей своевременность исполнения обязательств, предусмотренных Законом № 218-ФЗ.

Изложенное целеполагание, хотя и является самым удачным из всех рассмотренных выше, но и оно не лишено недостатков, среди которых следует отметить:

1) дефект неполноты задания цели в первом пункте, который текстуально выражается в указании на необходимость повышения защищенности кредиторов только за счет общего снижения кредитных рисков. Концентрация в целях закона только на кредитных рисках позволила в его специальных (особенных) положениях пренебречь защищенностью кредиторов в иных сферах и вменить им ряд обязанностей по бесплатному обслуживанию своих клиентов. Так, законопроект предусматривает следующие случаи бесплатного оказания услуг со стороны кредиторов:

- направление запроса субъекта кредитной истории о получении кредитного отчета исполняется кредитной организацией без взимания платы (п. 2.1 ч. 2 ст. 8);
- исполнение направляемого через поднадзорные Банку России организации, с которыми у бюро кредитных историй заключен договор, запроса субъекта кредитной истории о получении кредитного отчета осуществляется ими без взимания платы (п. 2.2 ч. 2 ст. 8);
- субъект кредитной истории вправе бесплатно получить от пользователя кредитной истории сведения о среднемесячных платежах, которые были использованы пользователем кредитной истории при рассмотрении вопроса о выдаче субъекту кредитной истории кредита (займа), в случае принятия пользователем кредитной истории решения об отказе в выдаче кредита (займа) (ч. 9 ст. 8);

2) дефект нечеткости задания цели в первом пункте, предполагающем повышение за счет общего снижения кредитных рисков защищенности не только кредиторов, но и заемщиков;

3) дефекты нелегитимности задания целей в первом и третьем пунктах, связанные с отсутствием упоминания о защищенности бюро кредитных историй как неотъемлемых участников регулируемых отношений, что означает игнорирование их законных прав и интересов и позволит и в будущем пренебрегать ими.

Таким образом, несмотря на показанные выше попытки преодоления дефектов законодательного целеполагания в Законе № 218-ФЗ, результатом чего стало существенное улучшение целеполагающих дефиниций, они по-прежнему не лишены отдельных недостатков, чреватых нарушением законных прав и интересов участников регулируемых отношений.

Следует заметить, что все дефекты, обнаруженные в ходе третьей попытки преодоления дефектов целеполагания, так или иначе связаны с состоянием защищенности субъектов регулируемых отношений. Это свидетельствует о том, что в оценке состояния защищенности субъектов существует ряд проблем. Одна из них — отсутствие критериев и показателей общей системы оценки применительно к следующим направлениям¹²⁹:

1) к соблюдению и осуществлению прав и свобод субъектов регулируемых отношений;

2) к возможностям защиты субъектами регулируемых отношений своих прав и свобод;

3) к эффективности оценки деятельности органов власти, учитывающей весь механизм взаимодействия с субъектами регулируемых отношений¹³⁰;

---

¹²⁹ См.: Сабаева С.В. Критерии соблюдения и защиты прав и свобод человека в Российской Федерации: проблемы методологии // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 5. С. 29–35.

¹³⁰ Достигается такая эффективность с помощью, например, установления оптимальной системы налогообложения, грамотного управления государственной собственностью, запрета на произвольное вмешательство в оперативную деятельность, экономического сти-

4) к научной составляющей законодательного регулирования состояния защищенности субъектов регулируемых отношений.

Мониторинг защищенности субъектов регулируемых отношений можно осуществлять по нескольким направлениям:

1) относительно идеального состояния, отталкиваясь от конституционных положений;

2) относительно предыдущего периода, то есть оценивая динамику развития защищенности конкретных прав в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе;

3) относительно принятых на международном уровне стандартов, выполняющих роль ориентиров и допускающих определенные пределы отклонения от идеального состояния.

Для решения задач мониторинга защищенности как в целом для оценки ее общего состояния, так и для отдельных ее структурных элементов необходимо разработать систему объективных обобщенных показателей. Для выработки показателей за основу предлагается взять Конституцию РФ в виде трехуровневой системы конституционных прав¹³¹, включающей:

1) гражданские права, которые обусловлены ролью и местом регулируемых субъектов в общественном разделении труда и отражают их общественную ценность, равенство и автономию;

мулирования субъектов регулируемых отношений к участию в социальной политике государства и т. д. См.: Путило Н.В. Юридические критерии социального государства: новые подходы // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 15–25.

¹³¹ См.: Сабаева С.В. Система конституционных ценностей, прав и свобод человека в Российской Федерации как основа проведения мониторинга состояния их защищенности // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 2. С. 32–43.

2) социально-политические права, которые гарантируют физическое существование субъектов и вытекают из принципов социальной справедливости, демократии, цивилизационной самоидентификации;

3) процессуальные права, которые обеспечивают возможности и механизмы обеспечения состояния защищенности.

Представляется, что изложенный подход позволит избежать в будущем дефектов, связанных с недооценкой в законотворческой деятельности важности и значимости всестороннего учета защищенности субъектов регулируемых отношений.

Глава 3

Предмет правового регулирования закона и его дефекты

3.1. ПРЕДМЕТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И СМЕЖНЫЕ ПОНЯТИЯ

3.1.1. Предмет правового регулирования

Под предметом правового регулирования обычно понимается совокупность общественных отношений, на которые направлено воздействие правовых средств и методов¹. Существуют и другие определения:

- И.А. Багдасарян под предметом правового регулирования понимает определенную часть, однородную сферу (область) единого общего поля правового регулирования, выраженную в специфическом виде регулируемых общественных отношений. Другими словами, предмет правового регулирования отражает специфический круг общественных отношений между субъектами, которые регулируются конкретным правовым актом. Следовательно, в структуру предмета регулирования входят субъекты, определенный вид их поведения и взаимоотношений; предметы и явления, на которые направлено волевое устремление этих субъек-

---

¹ См.: Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 292; Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права : учеб. М., 2004. С. 230.

- ектов, ради которых они вступают в правовое взаимодействие друг с другом; юридические факты, которые выступают причинами возникновения, изменения или прекращения отношений между этими субъектами²;
- А.Б. Борисов и Ф.В. Тарановский утверждают, что предмет правового регулирования — это общественные отношения, регулируемые нормами права, включающие: а) субъектов этих отношений, их поведение (действия и бездействие); б) объекты, по поводу которых люди вступают во взаимоотношения друг с другом и по поводу которых совершают иные волевые действия (предметы, явления окружающего мира); в) социальные факты (события, обстоятельства), выступающие непосредственными причинами возникновения или прекращения соответствующих отношений³;
  - А.Н. Кокотов считает допустимым определять предмет правового регулирования как ту часть объекта регулирования (воздействия), которая закрепляется в праве и (или) становится частью правовой деятельности⁴;
  - А.В. Мелехин утверждает, что предмет правового регулирования выступает основным критерием деления права на отрасли. Он представляет собой качественно определенный вид общественных отношений, на который направлено воздействие данной отрасли права⁵;

---

² См.: Багдасарян И.А. Постатейный комментарий Федерального закона от 20 августа 2004 года № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих». М., 2018.

³ См.: Борисов А.Б. Большой юридический словарь. М., 2010; Тарановский Ф.В. Энциклопедия права : учеб. пособие. 3-е изд. СПб., 2001.

⁴ См.: Кокотов А.Н. О предмете конституционно-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 36–43.

⁵ См.: Мелехин А.В. Теория государства и права : учеб. 2-е изд. // СПС КонсультантПлюс. 2009.

- А.М. Осавелюк под предметом регулирования конкретной отрасли права понимает обособленную, уникальную сферу общественных отношений, упорядоченных ее нормами⁶;
- Т.Н. Радько определяет предмет правового регулирования как качественно обособленный, самостоятельный вид общественных отношений, один из критериев научного построения системы права⁷;
- С.Р. Тимиргазин считает, что предметом нормативного правового регулирования являются общественные отношения, регулируемые нормами позитивного права (нормативно-правовыми актами)⁸;
- другими авторами предмет правового регулирования рассматривается как определенные общественные отношения, на которые воздействует соответствующее право⁹, а также как совокупность качественно однородных отношений, выступающих объектом правового регулирования¹⁰.

Существует также достаточно большое число работ, в которых предмет правового регулирования исследуется применительно к таким отраслям, как гражданское

---

⁶ См.: Осавелюк А.М. Эволюция предмета отрасли конституционного права // *Мировой судья*. 2014. № 1. С. 9–15.

⁷ См.: Радько Т.Н. *Теория государства и права в схемах и определениях*. М., 2011.

⁸ См.: Тимиргазин С.Р. Предмет и пределы нормативно-правового регулирования отношений в сфере государственно-частного партнерства // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2016. № 8. С. 55–58.

⁹ См.: Пешкова Х.В., Бондарева Э.С., Каменская С.В., Митричев И.А. Комментарий к Федеральному закону от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2018.

¹⁰ См.: *Элементарные начала общей теории права*. Право и закон / Под общ. ред. В.И. Червонюка. М., 2003.

право¹¹, уголовное право¹², административное право¹³, другие отрасли и институты¹⁴.

Предмет правового регулирования составляют только те общественные отношения, которые подвергаются правовой регламентации. Подвергаясь правовой регламентации, общественные отношения не теряют своих неюридических свойств, оставаясь по-прежнему социальными, экономическими, политическими и т. п. Общественные отношения могут являться предметом правового регулирования, если они характеризуются устойчивостью, повторяемостью и если государство и общество заинтересованы в придании такого рода общественным отношениям правовой формы и, как следствие, в соответствующей охране и защите их, а также если такие отношения могут подвергаться со стороны государства судебному, административному контролю¹⁵.

В понятие предмета включают те группы, срезы, элементы фактических отношений, которые прямо или косвенно отражены в действующем праве и имеют нормативную оболочку¹⁶. В структуру предмета правового регу-

---

¹¹ См.: Гонгало Б.М. Гражданское право : учеб. Т. 1. М., 2017; Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. Казань, 1893; и др.

¹² См.: Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: история, теория и практика. М., 2011; Предмет и метод уголовно-правового регулирования. История, теория и практика. М., 2016; и др.

¹³ См.: Козлов Ю.М. Административное право : учеб. М., 1999; Попов Л.Л. Административное право. М., 2005; Тихомиров Ю.А. Административное право и процесс: Полный курс. М., 2001; и др.

¹⁴ См.: Андреевский И.Е. Полицейское право : в 2 т. 2-е изд. СПб., 1874–1876; Дерюжинский В.Ф. Полицейское право : пособие для студентов. СПб., 1903; и др.

¹⁵ См.: Багдасарян И.А. Постатейный комментарий Федерального закона от 20 августа 2004 года № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих». М., 2018.

¹⁶ См.: Кокотов А.Н. О предмете конституционно-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 36–43.

лирования входят следующие элементы: субъекты; объекты регулируемых общественных отношений; социальные факты, способствующие возникновению соответствующих отношений; практическая деятельность людей¹⁷.

В целом предмет правового регулирования представляет собой совокупность всех общественных отношений, на которые целенаправленно воздействует право. При этом правовому регулированию подвергаются только те общественные отношения, в которых есть волевой, сознательный элемент. Это означает, что общественные отношения в той или иной мере должны зависеть от воли людей. Чем меньше отношение от этого зависит, тем меньше имеется возможностей его правового регулирования.

В литературе отмечается, что не все общественные отношения могут составлять предмет правового регулирования, что связано с многозначностью термина «отношение». В самом общем (философском) понимании отношение определяется как признак, принадлежащий одновременно нескольким объектам, под которыми понимаются люди, вещи, нематериальные блага, явления, процессы и т. д.¹⁸ Для права интерес представляют такие отношения, в которых участвуют люди, преследующие определенные цели, то есть общественные отношения. Отношение человека к самому себе, а также его отношение к вещам, явлению, процессу, где необязательно наличие двух субъектов (людей), не являются общественными отношениями, а следовательно, и предметом правового регулирования¹⁹. Непосредственным предметом правового регулирования выступает волевое поведение людей в тех или иных об-

¹⁷ См.: Общая теория государства и права : академический курс : в 2 т. / под ред. М.Н. Марченко. Т. 2. Теория права. М., 1998. С. 234.

¹⁸ См.: Левин Г.Д. Проблема универсалий. Современный взгляд. М., 2005. Гл. 1.

¹⁹ См.: Алейникова А.Б. Отношения собственности как предмет межотраслевого правового регулирования: общетеоретические и практические проблемы // Российская юстиция. 2018. № 8. С. 11–15.

ластях жизнедеятельности²⁰. Общественные отношения могут быть предметом правового воздействия лишь постольку, поскольку выступают в качестве волевых отношений²¹. Под термином «волевые отношения» понимаются социальные связи, имеющие волевой характер, а именно способность правовых форм оказывать влияние на сознание и волю людей. Таким образом, предметом правового регулирования выступает волевое поведение преследующих свои цели людей²².

3.1.2. Объект правового регулирования

Необходимо разграничивать понятия «объект правового регулирования» и «предмет правового регулирования»²³, которые, как отмечается, «нередко смешиваются или подменяются друг другом»²⁴. В литературе нет единства взглядов по вопросу о существовании объекта правового регулирования. «Чаще всего в качестве такового указываются упорядочиваемые общественные отношения, порой — поведение их участников, еще реже — одновременно и то и другое, имея в виду, что общественное отношение выступает в роли формы, поведение — ее содержания»²⁵.

²⁰ См.: Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 292–293; Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. М., 2002. С. 435–436.

²¹ См.: Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 292.

²² См.: Алейникова А.Б. Отношения собственности как предмет межотраслевого правового регулирования: общетеоретические и практические проблемы // Российская юстиция. 2018. № 8. С. 11–15; Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 293.

²³ См.: Испаева Г. Предмет договора международной купли-продажи товаров // Юрист. 2004. № 5. С. 14.

²⁴ Борченко В.А. Объект частноправового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 9.

²⁵ Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие. Казань, 2003. С. 70.

Рассматривая понятие объекта правового регулирования, необходимо учитывать следующие точки зрения:

- по мнению Н.Н. Аверьяновой, объектом правового регулирования выступают не предметы материального мира, а определенный набор общественно значимых процессов и явлений, которые можно объединить под общим названием «общественные отношения»²⁶;
- В.О. Лучин считает, что объекты правоотношений — это те явления, предметы окружающего мира, на которые направлены субъективные юридические права и обязанности²⁷;
- Н.И. Матузов и А.В. Малько утверждают, что объект — это явления окружающего мира, по поводу которых люди вступают во взаимоотношения друг с другом и к которым проявляют свой интерес. Объект, по их мнению, входит в структуру предмета правового регулирования²⁸;
- Ю.К. Толстой отмечает, что и правовые нормы, и правоотношение имеют один и тот же объект — регулируемое общественное отношение²⁹;
- Р.М. Усманова объект правового регулирования включает в состав более широкого, по ее мнению, понятия «предмет правового регулирования»³⁰.

---

²⁶ См.: Аверьянова Н.Н. Конституционно-правовое регулирование земельных отношений в Российской Федерации : монография / под ред. Г.Н. Комковой. М., 2017.

²⁷ См.: Лучин В.О. Конституционные нормы и правоотношения. М., 1997. С. 130.

²⁸ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права : учеб. М., 2004. С. 245.

²⁹ См.: Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л., 1959. С. 30.

³⁰ См.: Усманова Р.М. Муниципально-правовое регулирование: предмет и объекты // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 12. С. 50–58.

Говоря о смешении понятий «объект правового регулирования» и «предмет правового регулирования», следует упомянуть:

- С.А. Авакьяна, который не разделяет данные понятия, употребляя наравне с ними еще и такой термин, как «объем правового регулирования»³¹;
- Т.Я. Хабриеву и В.Е. Чиркина, которые также не разделяют предмет и объект правового регулирования, разграничивая при этом такие явления, как объект конституционного права и объект собственно конституции³².

Мы разделяем позицию, согласно которой объект правового регулирования — это явление более широкое, чем предмет правового регулирования³³. Так, Н.Н. Аверьяновой объект правового регулирования представляется как явление более широкое, чем предмет правового регулирования, второй же включается в состав первого³⁴. Ю.И. Гревцов, обосновывая различие между предметом и объектом правового регулирования, говорит: «Предмет — это конкретные области, границы, элементы объекта... то есть понятие предмета уже понятия объекта»³⁵.

Действительно, под объектом понимается то, что противостоит субъекту в его предметно-практической и по-

---

³¹ См.: Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М., 2000. С. 21.

³² См.: Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М., 2007. С. 67–69.

³³ См.: Азизов Р.Ф. оглы, Борченко В.А. Объект и предмет правового регулирования: проблема соотношения понятий // История государства и права. 2006. № 11.

³⁴ См.: Аверьянова Н.Н. Конституционно-правовое регулирование земельных отношений в Российской Федерации : монография / под ред. Г.Н. Комковой. М., 2017.

³⁵ Гревцов Ю.И. К проблеме правового регулирования // Правоведение. 1981. № 1. С. 52.

знавательной деятельности. Объект — часть субъективной реальности, с которой взаимодействует субъект³⁶. Понятием «объект» охватываются явления внешнего мира, на которые распространяются познание и практическое воздействие субъектов. Объект есть некая целостность, которая может быть подвержена правовому регулированию. Объект — это компонент объективной реальности, то есть данности, существующей вне и независимо от сознания. Объективная реальность в данном случае представлена в виде чистой потенциальности, как бытие в себе³⁷. Предмет же — это часть, сторона, тот или иной конкретный аспект объекта. Предмет правового регулирования — это уже не объект вообще, а определенная, конкретизированная его сторона³⁸.

В связи с отсутствием единой позиции на сущность объекта правового регулирования по-разному представляется и его структура. Так, В.Н. Протасов настаивает на том, что объект правового регулирования составляют «по меньшей мере три компонента: а) люди (без них не было бы никаких общественных отношений); б) общественные отношения (социальные связи, зависимости и разграничения); в) поведение людей»³⁹.

На наш взгляд, структурируя объект правового регулирования, правильнее вести речь не о людях как таковых, а о статусе человека, его положении как члена общества, участника юридически значимых взаимодействий и поведенческих актов. Не согласны мы и с утверждением, что «поведение людей — единственное явление объективного

³⁶ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 453.

³⁷ См.: Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. М., 1993. С. 35.

³⁸ См.: Спиридонов Л.И. Социальное развитие и право. Л., 1973. С. 39.

³⁹ Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. М., 2001. С. 143–144.

мира, поддающееся правовому регулированию»⁴⁰. Наше несогласие связано не с выделением поведения людей в качестве одного из компонентов объекта правового регулирования, а с тем, что поведение людей является *единственным* явлением объективного мира, поддающимся правовому регулированию.

В связи с изложенным более обоснованной представляется точка зрения В.Д. Сорокина, который считает, что элементами объекта правового регулирования выступают: «а) статус субъекта права во всех многочисленных модификациях; б) конкретные связи между субъектами права, преобразующие под воздействием юридических правил форму правовых отношений различной отраслевой принадлежности; в) “поведение без правоотношений”, т. е. ситуации, предусмотренные запрещающими нормами российского права»⁴¹.

Для того чтобы те или иные общественные отношения стали объектом правового регулирования, недостаточно субъективной воли участников правоотношения. Для этого необходима воля законодателя, и если имеется правовое регулирование тех или иных общественных отношений, то имеется и объект правового регулирования⁴².

3.1.3. Сфера и пределы правового регулирования

Посредством права невозможно урегулировать абсолютно все общественные отношения, поэтому должна быть достаточно точно определена сфера их регулиро-

⁴⁰ Ребане И.А. О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1958. № 1. С. 103.

⁴¹ Сорокин В.Д. Что такое единый предмет правового регулирования? // Юридическая мысль. 2001. № 2. С. 38.

⁴² См.: Аверьянова Н.Н. Конституционно-правовое регулирование земельных отношений в Российской Федерации : монография / под ред. Г.Н. Комковой. М., 2017.

вания⁴³. В сферу правового регулирования должны входить те отношения, которые уже урегулированы правом, а также те, которые только нуждаются в таком регулировании. Предмет правового регулирования находится в прямой зависимости от сферы, в которой проявляются правоотношения⁴⁴.

Общественным отношениям для ограничения сферы правового регулирования должны быть присущи определенные признаки: «во-первых, это отношения, в которых находят отражения как индивидуальные интересы членов общества, так и интересы общесоциальные; во-вторых, в этих отношениях реализуются взаимные интересы их участников, каждый из которых идет на какое-то ущемление своих интересов ради удовлетворения интересов другого; в-третьих, отношения эти строятся на основе согласия выполнять определенные правила, признания обязательности этих правил; в-четвертых, эти отношения требуют соблюдения правил, обязательность которых подкреплена достаточно действенной силой»⁴⁵.

В сферу правового регулирования принято включать три группы общественных отношений:

- отношения людей по обмену материальными либо нематериальными ценностями (экономические отношения);
- отношения по властному управлению (политические отношения);

---

⁴³ См.: Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М., 1997. С. 259.

⁴⁴ Сенатова Е.В. Предмет административно-правового регулирования при исполнении уголовных наказаний // Административное право и процесс. 2018. № 9. С. 44–48.

⁴⁵ Теория государства и права : учеб. / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М., 1997. С. 259.

- отношения по обеспечению правопорядка (обеспечивают функционирование первых двух групп)⁴⁶.

В литературе подчеркивается недопустимость того, что сфера правового регулирования была бы слишком сужена либо чересчур расширена. В случаях, когда роль права при регулировании общественных отношений занижена или незначительна, может возникнуть ситуация хаоса и произвола в обществе, грозящая серьезным нарушением правопорядка. И наоборот, в случаях, когда при помощи права пытаются урегулировать практически все общественные отношения, которые даже не нуждаются в этом, возникает ситуация тотального контроля государства за всей социальной жизнью общества и, как следствие, произвола уже со стороны самого государства⁴⁷.

Помимо предмета правового регулирования и сферы правового регулирования в теории выделяются также пределы правового регулирования, под которыми понимаются условные границы вмешательства в общественные отношения при помощи правовых средств. За этими рамками общественные отношения не подлежат правовому регулированию и не нуждаются в нем⁴⁸. Пределы правового регулирования подразделяются на объективные, которые зависят от природных, технических, социальных и иных факторов, делающих невозможным воздействие права на те или иные общественные отношения (отсутствие технической возможности, финансово-мате-

---

⁴⁶ См.: Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 292; Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права : учеб. пособие. Иркутск, 2008. С. 322.

⁴⁷ См.: Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М., 1997. С. 259.

⁴⁸ См.: Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. М., 2001. С. 318; Пьянов Н.А. Актуальные проблемы теории государства и права. Иркутск, 2007. С. 222–231.

риальных средств и др.), и субъективные, которые зависят исключительно от воли законодателя, не желающего по тем или иным причинам регулировать определенные общественные отношения⁴⁹.

Пределы правового регулирования нередко называют правовым, или юридическим, полем, вне которого находится неправовое пространство.

3.1.4. Требования к предмету правового регулирования

В литературе отмечается: сознательное конструирование законодателем модели предмета регулирования не может быть произвольным, что требует от него учета особенностей фактических отношений, этот предмет составляющих. Такие отношения во многом не зависят от усмотрения не только правотворца, но и участников (сторон) названных отношений⁵⁰. «Одно из главных требований к определению предмета правового регулирования заключается в том, что соответствующая совокупность должна включать только однородные общественные отношения»⁵¹.

В некоторых своих работах мы также обратили внимание на допущенные законодателем ошибки в определении предмета правового регулирования⁵², в связи с чем

---

⁴⁹ См.: Пьянов Н.А. Актуальные проблемы теории государства и права. Иркутск, 2007. С. 231; Сильченко Н.В. Границы деятельности законодателя // Государство и право. 1991. № 8. С. 16.

⁵⁰ См.: Кокотов А.Н. О предмете конституционно-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 36–43.

⁵¹ Общая теория государства и права : академический курс : в 2 т. / под ред. М.Н. Марченко. Т. 2. Теория права. М., 1998. С. 234.

⁵² См.: Тосунян Г.А. Викулин А.Ю. Общий и постатейный комментарий к Федеральному закону «О реструктуризации кредитных организаций». М., 2000; Тосунян Г.А. Викулин А.Ю. Государственное

попытались сформулировать требования к предмету правового регулирования, получившие наименование «правило прегнантности закона». В соответствии с этим правилом отношения, регулируемые специальным законом, должны быть относительно замкнутыми, иметь отчетливо выраженные границы, позволяющие обособить эти отношения в относительно самостоятельную группу. Такие отношения складываются и существуют в органически связанных между собой группах, образуя относительно изолированные области общественной жизни. Изолированность этих областей, равно как и составляющих их общественных отношений, носит именно относительный характер, поскольку они в той или иной степени находятся во взаимосвязи и взаимообусловленности с другими, смежными областями отношений. Однако они имеют достаточно выраженные границы, чтобы не допускать двойного толкования при решении вопроса об институциональной принадлежности указанной обособленной группы отношений, что, в конечном счете, помогает избежать многозначного толкования конкретных норм данного законодательного акта.

Для более полного уяснения правила прегнантности закона поясним генезис его наименования. В гештальт-психологии⁵³ существует понятие «прегнантность», которое означает насыщенность, содержательность, завер-

---

регулирование и мораль. Том 1: Сила в правде. Некоторые признаки государственного имморализма на примере законодательства о кредитных историях. М., 2018.

⁵³ Гештальт-психология — общепсихологическое направление, связанное с попытками объяснения прежде всего восприятия, мышления и личности, где в качестве основного объяснительного принципа выдвигает принцип целостности. См.: Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства. М., 1994; Вертгеймер М. Продуктивное мышление. М., 1987; Дункер К. Психология продуктивного (творческого) мышления // Психология мышления. М., 1965. С. 86–234; Марцинковская Т.Д. История психологии : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. 4-е изд. М., 2004.

шенность гештальтов⁵⁴, пришедших в уравновешенное, стабильное состояние. Прегнантные гештальты, или «хорошие формы», характеризуются простыми, замкнутыми, отчетливо выраженными границами, симметричностью, четкой внутренней структурой, в которой выявляются существенные черты, свойства фигуры⁵⁵. Таким образом, прегнантность закона — это его характеристика с точки зрения наличия простых, относительно замкнутых, отчетливо выраженных границ регулируемых отношений. Мы употребляем это понятие как описательное. Оно характеризует лишь конечные результаты законотворческой деятельности, но не объясняет ее причины.

Нарушения правила прегнантности закона могут быть показаны различными *примерами*. Так, Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предоставляет финансовым управляющим, утвержденным в деле о несостоятельности (банкротстве) субъектов кредитных историй — физических лиц, право безвозмездно получать кредитные отчеты. Другой пример нам предоставляет Федеральный закон «О персональных данных». Отношения, регулировать которые призван этот специальный закон,

⁵⁴ Гештальты — целостные структуры, в принципе не выводимые из образующих их компонентов, которым присущи собственные характеристики и законы, в частности «закон группировки», «закон отношения».

⁵⁵ См.: Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. СПб., 2000. С. 184–186; Теплов Б.М. Психология и психофизиология индивидуальных различий. М. ; Воронеж, 1998. С. 408–409; Ясницкий А. К истории культурно-исторической гештальт-психологии: Выготский, Лурия, Коффка, Левин и др. // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 1. С. 60–97.

к моменту его принятия уже были частично урегулированы иным, более специальным законом — Федеральным законом «О кредитных историях». Можно было бы предположить, что за период с 30 декабря 2004 года (дата принятия Федерального закона «О кредитных историях») по 27 июля 2006 года (дата принятия Федерального закона «О персональных данных») взгляды законодателя на сущность персональных данных коренным образом изменились. Однако, несмотря на то что Федеральный закон «О персональных данных» носит более общий по отношению к Федеральному закону «О кредитных историях» характер, соответствующие изменения и дополнения во второй из упомянутых законов внесены не были.

Нарушение требований к предмету правового регулирования порождает «неясность в определении предмета отраслей» и «приводит к дублированию изложения, необоснованному и нечеткому разграничению правовых институтов»⁵⁶, появлению других законодательных дефектов предмета правового регулирования.

3.2. ДЕФЕКТЫ ПРЕДМЕТА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Наличие недостатков в определении предметов правового регулирования различных законов и их разграничении является весьма распространенным явлением, о чем неоднократно упоминалось в научной литературе⁵⁷. Анализ позволяет выделить следующие виды дефектов предмета правового регулирования.

⁵⁶ Брауде И.Л. Избранное: Очерки законодательной техники. Некоторые вопросы системы советского права. М., 2010. С. 7.

⁵⁷ См.: Алейникова А.Б. Отношения собственности как предмет межотраслевого правового регулирования: общетеоретические и практические проблемы // Российская юстиция. 2018. № 8. С. 11–15; Гу-

3.2.1. Дефект нелегитимности предмета правового регулирования

Дефект нелегитимности предмета правового регулирования заключается в противоречии положений закона, определяющих предмет его правового регулирования, положениям Конституции РФ.

Яркий *пример* названного законодательного дефекта обнаруживается в Законе № 123-ФЗ, предмет правового регулирования которого включает: 1) правовой статус уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг; 2) порядок досудебного урегулирования финансовым уполномоченным споров между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями; 3) правовые основы взаимодействия финансовых организаций с финансовым уполномоченным.

Таким образом, Закон № 123-ФЗ определяет статус уполномоченного в сфере защиты прав и свобод челове-

---

реев В.А. Отдельные вопросы предмета правового регулирования законодательства о защите прав должников при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности // Вестник исполнительного производства. 2016. № 3. С. 70–79; Еремина С.Н. Имущественные отношения в сфере действия трудового и гражданского права: проблемные вопросы предмета правового регулирования // Российская юстиция. 2015. № 6. С. 8–12; Зайцев О.В. Проблемы определения предмета гражданского права // Власть Закона. 2017. № 4. С. 93–104; Пауль А.Г. Соотношение предметов бюджетно-правового регулирования и правового регулирования государственных и муниципальных бюджетных расходов // Финансовое право. 2016. № 8. С. 31–36; Пашков А.В. К вопросу о предмете правового регулирования современного предпринимательского права России // Предпринимательское право. 2014. № 3. С. 49–53; Серова О.А. Социально значимые рынки как предмет правового регулирования: основные проблемы // Предпринимательское право. 2018. № 4. С. 50–56; Тимиргазин С.Р. Предмет и пределы нормативно-правового регулирования отношений в сфере государственно-частного партнерства // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 8. С. 55–58; и др.

ка и гражданина, полномочия которого ограничены защитой прав граждан — потребителей финансовых услуг посредством досудебного урегулирования споров между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями. При этом организовать досудебное урегулирование таких споров возможно, по мнению законодателя, лишь путем установления правовых основ взаимодействия финансовых организаций с финансовым уполномоченным.

Институт уполномоченных по правам не является новым для нашей страны и включает: Уполномоченного по правам человека⁵⁸, уполномоченных по правам человека в субъектах РФ⁵⁹, уполномоченных по защите прав предпринимателей⁶⁰, а также уполномоченных по правам ребенка⁶¹. Следовательно, статус уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг (в том числе организационные формы и условия его деятельности) должен быть аналогичен статусу других уполномоченных, а его определение не может отменять или пересматривать компетенцию государственных органов, обеспечивающих защиту и восстановление нарушенных прав и свобод.

С другой стороны, защиту прав потребителей регулирует Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей». Поэтому предмет правового регулирования Закона № 123-ФЗ следует рассматривать в соот-

---

⁵⁸ См.: Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации».

⁵⁹ См.: Федеральный закон от 18 марта 2020 г. № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации».

⁶⁰ См.: Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации».

⁶¹ См.: Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации».

ношении с предметом правового регулирования Закона № 2300-1.

Закон «О защите прав потребителей»:

1) регулирует отношения, возникающие между потребителями и исполнителями при оказании услуг;

2) устанавливает права потребителей на:

- приобретение услуг надлежащего качества и безопасных для жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды;
- получение информации об услугах и об их исполнителях;
- просвещение, государственную и общественную защиту их интересов;

3) определяет механизм реализации указанных прав.

В связи с принятием Закона № 123-ФЗ п. 1 ст. 17 Закона «О защите прав потребителей» был дополнен абзацем следующего содержания: «Защита прав потребителей услуг, оказываемых финансовыми организациями, организующими взаимодействие с уполномоченным по правам потребителей финансовых услуг в соответствии с Федеральным законом «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг», осуществляется с особенностями, установленными указанным Федеральным законом».

Изложенное позволяет утверждать, что названные законы соотносятся между собой как общий и специальный. Следовательно, Закон № 123-ФЗ вводит дополнительные средства, формы и гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина как потребителя финансовых услуг.

Если открыть электронно-регистрационную карточку Закона № 123-ФЗ в автоматизированной системе обеспечения законодательной деятельности (АСОЗД)⁶², то мы увидим, что предмет его ведения определен в качестве ведения Российской Федерации.

⁶² URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/517191-6>

Однако вопрос не так однозначен. По мнению Л.А. Тихомировой, такая неоднозначность предопределена отсутствием единого подхода к раскрытию правовых форм регулирования отношений федерации и ее субъектов по предметам ведения и полномочиям⁶³. Т.А. Тухватуллин также отмечает, что «не является в достаточной мере однозначным содержание таких законодательных конструкций, как предметы ведения, а также полномочия органов государственной власти»⁶⁴.

При этом важность правильного определения предметов ведения связана с тем, что согласно Конституции права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью (ст. 2), определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти (ст. 18).

Позволим себе предположить, что законодатель счел существующие до принятия Закона № 123-ФЗ средства, формы и гарантии защиты прав и свобод потребителей финансовых услуг недостаточными и решил их дополнить. Деятельность парламента в сфере прав и свобод человека и гражданина Е.В. Киричек определяет как «правоохрану, т. е. создание условий, направленных на наиболее полную реализацию прав и свобод человеком и гражданином путем принятия законов»⁶⁵.

---

⁶³ См.: Тихомирова Л.А. Конституционные основы разграничения предметов ведения и полномочий Российской Федерации и ее субъектов в области охраны окружающей среды: научно-практическое исследование // СПС КонсультантПлюс. 2010.

⁶⁴ Тухватуллин Т.А. Разграничение предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации в современных условиях : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 170.

⁶⁵ Киричек Е.В. Организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 143.

Очевидно, что защита прав и свобод человека и гражданина должна осуществляться в соответствии с Конституцией РФ, согласно п. «б» ч. 1 ст. 72 которой защита прав и свобод человека и гражданина находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов РФ. В то же время согласно п. «в» ч. 1 ст. 71 Конституции РФ в ведении Российской Федерации находится регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина. Очевидно, что в отличие от пункта «б» ч. 1 ст. 72 пункт «в» ч. 1 ст. 71 Конституции включает не только защиту прав и свобод человека и гражданина, но и их регулирование. Тем не менее конституционные нормы о защите прав и свобод человека и гражданина «противоречивы, поскольку в них защита прав и свобод человека и гражданина относится одновременно и к предметам ведения Российской Федерации, и к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Другими словами, один и тот же предмет ведения находится одновременно и в исключительном ведении Российской Федерации, и в совместном ведении»⁶⁶.

Анализ показывает, что регулирование прав и свобод находится в ведении Российской Федерации. Это значит, что федеральные органы власти вправе устанавливать и регулировать права и свободы. По мнению ряда авторов, понятием «регулирование» охватывается определение федерацией перечня прав и свобод, их конституционно-правовое закрепление, установление конституционных и иных гарантий, механизмов и процедур их реализации, ответственности за их нарушение. Защита прав и свобод является самостоятельным правовым институтом, регламентирующим совокупность способов и средств их обеспечения и защиты, присущих конкретной отрасли

⁶⁶ Велиева Д.С., Пресняков М.В. Регулирование и защита прав человека и гражданина в России: проблема разграничения правотворческих полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами // Журнал российского права. 2017. № 5. С. 17.

права⁶⁷. Поэтому субъекты РФ наделяются лишь правом защиты прав и свобод⁶⁸, так как защита прав является общей обязанностью всех государственных органов любого уровня⁶⁹.

Для того, чтобы утвердиться в этом выводе, обратимся к специалистам по конституционному праву:

- Б.С. Крылов считает очевидным, что, «хотя признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина... являются обязанностью прежде всего Российской Федерации... в полной мере они не могут быть обеспечены без участия субъектов Федерации...»⁷⁰;
- И.А. Умнова и А.С. Степаненко говорят, что, исходя из федеральной конституционной концепции разграничения предметов ведения и полномочий, юрисдикция должна быть параллельной, а не совпадающей⁷¹;
- Е.Ю. Бархатова указывает, что «вопросы совместного ведения не требуют жесткой централизации, а лишь регулирования в определенной части со стороны федеральных органов государственной власти»⁷²;

⁶⁷ См.: Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий (постатейный) / М.П. Авдеенкова, Н.И. Беседкина, А.Н. Головистикова и др. ; под ред. Ю.А. Дмитриева. М., 2007.

⁶⁸ См.: Конституционное право и политика : сб. материалов Междунар. науч. конф. (28–30 марта 2012 г.) / С.А. Авакьян, Д.С. Агапов, Н.И. Акуев и др. ; отв. ред. С.А. Авакьян. М., 2012.

⁶⁹ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. Л.А. Окунькова. 2-е изд. М., 1996.

⁷⁰ Комментарий к Конституции Российской Федерации. М., 1994. С. 226.

⁷¹ См.: Умнова (Конюхова) И.А., Степаненко А.С. Легитимность конституций (уставов) субъектов Российской Федерации в контексте их защиты органами конституционного контроля в Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 4. С. 23–29.

⁷² Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 2-е изд. М., 2017. С. 119.

- Н.С. Бондарь утверждает, что «региональное правотворчество в области прав и свобод человека и гражданина связано с ориентацией не на первичное, учредительное регулирование, предполагающее провозглашение новых для конституционного пространства региональных прав, а на юридическое гарантирование признанных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина, их конкретизацию или на создание дополнительных механизмов их реализации применительно к конкретным условиям отдельных субъектов РФ»⁷³;
- Г.Д. Садовникова обоснованно полагает, что федеральные законы, издаваемые по предметам совместного ведения, должны определять основы (общие принципы) правового регулирования, а в законодательстве субъектов правовое регулирование осуществляется на основе этих принципов применительно к условиям каждого субъекта. Кроме того, совместное ведение Российской Федерации и субъектов в ее составе означает совместное осуществление полномочий федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ, а также их общую ответственность за состояние дел в этих сферах⁷⁴;
- группа авторов отмечает, что при раскрытии смысла понятия «регулирование прав и свобод» следует учитывать взаимосвязь п. «в» ст. 71 с нормами п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, устанавливающими в качестве предмета совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов защиту прав и свобод. Эти конституционные положения, рассматриваемые во взаимосвязи с нормами ч. 2 ст. 76 Конституции РФ, предполагают осу-

⁷³ Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным судом Российской Федерации. М., 2005. С. 361.

⁷⁴ См.: Садовникова Г.Д. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 10-е изд. М., 2017. С. 104.

ществование субъектами РФ не только организационно-управленческих, финансово-экономических и иных форм правообеспечительной деятельности, но и законодательного регулирования в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина⁷⁵;

- В.И. Крусс разграничивает понятия «ограничение прав и свобод человека и гражданина» и «регулирование прав и свобод человека и гражданина». При этом регулирование определяется им как объективно неизбежная и обусловленная общими требованиями конституционного правопорядка форма уточнения (нормативной конкретизации) условий и порядка пользования основным правом или свободой⁷⁶;
- М.В. Пресняков подчеркивает, что «регулирование порядка и условий реализации права, в том числе с целью определения его границ и противодействия возможному злоупотреблению правом, может иметь по сути ограничивающий характер. В этом смысле такое “ограничительное регулирование” конституционных прав имеет много общего с их ограничением в смысле ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Поэтому Конституционный суд РФ, рассматривая критерии правомерности законодательного регулирования прав в части установления условий их реализации, пределов и т. п., неоднократно указывал, что при регулировании общественных отношений федеральный законодатель связан конституционным принципом справедливости и вытекающими из него требованиями адекватности и пропорциональности используемых правовых средств»⁷⁷.

⁷⁵ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, Н.С. Бондарь и др. ; под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд. М., 2011.

⁷⁶ См.: Крусс В.И. Теория конституционного правопользования. М., 2007. С. 293.

⁷⁷ Пресняков М.В. Конституционная концепция принципа справедливости / под ред. Г.Н. Комковой. М., 2009. С. 275.

Конституционный суд однозначно определил, что защита прав и свобод, установление и обеспечение надлежащего функционирования правовых механизмов, гарантирующих их реализацию, составляют сферу совместной ответственности Российской Федерации и ее субъектов⁷⁸. Кроме того, неоднократно подчеркивалось, что субъект РФ вправе наряду с основными гарантиями прав граждан установить в своем законе дополнительные гарантии, направленные на конкретизацию этих прав, создание дополнительных механизмов их реализации, с учетом региональных особенностей (условий)⁷⁹. При этом законодатель субъекта РФ не должен вводить процедуры и условия, которые искажают само существо тех или иных конституционных прав, снижают уровень их федеральных гарантий, а также вводить какие-либо ограничения конституционных прав и свобод⁸⁰.

В определении Верховного суда РФ от 10 февраля 2010 г. № 78-Г09-47 содержится следующий тезис, не допускающий его двойного толкования: «Действительно, защита прав и свобод человека и гражданина находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации»⁸¹. В другом определении Верховный суд РФ справедливо указал, что защита прав и свобод человека и гражданина, в том числе путем введения дополнительных средств их защиты, находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов РФ⁸².

⁷⁸ См.: Определение КС РФ от 8 февраля 2007 г. № 322-О-П.

⁷⁹ См.: Постановление КС РФ от 23 марта 2000 г. № 4-П; Постановление КС РФ от 11 марта 2008 г. № 4-П; Определение КС РФ от 27 января 2011 г. № 63-О-О.

⁸⁰ См.: Велиева Д.С., Пресняков М.В. Регулирование и защита прав человека и гражданина в России: проблема разграничения правотворческих полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами // Журнал российского права. 2017. № 5. С. 17–27.

⁸¹ Определение Верховного суда РФ от 10 февраля 2010 г. № 78-Г09-47.

⁸² Определение Верховного суда РФ от 4 февраля 2002 г. № 45-Г02-1.

Рассматривая вопрос о полномочиях Российской Федерации и субъектов РФ в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, следует иметь в виду и ст. 16.1 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», согласно которой субъектам РФ предоставлено право своими законами самостоятельно учреждать должности уполномоченных по правам человека в субъектах РФ и финансировать их деятельность.

Таким образом, отнеся защиту прав и свобод человека и гражданина как потребителя финансовых услуг к предмету исключительного ведения Федерации, законодатель в нарушение положений Конституции РФ превысил свои полномочия и ограничил права субъектов РФ. Предусмотренные Законом № 123-ФЗ правовой статус уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг, порядок досудебного урегулирования финансовым уполномоченным споров между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями, а также правовые основы взаимодействия финансовых организаций с финансовым уполномоченным не предполагают какого-либо участия субъектов РФ в деятельности финансового уполномоченного и Службы финансового уполномоченного.

Следствием этого стало учреждение в Законе № 123-ФЗ статуса уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг, который существенно отличается от статусов других уполномоченных, в том числе по организационным формам и условиям деятельности. Нормы Закона № 123-ФЗ не позволяют установить место финансового уполномоченного в системе органов и лиц страны, что следует рассматривать как вмешательство в компетенцию государственных органов, обеспечивающих защиту и восстановление нарушенных прав и свобод.

В соответствии с Законом № 123-ФЗ без какого-либо участия субъектов Федерации:

1) Председатель Банка России:

- представляет Совету директоров Банка России кандидатуру для назначения на должность главного финансового уполномоченного (ч. 1 ст. 4);
- предлагает Совету директоров Банка России освободить главного финансового уполномоченного от должности (ч. 1 ст. 5);
- назначает на должность и освобождает от должности руководителя службы обеспечения деятельности финансового уполномоченного (ч. 2 ст. 9);

2) Совет директоров Банка России:

- определяет сферы финансовых услуг, для рассмотрения обращений в которых учреждаются должности финансовых уполномоченных (ч. 9 ст. 2);
- назначает главного финансового уполномоченного (ч. 1 ст. 4);
- назначает финансовых уполномоченных в сферах финансовых услуг (ч. 2 ст. 4);
- вправе назначить нескольких финансовых уполномоченных, рассматривающих обращения в одной сфере финансовых услуг (ч. 3 ст. 4);
- принимает решение об исполнении обязанностей главного финансового уполномоченного одним из финансовых уполномоченных в сферах финансовых услуг в случае временного отсутствия главного финансового уполномоченного или невозможности исполнения им своих обязанностей (ч. 4 ст. 4);
- освобождает главного финансового уполномоченного от должности (ч. 1 ст. 5);
- вправе освободить от должности финансового уполномоченного в сферах финансовых услуг (ч. 2 ст. 5);

3) Банк России:

- имеет пять своих представителей в Совете Службы финансового уполномоченного (ч. 1 ст. 7);
- определяет процедуру выдвижения в Совет Службы финансового уполномоченного представителей саморегулируемых организаций в сфере финансового рынка, а также ассоциаций (союзов) кредитных организаций (ч. 1 ст. 7);
- учреждает службу обеспечения деятельности финансового уполномоченного, являющуюся автономной некоммерческой организацией (ч. 1 ст. 9);
- определяет порядок и условия предоставления службе обеспечения деятельности финансового уполномоченного автоматизированных систем Банка России для сбора, обработки, хранения обращений, а также предоставления информации по указанным обращениям (ч. 5 ст. 14);
- включает в базу данных, которая ведется Банком России в соответствии со ст. 75 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», сведения, препятствующие назначению на должность финансового уполномоченного (ч. 5 ст. 3).

История главного государственного банка России последовала как дореволюционными⁸³, так и современными учеными⁸⁴, статусу Банка России, целям, задачам

⁸³ См.: Петелин Н.С. Назначение, устройство и очерк деятельности Государственного банка. СПб., 1892; Бернацкий М.В. Русский Государственный банк как учреждение эмиссионное. СПб., 1911; Судейкин В. Государственный банк. СПб., 1884; Яснопольский Л.Н. Государственный банк. СПб., 1907; Государственный банк. Краткий очерк деятельности за 1860–1910 годы. СПб., 1910; и др.

⁸⁴ См.: История Банка России 1860–2010 : в 2 т. М., 2010; Кротов Н.И. Очерки истории Банка России. Центральный аппарат. Персональные дела и деяния. М., 2011; Голубев С.А. Роль Центрального бан-

и функциям были посвящены многочисленные работы⁸⁵, однако лишь некоторые из них содержат утверждения о чрезмерности его полномочий. Так, только у А.Г. Гузнова мы смогли найти мнение о том, что функция защиты прав потребителей финансовых услуг видится весьма далекой от основной функции центрального банка⁸⁶.

Закон № 123-ФЗ, хотя и не содержит прямого запрета субъектам РФ реализовать права, предусмотренные п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, но построен таким образом, что законы субъектов РФ с аналогичным предметом правового регулирования неизбежно будут ему противоречить. Даже поверхностный анализ изложенных выше полно-

---

ка Российской Федерации в регулировании банковской системы страны. М., 2000; Банк России в XXI веке / отв. ред. П.Д. Баренбойм, В.И. Лафитский. М., 2003.

⁸⁵ См.: Тосунян Г.А., Викулин А.Ю. Постатейный комментарий к Федеральному закону «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». М., 2003; Очерки конституционной экономики: Статус Банка России / отв. ред. П.Д. Баренбойм, В.И. Лифитский. М., 2001; Рождественская Т.Э. Теоретико-правовые основы банковского надзора в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012; Научно-практический комментарий к Федеральному закону 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): постатейный // С.А. Голубев, А.Г. Гузнов, М.В. Комиссарова М., 2013; Братко А.Г. Центральный банк в банковской системе России. М., 2003; Пастушенко Е.Н. Правовые акты Центрального банка Российской Федерации: финансово-правовые аспекты теории : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006; Чегринцев Е.А. Конституционно-правовой статус Центральных банков Европейского союза (на примере европейской системы Центральных банков) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001; Баренбойм П. Конституционная экономика и центральный банк // Российская юстиция. 1997. № 11; Голубев С.А. Правовое положение Банка России // Юридическая работа в кредитной организации. 2005. № 3; и др.

⁸⁶ См.: Гузнов А.Г. Финансово-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 200.

мочий Банка России в отношении Службы финансового уполномоченного позволяет утверждать, что субъекты РФ не имеют здесь никаких полномочий. Служба финансового уполномоченного, не будучи формально встроенной в систему Банка России, тем не менее достаточно четко подчинена правилам единой централизованной системы с вертикальной структурой управления, которую представляет собой последний⁸⁷.

Тем не менее субъекты РФ вправе принять законы, регулирующие отношения по защите прав и законных интересов потребителей финансовых услуг. Для того чтобы не противоречить Закону, такие законы субъектов РФ должны будут предусматривать защиту прав и законных интересов потребителей финансовых услуг без участия Банка России. Опасность в том, что по аналогии с Законом законы субъектов РФ могут осуществлять защиту прав и законных интересов потребителей финансовых услуг в обязательном для финансовых организаций порядке и за их счет. Это чревато массовым нарушением прав, свобод и законных интересов финансовых организаций.

В литературе называют несколько причин ограничения прав субъектов РФ как по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ, так и по предметам исключительного ведения субъектов РФ.

Т.А. Тухватуллин к числу причин сложившейся ситуации относит: несбалансированность государственной политики и нестабильность федерального законодательства в сфере разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти, частое их перераспределение и введение новых; отсутствие критериев (пределов) федерального регулирования по предметам совместного веде-

---

⁸⁷ См. ст. 83 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)».

ния Российской Федерации и ее субъектов, что не позволяет субъектам Федерации правильно идентифицировать предмет ведения или полномочие как совместное (делегированное) или собственное⁸⁸.

Д.Н. Миронов видит причину в том, что «многие субъекты Российской Федерации ориентированы на исполнение федеральных законов, изданных в пределах совместных полномочий, а исключительные полномочия субъектов оказались не вполне востребованными»⁸⁹. Е.В. Першин и М.В. Глигич-Золотарева отмечают, что перечень так называемых собственных полномочий субъектов РФ игнорируется федеральным законодателем⁹⁰. По мнению И.Г. Горбачева, «говорить о всей полноте власти по предметам исключительного ведения субъектов Российской Федерации не приходится»⁹¹.

К изложенному следует добавить, что одной из главных причин ограничения прав субъектов РФ в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина является ярко выраженная ведомственная направленность Закона № 123-ФЗ, при которой все сколько-нибудь значимые полномочияверяются исключительно мегарегулятору. Это позволило

---

⁸⁸ См.: Тухватуллин Т.А. Предметы ведения субъектов Российской Федерации: проблемы идентификации и правового регулирования (конституционно-правовое исследование) // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 1. С. 43–49.

⁸⁹ Миронов Д.Н. Российский федерализм: сегодня и завтра // Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. «Национально-государственные образования в истории и политической практике российского федерализма». Уфа, 2009. С. 127.

⁹⁰ См.: Першин Е.В., Глигич-Золотарева М.В. Актуальные вопросы разграничения компетенции между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2008. № 2.

⁹¹ Горбачев И.Г. Российский федерализм: принципы построения и конституционно-договорная база разграничения предметов ведения и полномочий. СПб., 2000. С. 96.

последнему реализовать в Законе № 123-ФЗ свой идеал государственно-частного партнерства, где выполнение государственно-властной функции осуществляется не за счет законно установленных налогов, а за счет имеющих неясную правовую природу взносов поднадзорных субъектов, которые они обязываются уплачивать в пользу специально для этого созданной автономной некоммерческой организации.

Таким образом, следствием латентной дефектности в определении предметов ведения в сфере защиты прав и свобод потребителей финансовых услуг явился дефект нелегитимности в предмете правового регулирования Закона № 123-ФЗ.

3.2.2. Дефект отсутствия предмета правового регулирования

Дефект отсутствия предмета правового регулирования заключается в отсутствии в тексте закона положений, определяющих предмет его правового регулирования.

Отсутствие в законах предмета законодательного регулирования в литературе относят к числу типичных юридических недостатков⁹²:

- Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле» не содержит дефиниции регламентируемого предмета, что в плане выстраивания стройной системы парламентского контроля, несомненно, является дефектом, который не позволяет четко определить круг объектов парламентского контроля, саму сущность данного института, что может как

---

⁹² См.: Безруков А.В. Конституционно-правовые аспекты осуществления законодательной власти по обеспечению правопорядка в России. М., 2015.

вызвать затруднения в правоприменительной практике, так и повлечь разночтения в процессе дальнейшего нормативного регулирования парламентского контроля⁹³;

- в Федеральном законе от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» не содержится отдельной главы, конкретизирующей предмет надзора и полномочия прокурора в этой сфере, что расценивается в качестве существенного недостатка правового регулирования⁹⁴;
- до настоящего времени так и не определены законодательно объекты и правоотношения, которые должны являться предметом регулирования жилищного законодательства РФ, что И.С. Измайлов относит к числу его фундаментальных пороков⁹⁵.

3.2.3. Дефект ограничения предмета правового регулирования

Дефект ограничения предмета правового регулирования заключается в необоснованном отсутствии в предусмотренной законом дефиниции предмета правового регулирования отношений, имеющих существенный характер для регулирования соответствующей сферы.

⁹³ См.: Зенин Г.Е. Конституционно-правовые дефекты системы законодательного регулирования парламентского контроля в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 9. С. 39–45.

⁹⁴ См.: Винокуров Ю.Е., Винокуров А.Ю. Прокурорский надзор. Особенная часть. М., 2018. Т. 2. С. 99; Исполнительное производство : учеб. / К.Л. Брановицкий, Д.В. Бурачевский, В.В. Долганичев и др. ; под общ. ред. В.В. Яркова. М., 2020.

⁹⁵ См.: Измайлов И.С. «Тормоза» жилищного законодательства Российской Федерации // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 7. С. 58–63.

В литературе упоминаются следующие *примеры* дефектов данного вида:

- предмет регулирования Федерального закона от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» ограничен тем, что определяет только отношения в сфере природопользования, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, возникающие при осуществлении генно-инженерной деятельности. Порядок осуществления генно-инженерной деятельности и применения ее методов к человеку, тканям и клеткам в составе его организма, за исключением генодиагностики и генной терапии, не является предметом регулирования этого Закона⁹⁶;
- за пределами регулирования семейного законодательства остаются многие семейные отношения: добрачные отношения; установление происхождения детей с применением вспомогательных репродуктивных технологий, в том числе посмертной репродукции; охрана зачатого ребенка; права ребенка-родителя; права ребенка-супруга; действительность брака при смене пола одним из супругов; отношения, в которых один из супругов или дети не являются гражданами РФ, и т. п.⁹⁷;
- чрезмерная краткость и ограниченность по предмету регулирования отмечается в качестве недостатка действующего процессуального законодательства РФ⁹⁸;

---

⁹⁶ См.: Воронина И.А., Савошкова Е.В., Саблин Д.А. Интеграция биомедицины и биоэтики в правовое пространство как основа охраны и защиты прав граждан на здоровье и медицинскую помощь // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 9. С. 67–70.

⁹⁷ См.: Беспалов Ю.Ф. Семейное законодательство РФ: некоторые дефекты, проблемы правоприменения и направления совершенствования // Семейное и жилищное право. 2018. № 2. С. 4–7.

⁹⁸ См.: Елисеев Н.Г. Извещение ответчика, находящегося за границей // Закон. 2016. № 6. С. 121–137.

- до настоящего времени так и не определены объекты и правоотношения, которые должны являться предметом регулирования жилищного законодательства. Существующее законодательство имеет предметом регулирования «химеру», объединяющую «в единой ипотаси» три совершенно разные, хотя и имеющие единую цель, экономические категории: «управление», «оказание услуг», «продажу товара»⁹⁹.

3.2.4. Дефект расширения предмета правового регулирования

Дефект расширения предмета правового регулирования заключается в необоснованном включении в предусмотренную законом дефиницию предмета правового регулирования положений, имеющих избыточный характер и (или) отличные от целеполагания закона цели.

Положения дефиниции предмета правового регулирования не являются избыточными при условии, что они необходимы и достаточны для законодательного регулирования соответствующей сферы с минимально возможными издержками для государства и субъектов регулируемых отношений.

Одним из *примеров* данного дефекта законодательства может послужить Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». В литературе отмечается, что его недостатком является слишком широкий и аморфный предмет правового регулирования. С таким же успехом можно было бы принять закон о коммерческих организациях, переписав туда большую

---

⁹⁹ См.: Измайлов И.С. «Тормоза» жилищного законодательства Российской Федерации // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 7. С. 58–63.

часть Гражданского кодекса РФ. О необходимости сужения предмета правового регулирования свидетельствует уже статья 1 Закона, где перечисляются многочисленные случаи, на которые Закон не распространяется¹⁰⁰.

3.2.5. Дефект пересечения предметов правового регулирования

Дефект пересечения предметов правового регулирования законов заключается в отсутствии четкого разграничения между предметами правового регулирования различных законодательных актов. О.В. Мананников справедливо отмечает, что в российском правовом поле за последние 25 лет сложилась ситуация, когда у различных отраслей права наблюдается частичное совпадение субъектного состава, методов правового регулирования и, как это ни печально, предметов регулирования¹⁰¹.

В литературе в качестве *примеров* дефектов данного вида упоминаются:

- вторжение гражданского права в предмет правового регулирования земельного права в части попытки регулирования отношений, связанных с возникновением прав на земельные участки под объектами недвижимости, находящиеся в государственной или муниципальной собственности¹⁰²;

¹⁰⁰ См.: Уваров А.А. Вопросы конституционно-правового статуса общественных некоммерческих организаций // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 9. С. 39–42.

¹⁰¹ См.: Мананников О.В. К вопросу об имущественных правах бывших супругов // Закон. 2017. № 2. С. 57–64.

¹⁰² См.: Баканева Н.Г., Задорожный М.Д. Ограниченные вещные права на земельные участки: тенденции развития законодательства // Юрист. 2017. № 9. С. 20–27.

- вторжение жилищного законодательства то в трудовое, то в банковское, то еще в какое-нибудь законодательство¹⁰³;
- ошибочное включение в сферу регулирования трудового права социально-обеспечительных отношений, входящих в предмет совершенно иной отрасли — права социального обеспечения¹⁰⁴;
- ошибка юридико-технического характера, которую допустил законодатель, включив нормы об оказании социальной помощи в виде набора социальных услуг в Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», нарушив тем самым единство предмета его регулирования¹⁰⁵;
- отсутствие четкого разграничения общественных отношений, составляющих предмет регулирования земельного и гражданского законодательства, что приводит к дублированию норм в рамках различных отраслей права и многочисленным коллизиям действующего законодательства¹⁰⁶.
- двоякость предмета правового регулирования семейного законодательства РФ¹⁰⁷.

¹⁰³ См.: Измайлов И.С. «Тормоза» жилищного законодательства Российской Федерации // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 7. С. 58–63.

¹⁰⁴ См.: Благодир А.Л. Отношения по обязательному социальному страхованию в предмете трудового права: история и современное состояние // Журнал российского права. 2018. № 7. С. 73–81.

¹⁰⁵ См.: Бондарева Э.С., Гусев А.Ю., Менкенов А.В., Антонова Н.В., Богатырева Н.В., Слесарев С.А. Комментарий к Федеральному закону от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2018.

¹⁰⁶ См.: Чаплин Н.Ю. Понятие и особенности земельного участка как объекта гражданских прав // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 155–161.

¹⁰⁷ См.: Беспалов Ю.Ф. Семейное законодательство РФ: некоторые дефекты, проблемы правоприменения и направления совершенствования // Семейное и жилищное право. 2018. № 2. С. 4–7.

3.2.6. Дефект смешения предмета правового регулирования с целями

Дефект смешения предмета правового регулирования с целями закона заключается в отсутствии четкого разграничения предмета правового регулирования и имеющих формальный характер целей закона.

Например, предмет регулирования Закона № 123-ФЗ определен следующим образом: «Настоящий Федеральный закон в целях защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг определяет правовой статус уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг, порядок досудебного урегулирования финансовым уполномоченным споров между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями, а также правовые основы взаимодействия финансовых организаций с финансовым уполномоченным».

Другой *пример* смешения предмета правового регулирования с целями закона нам предоставляет Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», который регулирует отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд в целях повышения эффективности, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг, обеспечения гласности и прозрачности осуществления таких закупок, предотвращения коррупции и других злоупотреблений в сфере таких закупок в части, касающейся:

- 1) планирования закупок товаров, работ, услуг;
- 2) определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей);
- 3) заключения предусмотренных настоящим Федеральным законом контрактов;
- 4) особенностей исполнения контрактов;
- 5) мониторинга закупок товаров, работ, услуг;
- 6) аудита в сфере закупок товаров, работ, услуг;
- 7) контроля за

соблюдением законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (ч. 1 ст. 1).

Подобное законодательное регулирование существенно затрудняет или делает невозможным прогнозирование результативности и эффективности соответствующего законодательства. В таких случаях законодатель исповедует утилитаристский подход и оценивает законодательство с точки зрения его целесообразности исключительно для государства. В связи с этим возникает напряжение между правовой сферой и пространством действия моральных законов. Дискуссия о соотношении морали и права приобретает острый характер. Утилитаризм, согласно которому моральная ценность поведения или поступка определяется его полезностью¹⁰⁸, помноженный на правовой позитивизм, сводящий право к действующим нормам и не обращающий внимания на то, справедливо такое право или нет¹⁰⁹, делает неизбежным появление дурных и ложных законов. Законодатель, игнорируя важность и значимость законодательного регулирования для субъектов регулируемых отношений, выпячивает такие признаки закона, как общеобязательность исполнения, обеспеченность силой государства, строгий контроль за его соблюдением.

¹⁰⁸ См.: Алексеева Т.А. Современные политические теории. М., 2000; Рассел Б. История западной философии. Новосибирск, 2001; Вольф Р. О философии. М., 1996. С. 99–114; История философии. Запад — Россия — Восток / под ред. Н.В. Мотрошиловой и А.М. Руткевича. Кн. 2. Бентам. Милль. М., 1998; Скирбекк Г., Гилье Н. История философии : учеб. пособие / пер. с англ. В.И. Кузнецова ; под ред. С.Б. Крымского. М., 2003; Яркова Е.Н. Утилитаризм как стимул самоорганизации культуры и общества // *Общественные науки и современность*. 2002. № 2. С. 88–101.

¹⁰⁹ См.: Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978; Хафизов Э.Д. К вопросу о генезисе правового позитивизма // *Правовое государство: теория и практика*. 2010. № 4(22).

Видимо, в таких случаях он не желает руководствоваться известным афоризмом Тацита: «Истина подкрепляется временем и временем, а ложь — поспешностью и неопределенностью».

3.2.7. Дефект дробления предмета правового регулирования

Дефект дробления предмета правового регулирования заключается либо в необоснованном и чрезмерном дроблении предмета правового регулирования в законе на множество пунктов и статей, либо в распределении предмета правового регулирования по множеству законодательных актов. Так, о чрезмерном дроблении предмета регулирования или его неясном определении, как одном из допускаемых законодателем «грехов» правотворчества, обоснованно упоминают Д.Б. Горохов и Ю.В. Горохова¹¹⁰. Б.Б. Базаров также отмечает, что предмет правового регулирования необоснованно дробится на множество пунктов, статей, применяются отсылочные нормы там, где в этом нет необходимости¹¹¹.

Наличие названного законодательного дефекта препятствует целостному восприятию предмета правового регулирования, следствием чего является отрывочное и поверхностное законодательное регулирование соответствующей сферы.

Пример данного законодательного дефекта предоставляет законодательство о нотариате, где не дается исчер-

---

¹¹⁰ См.: Горохов Д.Б., Горохова Ю.В. Животные и растения — субъекты права по законодательству Российской Федерации: констатация абсурда или научное открытие? // Адвокат. 2016. № 11. С. 5–20.

¹¹¹ См.: Базаров Б.Б. Давность в российском налоговом праве: понятие и признаки // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 11. С. 1367–1380.

пывающей регламентации предмета правового регулирования нотариальной деятельности. В настоящее время источники этого законодательства обширны, запутанны и разобщены. Множество важных положений содержатся в других федеральных законах. Например: ч. 5 ст. 61, ст. 186, гл. 37 ГПК РФ, ч. 5 ст. 69, ст. 161 АПК РФ в части доказательственной силы нотариальных актов и обжалования нотариальных действий (бездействия)¹¹².

3.2.8. Дефект формальности предмета правового регулирования

Дефект формальности предмета правового регулирования закона заключается в том, что в основу дефиниции предмета правового регулирования положены чисто формальные принципы, акцентирующие значение формы в ущерб содержанию. В подобных случаях законодатель переходит на сторону формализма — направления, которое видит сущность вещей в форме, переоценивает ее роль, принижает роль содержания или пренебрегает им¹¹³.

Ярким *примером* названного законодательного дефекта является механическое дополнение дефиниции предмета правового регулирования Закона № 218-ФЗ новыми участниками отношений.

Изначально предмет его регулирования определялся следующим образом: «Настоящим Федеральным законом определяются понятие и состав кредитной истории, основания, порядок формирования, хранения и использования кредитных историй, регулируется связанная с этим

¹¹² См.: Комментарий законодательства Российской Федерации о нотариате (постатейный) / А.А. Анисимова, Р.С. Бевзенко, В.А. Белов и др. ; под ред. Д.Я. Малешина. М., 2018.

¹¹³ См.: Философский энциклопедический словарь. М., 2009; Философия : энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М., 2004.

деятельность бюро кредитных историй, устанавливаются особенности создания, ликвидации и реорганизации бюро кредитных историй, а также принципы их взаимодействия с источниками формирования кредитной истории, заемщиками, органами государственной власти, органами местного самоуправления и Банком России».

Затем в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 189-ФЗ предмет правового регулирования был изложен в следующей редакции: «Настоящим Федеральным законом определяются понятие и состав кредитной истории, основания, порядок формирования, хранения и использования кредитных историй, регулируется связанная с этим деятельность бюро кредитных историй, устанавливаются особенности создания, ликвидации и реорганизации бюро кредитных историй, а также принципы их взаимодействия с источниками формирования кредитной истории, заемщиками, органами государственной власти, органами местного самоуправления и Центральным банком Российской Федерации (далее — Банк России), с организациями, в пользу которых вынесено вступившее в силу и не исполненное в течение 10 дней решение суда о взыскании с должника денежных сумм в связи с неисполнением им обязательств по внесению платы за жилое помещение, коммунальные услуги и услуги связи».

Как видим, к числу первоначально перечисленных лиц добавлены организации, в пользу которых вынесено вступившее в силу и не исполненное в течение 10 дней решение суда о взыскании с должника денежных сумм в связи с неисполнением им обязательств по внесению платы за жилое помещение, коммунальные услуги и услуги связи. При этом, несмотря на то что помимо названных организаций в ч. 2 ст. 1 Закона № 218-ФЗ, определяющей цели Закона, упомянуты также индивидуальные

предприниматели и алиментные обязательства, предмет правового регулирования почему-то не содержит упоминания о них.

В подобных случаях законодатель отказывается от определения правовой специфики отношений, регулируемых законом. Формальное дополнение дефиниции предмета новыми участниками отношений позволяет произвольно, необоснованно и безгранично расширять предмет правового регулирования, вторгаясь в другие сферы правового регулирования.

Глава 4

Интернаучные аспекты законотворчества

Выявленные в первой главе настоящей работы закономерности функционирования законодательных дефектов и их закономерные свойства берут свое происхождение не только в объективной системности права и законодательства, но и в специфике психологии и политологии законотворчества. В поддержку последнего тезиса можно привести известные изречения классиков: «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»¹; «идеи становятся силой, когда они овладевают массами»². При этом очевидно, что массами (в том числе членами Федерального собрания РФ) могут овладеть не только правильные, но и ошибочные идеи. Это может быть связано с тем, что в некоторых случаях «мысль людей образовывается не под влиянием разума, идеи начинают действовать только тогда, когда они после очень медленной переработки преобразовались в чувства и проникли в темную область бессознательного, где вырабатываются наши мысли»³.

Преобразовавшись в чувства, необходимые известным лицам в данный момент идеи становятся одной из определяющих характеристик субъекта, неотъемлемой частью

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. К критике гегелевской философии права // Собр. соч. 2-е изд. Т. 1. М., 1957.

² Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? / ПСС. Т. 34. М., 1969.

³ Лебон Г. Психология народов и масс. М., 2008. С. 15.

его внутреннего мира и влияют на его решения и поведение. «Когда идеи подверглись уже этой медленной выработке, их сила становится настолько значительной, что разум перестает иметь власть над ними»⁴. Здесь уместно вспомнить теорию прерывистого равновесия, объясняющую процессы изменений в сложных социальных системах. По этой теории политика (в том числе законодательная) изменяется инкрементально, то есть постепенно, из-за ограничений, к числу которых относятся «неподвижность» институциональных культур, корыстные интересы, а также ограниченная рациональность отдельных лиц, принимающих решения. Изменение политики будет сопровождаться изменениями этих ограничений, трансформацией политических институтов, изменениями в общественном мнении⁵. Если индивидуум не подчиняется этой инкрементальности и выходит за рамки необходимых в данный момент нормотворческих идей, то есть не может удержать свои идеи на равном расстоянии от изменчивости и устойчивости, то он становится не нужен принима-

⁴ Там же. С. 93.

⁵ О теории прерывистого равновесия см.: Андреева Т.Е. Организационные изменения: сравнительный анализ основных концепций // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2004. № 2; Галиева С.И. Формулирование и реализация государственной политики через призму теорий политического процесса // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2016. № 3(20); Baumgartner F., Jones B.D. *Agendas and Instability in American Politics*. Chicago, 1993; Gersick C. Time and transition in work teams: Toward a new model of group development // *Academy of Management Journal*. 1988. № 31 (Oct.). P. 9–41; Harper T. The Punctuated Equilibrium Macropattern of World System Urbanization and the Factors that Give Rise to that Macropattern // *Social Evolution & History*. 2017. Volume 16. № 1 (March); Lundgren M., Squatrito T., Tallberg J. Stability and change in international policy-making: A punctuated equilibrium approach // *Review of International Organizations*. 2017. № 13(4). P. 547–572.

ющим решения людям. «История устлана останками тех, которые не смогли удержать этого равновесия»⁶.

Изложенное дает основания для более подробного рассмотрения психологических и политологических предпосылок дефектности общих положений законов и их последствий.

4.1. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА

4.1.1. Психология законотворчества как наука

В России психолого-правовые исследования первоначально касались лишь судебной психиатрии⁷. Только в конце XIX — начале XX в. Л.И. Петражицкий основал психологическую школу права. Он утверждал, что науки о праве и государстве должны базироваться на анализе психических явлений, что реально существуют только психические процессы, а социально-исторические образования не более чем их внешние проекции⁸. Психологическая школа права исходила из полной совместимости права и психологии⁹,

⁶ Лебон Г. Психология народов и масс. М., 2008. С. 94.

⁷ См.: Баршев С.И. Взгляд на науку уголовного законовещения. СПб., 1858; Владимиров Л.Е. Психические особенности преступников по новейшим исследованиям. М., 1877; Фрезе А.У. Очерк судебной психологии. М., 1871; Яневич-Яневский К.Я. Мысли об уголовной юстиции с точки зрения психологии и физиологии // Юридические записки. 1862.

⁸ См.: Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб., 1907.

⁹ См.: Бехтерев Ю.Ю. Изучение личности заключенного. М., 1928; Дриль Д.А. Психофизические типы в их соотношении с преступностью и ее разновидностями (Частная психология преступности). М., 1890; Дриль Д.А. Преступность и преступники. Уголовно-психологические этюды. СПб., 1895; Гернет М.Н. Уголовное право:

что в целом послужило «привлечению внимания юристов к психологическим аспектам права»¹⁰.

Сегодня невозможно отрицать, что законотворчество имеет психологическую сторону¹¹, что целостное восприятие права невозможно без применения исторического, социологического и психологического подходов к его изучению¹². Просчитывание на интеллектуальном и эмоциональном уровнях психологических последствий конкретного закона, осознание пределов его репрессивного механизма должны стать в настоящее время составной частью технологии законотворчества¹³.

И.А. Кибак определяет предмет психологии законотворчества как теоретико-прикладное направление (частная теория) исследований правовой психологии, которое обслуживает субъекта права (депутата), участников законотворческого процесса и изучает психологические закономерности и механизмы законотворческой деятельности (подготовка и принятие законопроекта), разрабатывает психотехнологии и рекомендации, направленные на повышение эффективности этой деятельности¹⁴. По его

Часть общая. Херсон, 1913; Лурия А.Р. Психология в определении следов преступления // Научное слово. 1928. № 3; Фельдштейн Г.С. Учение о формах виновности в уголовном праве. М., 1902.

¹⁰ Еникеев М.И. Юридическая психология. М., 2001. С. 14.

¹¹ См.: Керимов Д.А. Потребность, интерес, право // Правоведение. 1971. № 4. С. 97; Косопкин А.С. Психология парламентского законотворчества. М., 2006; Новик Ю.И. Психологические проблемы правового регулирования. Минск, 1989. С. 26–30; Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1909. Т. 1. С. 171.

¹² См.: Куприянова А.В. К вопросу о правовой культуре с позиций культурологического подхода к изучению уголовного права // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 12. С. 3–7.

¹³ См.: Российское законодательство: проблемы и перспективы / ред. кол.: Л.А. Окуньков и др. М., 1995. С. 77.

¹⁴ См.: Кибак И.А. Проблемы и пути развития психологии законотворчества // Прикладная юридическая психология. 2012. № 3. С. 175.

мнению, теоретико-методологическое осмысление места психологии законоотворчества в системе общественных наук «предполагает предметный анализ соотношения с иными научными отраслями: теорией государства и права, политологией, социальной, политической и юридической психологией»¹⁵.

Признавая в целом обоснованный характер изложенной точки зрения, хотелось бы не согласиться с тезисом о том, что психология законоотворчества «обслуживает субъекта права (депутата)» и «участников законотворческого процесса». Коль скоро психология законоотворчества — это наука, то она должна не обслуживать кого-либо, а изучать соответствующие явления и нацеливать участников законотворческого процесса на гармонизацию законодательства и повышение его качества, что предполагает элиминацию из законодательства множества дефектов.

Мы полагаем, что *психология законоотворчества* — это раздел социальной психологии¹⁶, изучающий закономерности поведения и деятельности законотворцев, обуслов-

---

¹⁵ Кибак И.А. Проблемы и пути развития психологии законоотворчества // Прикладная юридическая психология. 2012. № 3. С. 174.

¹⁶ См.: Андреева Г.М. Социальная психология : Учеб. для вузов. М., 2008; Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. СПб., 2004; Битянова Н.Р. Социальная психология. М., 2001; Введение в практическую социальную психологию / под ред. Ю.М. Жукова, Л.А. Петровской, О.В. Соловьевой. М., 1997; Горбунова М.Ю. Социальная психология. М., 2006; Жуков Ю.М., Гржегоржевская И.А. Эксперимент в социальной психологии: проблемы и перспективы // Методология и методы социальной психологии. М., 1977; Майерс Д. Социальная психология. 7-е изд. СПб., 2007; Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971; Парыгин Б.Д. Социальная психология как наука. Л., 1965; Парыгин Б.Д. Социальная психология. Истоки и перспективы. СПб., 2010; Социальная психология / под ред. С. Московичи. 7-е изд. СПб., 2007; Социальная психология / под ред. А.Н. Сухова, А.А. Деркача. М., 2002; Социальная психология. Практикум / под ред. Т.В. Фоломеевой. М., 2006.

ленные включением их в данную социальную группу, их индивидуальные и групповые психологические характеристики и мотивы, а также влияние этих закономерностей, характеристик и мотивов на результаты законотворческой деятельности. Психология законотворчества в целях использования полученных знаний для повышения качества и эффективности законодательства исследует:

- сущность психических явлений, возникающих в процессе законотворчества, а также восприятие и понимание законодателем общественных потребностей;
- социальные установки законодателя (разновидности этих установок, устойчивость, их структуру, изменчивость и закономерности возникновения и изменения, а также их влияние на законотворческую деятельность);
- явления, которые характеризуют взаимодействие и общение парламентариев между собой и с обществом, их влияние на результаты законотворческой деятельности;
- феномены, имеющие отношение к социальной группе парламентариев;
- психологические особенности межфракционных взаимоотношений и их влияние на результаты законотворческой деятельности и т. п.

Справедливо отмечается, что «правосознание лица, осуществляющего законотворческую деятельность, помимо объективных, которыми в целом оно должно руководствоваться, включает в себя и субъективные факторы (критерии)»¹⁷. При этом следует подчеркнуть, что существенную (иногда чрезмерную) роль в психологии законодателя играют социальные стереотипы, которые необходимо предъявляют «социальную реальность в типизациях, не требующих мышления. Социальная реальность задается

---

¹⁷ Османова Н.В. Деятельность законодателя в построении института подследственности уголовных дел: психологические аспекты // Юридическая психология. 2014. № 3. С. 12.

как нерелексируемая повседневность или самоочевидность. Индивид трансформируется в нерелексирующее существо, заданное действием социального инстинкта»¹⁸.

Трудно не согласиться с А.И. Коробеевым, который, обосновывая чрезмерную множественность запретов, утверждал, что запрет оправдан лишь тогда, когда общественной психологией и правосознанием та или иная разновидность отклоняющегося поведения воспринимается как требующая наказуемости¹⁹, то есть деяние «должно в значительной мере возмущать привычные чувства общества, общественное мнение»²⁰. При этом необходимо учитывать, что в общественном мнении существуют как предрассудки, так и представления, зачастую отражающие объективные потребности и правильные тенденции действительности²¹. Последние формируются под влиянием единичных фактов жизни общества и индивида. Предрассудки общественного мнения являются существенной частью общественного сознания и не могут быть отброшены в процессе законотворчества, в противном случае могут наступить те же последствия, что и при игнорировании всех представлений и идей, составляющих общественное мнение²².

¹⁸ Сайтаева Т.И. Языковая природа социальных стереотипов // Социальная онтология: конструктивно-герменевтический подход : сб. науч. ст. / под общ. ред. О.Н. Бушмакиной, М.Л. Дерябина, Н.Б. Поляковой, А.А. Шадрина. Ижевск, 2011. С. 147.

¹⁹ См.: Коробеев А.И. Советская уголовная политика, проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. С. 94.

²⁰ Кенни К. Основы уголовного права. М., 1949. С. 27.

²¹ См.: Антонов А.Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 99.

²² См.: Полубинская С.В. Учет социально-психологических обстоятельств при объявлении деяний преступными // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981. С. 64; Николаев А.М. Криминализация общественно опасных деяний, граничащих со сферой административных правонарушений (Основания и направления совершенствования) : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004.

Мы всецело разделяем точку зрения, что совершенствование законотворчества требует не только изучения личности депутата, проведения психологической экспертизы и психологического прогнозирования законопроектов, но и исследования основных психологических явлений, процессов, состояний, их особенностей в законотворческой сфере²³, а также научно обоснованного единого психологического подхода к законотворческому процессу²⁴.

По понятным причинам законодательную дефектологию психология законотворчества интересуется в основном в аспекте факторов, условий и явлений, способствующих появлению в законодательстве множества дефектов, что само по себе предполагает рассмотрение возникающих вопросов в основном с критической точки зрения. Это означает, что те, кто занимается проблематикой законодательной дефектологии, не должны безоговорочно вставлять на ту или иную «позицию, поскольку их социальная функция состоит в том, чтобы вскрывать пороки, присущие любой системе, даже той, которой они симпатизируют»²⁵.

4.1.2. Депутатский (чиновничий) аутизм

Психология законодателя разворачивается в разных планах и системах. Ее анализ предполагает раскрытие не только целостного иерархического строения различных психологических явлений, но и выявление системы их детерминант как психологических актов. С.Н. Братусь справедливо отмечал, что «процесс формирования юридических

²³ См.: Кибак И.А. Инновационная психотехнологическая модель законотворчества // Общество и право. 2011. № 5.

²⁴ См.: Кибак И.А. Психология законотворчества: проблемы и пути развития // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 2. С. 33.

²⁵ Лазарев В.В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1982. С. 6.

норм немислим вне психологических актов воли живых людей, предлагающих и утверждающих эти нормы. Право как совокупность юридических норм есть продукт сознательной деятельности тех представителей господствующего класса, которым принадлежат законодательные в широком смысле этого слова (то есть нормотворческие) функции»²⁶.

Осуществление принадлежащих известной группе людей функций по производству законодательных актов предполагает различие двойственной природы психологии законодателя, что связано с ее индивидуально-коллективным характером.

С одной стороны, законодатель — это индивид, сознание и поведение которого настолько сильно зависит от различных факторов, что он нередко оказывается не в силах освободиться от этой зависимости. Иногда он может не понимать своего зависимого положения, продолжая думать, что действует свободно. В отдельных случаях энергия такой зависимости начинает превышать энергию личностного «я» и она становится патологической, разрушает отношения с другими людьми, личностные и общественные связи. При этом зависимый индивид остается способным создавать вокруг себя психозенергетическое поле, в область которого могут попадать люди, с которыми он связан отношениями²⁷. Имеющее нередко место

²⁶ Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947. С. 18.

²⁷ Подробнее об этом см.: Арсеньев А.С. О проблеме свободы и зависимости человека современной цивилизации: философский очерк. Развитие личности М., 2005. С. 43–75; Еремин А.Л. Влияние информационной среды на здоровье населения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2000. № 6. С. 21–24; Менделевич В.Д., Садыкова Р.Г. Зависимость как психологический и психопатологический феномен (проблемы диагностики и дифференциации) // Вестник клинической психологии. 2003. Т. 1. № 2. С. 153–158.

интуитивное понимание некоторыми индивидами своей некомпетентности в столь важной сфере деятельности, какой является законотворчество, может порождать у них экзистенциальный страх. Его источником является известное противопоставление субъекта-законотворца и объекта-законодательства. Индивид сознает, что законодателем он будет не вечно, в связи с чем является одновременно и субъектом и объектом законодательного регулирования²⁸, на качество которого в силу отмеченной выше зависимости он повлиять не может.

С другой стороны, законодатель — это коллективный субъект. Здесь также наблюдается двойственность, которая «заключена в его субъектно-объектной природе. Он социален и автономен; не только общество влияет на него, но и он оказывает воздействие на общество»²⁹. Даже если при изучении негативных результатов законотворчества мы будем основываться на презумпции, согласно которой не следует приписывать злumu умыслу то, что вполне можно объяснить человеческой глупостью³⁰ (Бритва Хенлона), то и в этом случае ситуация не становится лучше.

²⁸ Подробнее об этом см.: Гайденко П.П. Экзистенциализм // Новая философская энциклопедия. 2-е изд. М., 2010; Лесевицкий А.В. Конфликт индивидуального и социального в экзистенциальной философии Ф.М. Достоевского : монография. Пермь, 2011; Мэй Р. Открытие Бытия. М., 2004; Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989; Сидоров А.Н. Жан-Поль Сартр и либертарный социализм во Франции (50–70-е гг. XX в.). Иркутск, 2006; Экзистенциальная психология. Экзистенция / пер. с англ. М. Занадворова, Ю. Овчинниковой. М., 2001.

²⁹ Алексеева Л.В. Методология подхода к субъектным возможностям человека в юридически значимой ситуации // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М., 2017. С. 49.

³⁰ Более емко эту мысль выразил В. Пелевин: «Миром правит не тайная лажа, а явная лажа». См.: Наринская А. Виктор Пелевин: Миром правит явная лажа // Эксперт. 1999. № 11.

Вопрос о неэффективном правлении непрофессионалов поднимался еще античными мыслителями³¹. Но и сегодня некоторых до разочарования удивляет уровень профессионализма, значимости установок целеполагания инициаторов и разработчиков проектов законов, что выводит в широком смысле на проблему деятельности по созданию правовых норм³². В качестве первопричины ошибок указываются пробелы в знаниях³³, что позволяет констатировать «неутешительный уровень юридической техники отечественного законодателя, который уже давно стал притчей во языцех»³⁴.

Полагаем, что дело не только в низкой компетентности и недостатке знаний. Можно предположить, что в основе подхода, допускающего появление дефектов в общих положениях законов, лежит психолого-политологическое явление, которое мы определяем как депутатский (чиновничий) аутизм. Именно его следствием является «своеобразное аутистическое расстройство правовой системы. Как и в медицине, аутизм правовой системы не представляет собой однородную коллизию, за ним следует целый спектр патологий права»³⁵.

Депутатский (чиновничий) аутизм — это обусловленное индивидуально-коллективным характером законотворчества ценностно негативное, а потому деструктивное мышление и поведение отдельных индивидов и (или)

³¹ См., например: Платон. Законы. М., 2001.

³² См.: Горохов Д.Б., Горохова Ю.В. Животные и растения — субъекты права по законодательству Российской Федерации: констатация абсурда или научное открытие? // Адвокат. 2016. № 11. С. 5–20.

³³ См.: Поляков С.Б. Дефекты законодательства и правоприменительной практики как предмет юридической науки // Российский юридический журнал. 2017. № 1.

³⁴ Курц Н. К вопросу об уровне юридической техники // ЭЖ-Юрист. 2016. № 36. С. 9.

³⁵ Синюков В.Н. Законодательство в России: проблемы социальной интеграции // Lex russica. 2018. № 10. С. 18–29.

их групп, характеризующееся выраженными недостатками социального взаимодействия и общения, нарушенной коммуникацией, нередко гиперактивностью и дефицитом концентрации внимания, а также ограниченными интересами и повторяющимися действиями.

Таким образом, мы рассматриваем депутатский (чиновничий) аутизм, с одной стороны, как деструктивное мышление отдельного человека, что может являться следствием психолого-личностного дефекта, и его поведение, являющееся следствием недостатков названного мышления, а с другой — как групповое мышление и поведение. Это предполагает рассмотрение индивидуальных и групповых характеристик депутатского (чиновничьего) аутизма.

4.1.2.1. Индивидуальный депутатский (чиновничий) аутизм

Сущность индивидуального депутатского (чиновничьего) аутизма проявляется в том, что «субъект становится регистратором “всевластных фактов” и конструктором (идеального) мира в соответствии с ними. Отсюда — прямой путь к торжеству натуралистического субъективизма, утверждающего, что нет объекта вне ощущения»³⁶.

Если рассматривать депутатский (чиновничий) аутизм как психолого-личностный дефект, то он может иметь сложную интегративную структуру и подразделяется на структурно однородные «монотетические» формы изменения структуры личности: дисгармонию личностного склада либо деформацию структуры личности³⁷. Анализируя динамику этого дефекта, можно заметить, что интегра-

³⁶ Библер В.С. На гранях логики культуры. М., 1997. С. 61.

³⁷ См.: Janzarik W. Basisstörungen: Eine Revision mit strukturdynamischen Mitteln // Der Nervenarzt. 1983. Bd. 54. S. 122–130.

ция личностных изменений осуществляется неодинаково. Видоизменение проявлений, происходящее в процессе их развития, не ограничивается искажением и нивелировкой отдельных личностных черт, а может происходить по типу личностного сдвига, сопровождающегося тотальной перестройкой характерологических свойств. В крайних (завершенных) вариантах происходит образование иного, иногда в значительной степени ущербного, склада «новой» личности. Напротив, в его начальных вариантах можно встретиться с фактором, лежащим «за пределами сознания и самосознания, в области ощущений, которые, как известно, отражают явления природы, не всегда правильно интерпретируемые аппаратом сознания»³⁸.

Характерным свойством депутатского (чиновничьего) аутизма может являться склонность к образованию так называемых сверхценных идей, во власти которых эти люди оказываются. Такие идеи оказывают доминирующее влияние на их поведение. Сверхценные идеи можно определить как убеждения, которые приобретают чрезмерно важное значение, в связи с чем занимают неподобающе большое место в сознании человека и деструктивно влияют на его поступки. Самой важной такой сверхценной идеей обычно является мысль об особом значении собственной личности и выполняемой индивидом миссии. Соответственно этому основными чертами таких людей являются эгоизм, постоянное самодовольство и чрезмерное самомнение. Окружающая действительность имеет для них значение и интерес лишь постольку, поскольку она касается их лично. Все, что не имеет к ним близкого отношения, кажется им мало заслуживающим внимания и малоинтересным³⁹. По определению К. Ясперса, «сверхценные идеи — это убеждения, сильно акцентированные

³⁸ Гумилев Л.Н. Полное собрание сочинений. М., 2018. С. 106.

³⁹ См.: Ганнушкин П.Б. Избранные труды. М., 1964. С. 292.

благодаря аффекту, который может быть понят в свете характерологических качеств данной личности и ее истории. Под воздействием этого сильного аффекта личность отождествляет себя с идеями, которые в итоге ошибочно принимаются за истинные. В психологическом аспекте упорное нежелание отказываться от сверхценных идей не отличается от научной приверженности истине или страстной политической или этической убежденности. Различие между этими феноменами состоит только в ложности сверхценных идей»⁴⁰.

В.А. Жмуров⁴¹ отмечает, что эмоциональная охваченность сверхценными идеями выражается:

во-первых, в том, что любое препятствие к осуществлению последних вызывает бурные эмоции протеста⁴², возмущения, гнева, а нередко и агрессии⁴³;

во-вторых, в типично поразительном упорстве в реализации сверхценных мотивов, когда ситуации фрустрации⁴⁴ не останавливают, а, напротив, только прибавляют уверенности в своей правоте и сил в деятельности⁴⁵;

⁴⁰ Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997. С. 1056.

⁴¹ См.: Жмуров В.А. Введение в клиническую психиатрию. М., 2009.

⁴² Бурные эмоции протеста можно проиллюстрировать следующим: «Когда члены синедриона увидели, что они лишены права решать вопрос жизни и смерти, ими овладел ужасный испуг и отчаяние. Они посыпали головы пеплом и облачились во вретиче, причитая: “Горе нам! Скипетр Иуды отошел от нас, а Мессия еще не пришел!”». Цит. по: Meldau F.J. Messiah in Both Testaments. Denver. 1956. P. 30.

⁴³ См.: Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 1997.

⁴⁴ Фрустрация — состояние, возникающее в реальной или предполагаемой ситуации несоответствия желаний имеющимся возможностям. См.: Левитов Н.Д. Фрустрация как один из видов психических состояний // Вопросы психологии. 1967. № 6.

⁴⁵ См.: Зейгарник Б.В. Патология мышления. М., 1962; Сумбаев И.С. О клиническом значении болезненных предчувствий и ожиданий // Проблемы общей психопатологии. Иркутск, 1958.

в-третьих, в том, что сверхценные идеи переживаются как очень приятные, чрезвычайно привлекательные и имеющие глубокий личный смысл⁴⁶.

Очевидно, что уверенность в особом значении собственной личности, чувство собственного величия, осознание значимости, избранности и мессианского значения всего, чем бы он ни занимался, может быть характеристикой не только чиновника. В качестве сверхценной идеи это может присутствовать и у других представителей социума. Однако если в отношении не имеющего государственно-властных полномочий человека подобные проявления могут вызывать лишь сожаление и усмешку, то у лиц, облеченных властью, они неприемлемы и нетерпимы.

Аутистическое мышление может быть связано с когнитивными нарушениями, то есть неадекватными, не имеющими достаточных объективных оснований, убеждениями, и ориентировано на удовлетворение собственных желаний, в связи с чем может быть рассмотрено как «мышление, которое определяется лишь желаниями»⁴⁷.

В отдельных случаях депутатский (чиновничий) аутизм может быть полной противоположностью реалистического и логического мышления, что выражается в снижении способности связно и структурированно излагать свои мысли. Нередко такой человек может много говорить, показывая затруднения в способности выделять главное и второстепенное, путая целое и его части и т. д., что создает «мощное мерцание неопределенности»⁴⁸. По В.А. Жмурову, в подобных случаях картина расстройств понятий может включать:

- неадекватность содержания понятий, то есть включение в понятие каких-то случайных признаков либо, напротив, исключение релевантных;

⁴⁶ См.: Изард К.Э. Психология эмоций. СПб., 1999.

⁴⁷ Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа. СПб., 1995.

⁴⁸ Пелевин В.О. iPhuck 10. М., 2018.

- нарушение тождества понятий, то есть различие идентичных понятий по каким-то несущественным признакам;
- нарушение соподчинения понятий, то есть восприятие одного понятия, включенного в состав другого, как самостоятельного, никак не связанного со вторым;
- нарушение различения пересекающихся понятий, то есть восприятие понятий с общими признаками как одинаковых либо как совершенно разных;
- нарушение различения полярных понятий, то есть противоположные понятия разграничиваются так, что они не включаются в состав другого, общего для них;
- редукцию понятий, то есть отождествление содержания простого понятия с содержанием более сложного понятия, низведение сложного к простому или нормального к аномальному;
- complication понятий, то есть обеднение содержания сложного понятия до содержания более простого понятия, возведение простого к сложному, болезненного к нормальному⁴⁹.

В результате подобного употребления понятий получается, что если какая-то логика в речах индивида и присутствует, то она либо имеет рекурсивный характер, либо перескакивает с предмета на предмет, с темы на тему, либо отвлекается на несущественные детали, которые могут быть никак не связаны как с ранее изложенным, так и друг с другом и т. д. Все это обычно изречается с видом Моисея, который только что спустился с известной горы и теперь открывает слушателям божественное откровение. Э. Блейлер отмечает следующие признаки аутистического мышления:

1. Алогичность, при которой могут отсутствовать не только логика, но и вообще какие бы то ни было регуляр-

⁴⁹ См.: Жмуров В.А. Введение в клиническую психиатрию. М., 2009.

ные правила движения мысли. При этом мысли могут находиться в противоречии как с действительностью, так и между собой.

2. Кататимность, при которой мышление становится образным, не всегда контролируемым и направляется исключительно желаниями и опасениями индивида, не считающегося с реальностью. Содержание мысленных образов при этом таково, что оно воспринимается индивидом как полностью отвечающее его потребностям, в чем бы они ни состояли.

3. Символизм, при котором из всего содержания понятия как бы выхватывается лишь его малая и далеко не самая существенная часть, но именно она и представляет это понятие.

4. Утрата способности отличать воображаемое от реального⁵⁰.

Таким образом, в основе аутизма лежит мышление, связанное с уходом от действительности и здравого смысла⁵¹ и имеющее тенденцию к символическим замещениям и сгущениям. Они «могут не верить в реальность своего опыта, не верят во что-то видимое, вовсе отказываются принимать случайности. В любом состоянии, особенно в период кризиса, появляется вера в некий вымышленный

---

⁵⁰ См.: Блейлер Э. Аутистическое мышление. Одесса, 1927.

⁵¹ Здравый смысл — совокупность взглядов, навыков, форм мышления, выработанных и используемых человеком в повседневной практической деятельности, которые разделяют почти все люди и которые можно разумно ожидать от почти всех людей без необходимости обсуждения. См.: Гирц К. Здравый смысл как культурная система // Неприкосновенный запас. 2007. № 4(54); Здравый смысл // Словарь общенаучных терминов / под ред. В.В. Шабанова. М., 2007; Мур Дж. В защиту здравого смысла. М., 1925; Эткинд А.М., Ярошевский М.Г. Здравый смысл // Социальная психология : словарь / под ред. М.Ю. Кондратьева. М., 2006.

мир»⁵². Депутатский аутизм игнорирует, что голосование за тот или иной закон — это непосредственное вторжение в жизнь миллионов людей, что для парламентария люди — та нива, на которой и трудятся данные депутаты⁵³. Ему неведомо, что в настоящее время происходит сдвиг от «голосоцентричных» к «диалогоцентричным» теориям демократии⁵⁴, что демократия, понимаемая только как голосование, «не может соответствовать нормам демократической легитимности»⁵⁵. Они не знают и не хотят знать, что, «конструируя социальную теорию, социальный субъект реконструирует собственную идентичность, опосредуя ее всей полнотой областей самопредставленности социальной реальности»⁵⁶.

Некоторым из них в определенной мере свойственна потеря контакта с реальностью, они не заботятся о внешнем мире и живут в своем воображаемом мире⁵⁷. Подобное «самозаточение в собственном изолированном мире» концентрируется на собственных фантазиях и желаниях. Оно характеризуется отсутствием способности различать реальность как таковую и учитывать ее должным образом⁵⁸. Они прекращают или существенно ограничивают

---

⁵² Сорокина Ю.В. Идеология и политическая власть // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2010. № 1. С. 86.

⁵³ См.: Гаррис Р. Школа адвокатуры: Руководство к ведению гражданских и уголовных дел. М., 2008. С. 21.

⁵⁴ См.: Современная политическая философия: введение / пер. с англ. С. Моисеева. М., 2010. С. 370–371.

⁵⁵ Там же. С. 370.

⁵⁶ Касимов М.О. Организация поля социального в топологических структурах // Социальная онтология: конструктивно-герменевтический подход. Серия «Научные школы» : сб. науч. ст. / под общ. ред. О.Н. Бушмакиной, М.Л. Дерябина, Н.Б. Поляковой, А.А. Шадрина. Ижевск, 2011. С. 62.

⁵⁷ См.: Блейлер Э. Руководство по психиатрии. СПб., 1920.

⁵⁸ См.: Ясперс К. Общая психопатология / пер. с нем. Л.О. Акопяна. М., 1997.

информационный обмен с реальным миром, что приводит к заточению в мире личных переживаний⁵⁹. Ввиду того, что субъект способен осознавать собственную ангажированность, он может дистанцироваться от «здорового смысла», растворенного в повседневности⁶⁰.

В некоторых случаях это приводит к полному отрыву как от реальности и своего собственного жизненного опыта⁶¹, так и от здорового смысла. С.М. Корсунский описывает такой мир как особый аффективно построенный, не зависящий от логических законов, являющийся продуктом ослабления логического мышления и мыслящий желания осуществленными⁶². Следствием этого нередко становится ненормальность выбора цели или средств для ее достижения⁶³. «Такая бессмысленность сродни безумию или исключению рациональности из познавательного процесса. Сам познавательный процесс исключается из рассмотрения, превращается в безумное продуцирование, репродуцирование и перепродуцирование. Не случайно речь заходит о материалистической психиатрии,

---

⁵⁹ См.: Кемпинский А. Психология шизофрении / пер. с пол. А.А. Боричев. СПб., 1998.

⁶⁰ См.: Колбин Д.А. Социальное пространство в структурах негативности // Социальная онтология: конструктивно-герменевтический подход. Серия «Научные школы»: сб. науч. ст. / под общ. ред. О.Н. Бушмакиной, М.Л. Дерябина, Н.Б. Поляковой, А.А. Шадрина. Ижевск, 2011. С. 76.

⁶¹ См.: Смулевич А.Б., Воробьев В.Ю. Психопатология шизофренического дефекта (к построению интегративной модели негативных изменений) // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 1988. № 9. С. 100–105.

⁶² См.: Корсунский С.М. К отграничению понятия «аутизм» // Сборник работ психиатрической больницы им. П.П. Кащенко. Т. 1. М.; Л., 1934. С. 159–178.

⁶³ См.: Красильников Г.Т. Об аутистическом синдроме при шизофрении // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 1991. № 7. С. 87–89.

в поле которой и находится лишенный самоидентичности субъект»⁶⁴.

Для таких людей все препятствия реальности лишены объективности⁶⁵. Они игнорируют то обстоятельство, что даже самые возвышенные руководящие идеи имеют свойство много терять в своей мудрости при столкновении с реалиями практической реализации. Их могут характеризовать: равнодушие, совмещенное с выраженной боязливостью, и одновременно с этим — холод и враждебность, дополненные бурным желанием быть оставленными в покое⁶⁶; недоступность; отрыв от окружающей действительности и потеря здравого смысла; прогрессирующая безынициативность и отсутствие заинтересованности в событиях окружающей жизни; потеря всякого интереса к окружающей действительности, контактности и стимулов к деятельности.

Эти характеристики позволяют им формулировать определенного рода языковые схемы, штампы, клише, ярлыки и образы, которые «играют роль не вспомогательного средства донесения знания, а выступают в качестве высшей истины, истины в последней инстанции»⁶⁷. При этом для некоторых из них уже нет ни всеобщей цели, ни общего блага. Соответственно, изменяется характер того, что принято считать ценностями, а «цель труда из внеш-

---

⁶⁴ Колчина В.А. Субъект-шизофреник в философском дискурсе Ж. Делеза и Ф. Гваттари // Социальная онтология: конструктивно-герменевтический подход. Серия «Научные школы» : сб. науч. ст. / под общ. ред. О.Н. Бушмакиной, М.Л. Дерябина, Н.Б. Поляковой, А.А. Шадрина. Ижевск, 2011. С. 77.

⁶⁵ См.: Эдельштейн А.О. Исходные состояния шизофрении. М., 1938.

⁶⁶ См.: Кречмер Э. Строение тела и характер. Исследования по проблеме конституции и теории темпераментов / пер. с нем. Г.Я. Тартаковский. М., 2015.

⁶⁷ Сорокина Ю.В. Идеология и политическая власть // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2010. № 1. С. 88.

ней (общее благо) превращается во внутреннюю (процесс получения удовольствия)»⁶⁸.

В отличие от обычных людей, у отдельных чиновников эти устремления нередко сопровождаются агрессивной наглостью, дешевым прагматизмом, потерявшей разумные границы страстью к популизму и желанием хоть как-то выделиться. При этом «наблюдающийся в настоящее время процесс размывания норм поведения наглядно представлен наличием в речевой деятельности коммуникантов все возрастающего количества инвективов»^{69,70}. Для них собственные «аргументы имеют объективный смысл, и они практически не могут представить себе, что они — выражение политических целей определенных групп. Отсутствие критического сознания есть общая черта как тех, кто находится под влиянием идеологии, так и самих идеологов»⁷¹. Им чужды мысли, что «социальный порядок базируется на осознании естественных прав человека и их рефлексивных социальных форм и на справедливом распределении задач между всеми субъектами, индивидуальными и коллективными», которые «выпол-

⁶⁸ Кардинская С.В. Самоопределение социального порядка в структурах философского дискурса // Социальная онтология: конструктивно-герменевтический подход. Серия «Научные школы»: сб. науч. ст. / под общ. ред. О.Н. Бушмакиной, М.Л. Дерябина, Н.Б. Поляковой, А.А. Шадрина. Ижевск, 2011. С. 48.

⁶⁹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 87.

⁷⁰ Инвектива — социальная дискредитация кого-либо посредством вербального или письменного оскорбительного сообщения. См.: Матвеева Т.В. Лексическая экспрессивность в языке. Свердловск, 1986; Митин А.Н. Тот, кто первым обругал соперника, заложил основы современной цивилизации // Бизнес, менеджмент и право. 2009. № 3(20); Солнцева Н.В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этно-семантическом аспекте. Омск, 2004; Шарифуллин Б.Я. Речевая инвектива на рандеву лингвистики и юриспруденции: Pro et contra // Юрислингвистика. 2005. № 6.

⁷¹ Санистебан Л. С. Основы политической науки. М., 1992. С. 63.

няют свои роли в соответствии со взаимосвязью свободы и ответственности»⁷².

Изложенное может быть связано с историческими особенностями российской государственной службы. Как известно, в России издавна так повелось, что на «государевой службе» следует показывать особенное усердие, при котором «лучше перегнуть, чем недогнуть». При этом мотивы таких перегибов могут различаться в зависимости от типа личности. Так, среди российской номенклатуры до сих пор встречаются цельные, целеустремленные натуры, о которых говорят «прост как правда»⁷³. Для них «парламент не место для дискуссий». Именно о таких натурах писал поэт: «Гвозди б делать из этих людей: крепче б не было в мире гвоздей»⁷⁴. Нельзя отрицать и существования среди российских чиновников тех, кто любит «у покровителей зевать на потолок, явиться помолчать, пошаркать, пообедать, подставить стул, поднять платок», для которых, «чтоб чины добыть, есть многие каналы»⁷⁵. Не менее известен и другой тип чиновников, характеризуя административные качества которого М.Е. Салтыков-Щедрин писал: «...он поражал расторопностью и какую-то неслыханной административной въедчивостью... Днем он, как муха, мелькал по городу, наблюдая, чтоб обыватели имели бодрый и веселый вид; ночью — тушил пожары, делал фальшивые тревоги и вообще заставлял врасплох»⁷⁶.

⁷² Donati P. *Relational Sociology: A New Paradigm for the Social Sciences*. London and New York, 2011. P. 57.

⁷³ Выражение заимствовано из очерка М. Горького «В.И. Ленин». Обычно так говорят о ком-либо, кто излишне прост — часто в ущерб себе и окружающим. См.: *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений*. М., 2003.

⁷⁴ Из стихотворения Николая Тихонова «Баллада о гвоздях» (1919).

⁷⁵ Грибоедов А.С. *Горе от ума* : комедия в четырех действиях в стихах. М., 2008.

⁷⁶ Салтыков-Щедрин М.Е. *История одного города* // *Собрание сочинений* : в 20 т. Т. 8. М., 1969. С. 333–334.

В отдельных случаях индивидуальный депутатский (чиновничий) аутизм приобретает хронический характер, для которого свойственно постепенное развитие логически построенных монотематических систематизированных идей⁷⁷ (обычно это касается чиновников в преклонном возрасте). При этом возможно прогрессирование негативных симптомов и изменений личности (нарастание апатии, абулии, снижения энергетического потенциала и исхода в эмоционально-волевой дефект), но нарушения восприятия могут и отсутствовать⁷⁸. Тех, у кого отсутствуют нарушения восприятия, отличает целенаправленное, упорядоченное, последовательное и в какой-то степени предсказуемое поведение⁷⁹. В классическом представлении люди, депутатский аутизм которых приобретает хронический характер, могут отличаться подозрительностью, склонностью видеть в случайных событиях происки врагов, выстраивать сложные теории заговоров против себя, сохраняя в другом логичность мышления. При этом содержание негативно оцениваемых ими ситуаций часто включает много элементов реальности, формально правдоподобно связанных с представлениями, либо основывается на них⁸⁰.

⁷⁷ См.: Гуськов В.С. Терминологический словарь психиатра / под ред. Г.И. Плессо. М., 1965. С. 121; Стоименов Й.А., Стоименова М.Й., Коева П.Й. и др. Психиатрический энциклопедический словарь. Киев, 2003. С. 660–661; Тиганов А.С., Снежневский А.В., Орловская Д.Д. и др. Паранойяльная шизофрения и проблема паранойи // Руководство по психиатрии : в 2 т. / под ред. А.С. Тиганова. М., 1999. Т. 1. С. 461–463.

⁷⁸ См.: Всемирная организация здравоохранения. Раздел V «Международной статистической классификации болезней, травм и причин смерти 9-го пересмотра», адаптированный для использования в СССР. М., 1983. С. 34; Оксфордский толковый словарь общей медицины. 2002.

⁷⁹ См.: Жмуров В.А. Психиатрия. М., 2018.

⁸⁰ См.: Гиляровский В.А. Психиатрия. Руководство для врачей и студентов. М., 1954; Марилев В.В. Общая психопатология. М., 2002; Смулевич А.Б. Проблема паранойи. М., 1972.

4.1.2.2. Групповой депутатский (чиновничий) аутизм

Индивидуальный депутатский (чиновничий) аутизм преобразуется в групповой вследствие того, что «дискурс социокультурного взаимодействия... предполагает наличие общего стиля поведения, интересов и целей коммуникантов»⁸¹. В процессе такого взаимодействия «призма всеобщих и необходимых категорий интеллекта сменяется другой “призмой” — “парадигм” и коллективных иллюзий. Конструкция становится социальной, но остается при этом “конструкцией”, которую отделяет от “реальности” непреодолимая пропасть»⁸². В силу этого характерной особенностью внутренней логики группового депутатского (чиновничьего) аутизма является сущностная необходимость в наличии противоречий. Это связано с необходимостью подстраиваться под требования текущего момента, так как «если допущены два противоречащих друг другу высказывания, то по необходимости допустимы какие угодно высказывания... ведь логически мы вправе выводить из пары противоречащих высказываний все что угодно»⁸³.

Представителям группового депутатского (чиновничьего) аутизма (далее — они) помогает подстраиваться под сиюминутные интересы то обстоятельство, что свои мысли они выражают естественным языком. Сложность проблемы логической формы в естественном языке заключается в том, что, в отличие от языка логики, логическая форма выражений языка не дана на поверхностном уровне, а за тождественностью поверхностной грамматической формы выражений скрываются фундаментальные

⁸¹ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

⁸² Бибахин ВВ. Диалектическая мысль в современной науке // Диалектика и ее критики. М., 1996. С. 1–2.

⁸³ См.: Поппер К. Что такое диалектика // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 118–138.

логические различия⁸⁴. В связи с этим Р.И. Павиленис обращает внимание на наличие в речи закономерностей рекурсивного порождения, при которых из конечного множества исходных элементов возможно производить бесконечное множество выражений⁸⁵.

Поведение и мышление, определяемое как групповой депутатский (чиновничий) аутизм, обусловлено восприятием аномальностей властвующих субъектов как психологического превосходства над управляемыми⁸⁶; дефектами политической воли и неправомерными желаниями «токсичных руководителей и исполнителей в государственном управлении»⁸⁷; небрежностью, пристрастностью, некомпетентностью, злоупотреблением правом⁸⁸ и выражается в подстраивании законотворческой работы под сиюминутные конъюнктурные (в том числе партийно-политические) цели и сугубо узкие интересы⁸⁹.

Будучи сплоченными в единую массу, представители группового депутатского (чиновничьего) аутизма «никогда не дают себя убеждать доказательствами. Массам нужны утверждения. При этом утверждения только тогда воспринимаются массами, когда высказывающий их обладает личным значительным обаянием»⁹⁰. Ими овладевает желание уйти от реальности, потому что благодаря своей сущностной неприкаянности они все больше испытывают

⁸⁴ См.: Ладенко И.С. Интеллект и логика. Красноярск, 1985.

⁸⁵ См.: Павиленис Р.И. Проблема смысла. М., 1983

⁸⁶ См.: Потестарность: генезис и эволюция / под ред. В.А. Попова. СПб., 1997.

⁸⁷ См.: Понкин И.В. Теория девиантологии государственного управления: Неопределенности, риски, дефекты, дисфункции и провалы в государственном управлении. М., 2016. С. 188–203.

⁸⁸ См.: Бахрах Д.Н., Российский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право : учеб. для вузов. 2-е изд. М., 2005. С. 161.

⁸⁹ См.: Понкин И.В. Теория антикризисного государственного управления // Право и управление. XXI век. 2014. № 4(33). С. 37–43.

⁹⁰ Лебон Г. Психология народов и масс. М., 2008. С. 95.

тоску по выдуманному миру⁹¹. В связи с этим «принцип нигилизации, внесенный в социальный дискурс, предъясняет социальное бытие на пределе безразличия, когда утрачивается индивидуальная различенность»⁹².

Подобные чиновники присваивают себе право воздействовать на все сферы жизни общества: «...от процесса завоевания умов народа и элит до права в собственном ключе формировать прошлое, обосновывать настоящее и ориентировать в желаемое будущее»⁹³. По мнению Тоффлера, будущее определяется «истэблишментом», а потому создаются жесткие истины, порождаемые технологией, ее закономерностями, которые никто не в силах отменить⁹⁴. При этом «граница как феномен, существующий между “своим” и “чужим”, не становится объектом анализа»⁹⁵. В связи с этим «принцип “о чем нельзя говорить, о том следует молчать” становится очень привлекательным»⁹⁶, и каждый из них может заявить: «Я не в состоянии отделить свое переживание жизни от способа, которым я его выражаю»⁹⁷.

⁹¹ См.: Хевеши М. А. Толпа, массы, политика. М., 2001.

⁹² Колбин Д.А. Социальное пространство в структурах негативности // Социальная онтология: конструктивно-герменевтический подход. Серия «Научные школы»: сб. науч. ст. / под общ. ред. О.Н. Бушмакиной, М.Л. Дерябина, Н.Б. Поляковой, А.А. Шадрина. Ижевск, 2011. С. 71.

⁹³ Кологривова И. В. Политический язык как идеологический компонент политического процесса в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Воронеж, 2009. С. 18.

⁹⁴ См.: Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1999. С. 28–33.

⁹⁵ Колбин Д.А. Социальное пространство в структурах негативности // Социальная онтология: конструктивно-герменевтический подход. Сер. «Научные школы»: сб. науч. ст. / под общ. ред. О.Н. Бушмакиной, М.Л. Дерябина, Н.Б. Поляковой, А.А. Шадрина. Ижевск, 2011. С. 73.

⁹⁶ Гирц К. Искусство как культурная система // Социологическое обозрение. Т. 9. 2010. № 2. С. 32.

⁹⁷ Goldwater R., Treves M. Artists on Art. New York, 1945. P. 410.

Людьми, ориентированным только на прагматику и политические действия, нередко свойственно пренебрегать всем, что касается системы внутренних общественных реакций на что бы то ни было⁹⁸. Групповая принадлежность для них является «самоценностью, что и объясняет тот факт, что индивиды зачастую предпочитают действовать в группе так, как если бы они не действовали в одиночку»⁹⁹. Эти люди живут в мире, который полон их осуществленными желаниями и идеями. Выдуманный ими мир для них более реален, чем мир действительный. «То, во что для нас лучше верить, — истинно», — характеризовал подобное мышление У. Джеймс¹⁰⁰. Не случайно Е.О. Руева отмечает, что в настоящее время наблюдается создание законов на основе приоритета сиюминутных интересов над принципами законности, справедливости, гуманизма и демократии¹⁰¹.

Их «идеология пытается окружить положительным ореолом определенные политические действия, внушить своим сторонникам, что они выполняют свой долг, а не реализуют интересы определенной социальной группы. Кроме того, внушение, что определенные действия есть выполнение долга, имеет результатом то, что те, кто таким образом исполняет свой долг, освобождаются в опре-

---

⁹⁸ См.: Зорькин В. Доверие и право // Российская газета. 2013. № 93(6069). 29 апр.

⁹⁹ Давыдов В.А. Социальная идентичность: теория рационального выбора как альтернативный подход к концептуализации // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 2. С. 141.

¹⁰⁰ Джеймс У. Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления // Популярные лекции по философии / пер. с англ. Изд. 3-е. М., 2011.

¹⁰¹ См.: Руева Е.О. Актуальные проблемы нормотворческой юридической техники на примере КоАП РФ // Административное право и процесс. 2017. № 8. С. 20–24.

деленных случаях от чувства вины»¹⁰². Поэтому они убеждены, что их устремления представляют собой «не циничную ложь, используемую с целью защиты определенных интересов, а естественную форму, в которой группы и классы осознают свое положение в социальной действительности»¹⁰³.

Они рассматривают государство как высшую ценность и являются основой «для формирования идеологии государственности, которая нередко перерастает в культ государства и государственной власти»¹⁰⁴. Как справедливо отмечает Л.Е. Лаптева, «лейтмотив этой идеологии — порядок и национальная безопасность, во имя которых можно и нужно жертвовать интересами частных лиц»¹⁰⁵. Их мышление угнетено, так как не «обретает свободу на пределе собственного существования»¹⁰⁶ и не приемлет мысль, что «доминирование права над политикой, политической властью — непреложный принцип современной культуры»¹⁰⁷. Такое «мышление обнаруживает себя в тот момент, когда оказывается выброшенным на поверхность языка. Языковой континуум в высказывании распрямля-

---

¹⁰² Сорокина Ю.В. Идеология и политическая власть // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2010. № 1. С. 89–90.

¹⁰³ Санистебан Л. С. Основы политической науки. М., 1992. С. 65.

¹⁰⁴ См.: Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. С. 153.

¹⁰⁵ См.: Лаптева Л.Е. Традиция «оставления идеи права» в российской истории // Кризис права: История и современность / под общ. ред. В.Н. Денисова, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова. СПб., 2018. С. 45.

¹⁰⁶ Шадрин А.А. Принцип субъект-объектного тождества: от Ф. Шеллинга к М. Хайдеггеру и далее // Социальная онтология: конструктивно-герменевтический подход. Сер. «Научные школы» : сб. науч. ст. / под общ. ред. О.Н. Бушмакиной, М.Л. Дерябина, Н.Б. Поляковой, А.А. Шадрина. Ижевск, 2011. С. 5.

¹⁰⁷ Тихонравов Ю.В. Основы философии права. М., 1997. С. 341.

ется в определенную дискурсивную последовательность, которая также возникает мгновенно»¹⁰⁸.

В ряде случаев речь может идти об индуцировании нужных в данный момент представлений в сознание групп законодателей. Дефекты законодательства инициируются их источником (индуктором), который в силу известных причин имеет авторитет для реципиентов (индуцируемых или индуцированных лиц) дефектной законодательной фабулы. Обязательным условием такой индукции является достаточно тесная психическая связь реципиента с индуктором дефектной законодательной нормы, что не всегда предполагает личный контакт или близкое знакомство. Достаточно знания, что соответствующие идеи и указания поступили из известной администрации, которая в качестве индуктора всегда обладает необходимым и достаточным авторитетом в глазах реципиента.

Как правило, в подобных случаях индуцируемое лицо либо обладает повышенной внушаемостью, либо недостаточно критически осмысливает идеи, с которыми знакомится, в связи с чем повторяет чужие фабулы как истину в конечной инстанции. Отсутствие критического отношения существенным образом связано с тем, что «...Федеральное собрание — это сегодня законодательный орган для популярных, известных...»¹⁰⁹, спортсменов, актрис, деятелей культуры, «докторов рабочих наук» и т. д. Несмотря на то, что они никогда не имели ничего обще-

---

¹⁰⁸ Шадрин А.А. Принцип субъект-объектного тождества: от Ф. Шеллинга к М. Хайдеггеру и далее // Социальная онтология: конструктивно-герменевтический подход. Сер. «Научные школы»: сб. науч. ст. / под общ. ред. О.Н. Бушмакиной, М.Л. Дерябина, Н.Б. Поляковой, А.А. Шадрина. Ижевск, 2011. С. 9.

¹⁰⁹ См.: Киричек Е.В. Федеральное собрание Российской Федерации — на страже прав и свобод человека и гражданина: парадигмы и противоречия организации и деятельности // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 4. С. 28–33.

го с государственным управлением, они, тем не менее, каждый раз, решая, как голосовать, выбирают, каким быть обществу и государству. По сравнению с индуктором законодательных дефектов индуцированные лица могут отличаться еще большим упорством и еще более яркой аффективной окраской в отстаивании индуцированных им положений, которые не поддаются логическому осмыслению или критическому разъяснению. В некоторых случаях в изложении реципиента индуцированный законодательный дефект может становиться более близким к реальности и правдоподобным.

В любом случае основу индуцирования законодательных дефектов составляют внушаемость в сочетании с недостаточным уровнем компетентности, образования, а в отдельных случаях и интеллекта. Последнее весьма творчески прокомментировал С.А. Авакьян: «Обращаясь к нашей материи, можно сказать: гуманно оставляя в стороне физические недостатки творцов законов, очень бы хотелось надеяться на то, что они не имеют недостатков психических, а также умственных, а все упирается в проблемы подготовленности законодателей»¹¹⁰.

Несмотря на то что дефектная законодательная фабула в описываемых ситуациях примитивна, однотипна для ряда подобных случаев и не имеет развития, рассматриваемая группа может испытывать грандиозные чувства и считать, что в силу того, что они такие известные и уважаемые, вместе они обладают невероятными возможностями¹¹¹.

---

¹¹⁰ Авакьян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8.

¹¹¹ Подробнее об этом см.: Всемирная организация здравоохранения. Класс V: Психические расстройства и расстройства поведения (F00–F99) (адаптированный для использования в Российской Федерации). Ч. 1 // Международная классификация болезней (10-й пе-

В результате наступает состояние «горизонтального тоталитаризма», когда «насилие не институализировано во властных структурах, а как бы разлито в воздухе»¹¹². Все это демонстрирует единообразие и непреложную повторяемость человеческих страстей, мотивов и побуждений. В связи с этим не стоит удивляться результатам исследований, где в рейтинге верховенства права Россия продолжает оставаться в конце списка рядом с Филиппинами и Эквадором¹¹³. При этом социологические исследования неизменно показывают рост числа респондентов, считающих, что уровень соблюдения прав человека в стране можно оценить скорее негативно¹¹⁴. Поэтому «в современных социально-философских исследованиях констатация утраты осмысленного идеологического дискурса, распад целого социального дискурса, кризис доверия привели к постановке вопроса о новом осмыслении власти»¹¹⁵. Как верно подметил В.В. Путин, «любая несправедливость и неправда воспринимаются очень остро. Это вообще особенность нашей культуры. Общество ре-

---

респотр). Ростов н/Д, 1999. С. 136–137; Попов Ю.В., Вид В.Д. Современная клиническая психиатрия. М., 1997; Психиатрия / под ред. Н.Г. Незнанова, Ю.А. Александровского, Л.М. Барденштейна, В.Д. Вида, В.Н. Краснова, Ю.В. Попова. М., 2009.

¹¹² Кара-Мурза В. Г. Манипуляция сознанием. М., 2000. С. 237.

¹¹³ WJP Rule of Law Index 2019. URL: https://worldjusticeproject.org/sites/default/files/documents/WJP-ROLI-2019-Single%20Page%20View-Reduced_0.pdf

¹¹⁴ См.: Доклад уполномоченного по правам человека в РФ за 2018 г. // СПС КонсультантПлюс; Доклад о деятельности уполномоченного по правам человека в РФ за 2017 г. // Российская газета. 2018. 17 апр.; Доклад о деятельности уполномоченного по правам человека в РФ за 2016 г. // Российская газета. 2017. 17 мая.

¹¹⁵ Полякова Н.Б. Онтология власти в поле социального // Социальная онтология: конструктивно-герменевтический подход. Сер. «Научные школы»: сб. науч. ст. / под общ. ред. О.Н. Бушмакиной, М.Л. Деярбина, Н.Б. Поляковой, А.А. Шадрина. Ижевск, 2011. С. 114.

шительно отторгает спесь, хамство, высокомерие и эгоизм, от кого бы все это ни исходило»¹¹⁶.

Автор в своей практической деятельности неоднократно сталкивался с проявлениями депутатского (чиновничьего) аутизма, когда тебя вроде бы слушают, иногда внешне соглашаются с приведенными доводами, предоставляют слово на заседаниях рабочих групп или профильных комитетов, но бездумно следуют поступившим «сверху» указаниям, в результате чего законодательство становится сиюминутным, пристрастным и некомпетентным.

Своеобразие таких моментов может состоять в том, что внимание как отдельных депутатов (чиновников), так и их групп часто рассеивается на несущественные детали, обсуждению которых уделяется особое внимание. Попытки перевести дискуссию на обсуждение важных вопросов в таких случаях оказываются тщетными. Они как будто не обращают на присутствующих никакого внимания, не дают ориентировочных реакций и как бы не реагируют на поступающие извне сигналы. В беседах они могут небрежно отвечать на вопросы, оставлять их без внимания, не обнаруживают никакого интереса к обсуждению важных и значимых проблем. При этом, как указывает В.А. Гиляровский, одновременно с ослаблением активного внимания пассивное внимание может сохраняться на достаточно высоком уровне¹¹⁷.

Лежащие в основе группового депутатского (чиновничьего) аутизма психолого-политологические установки и моральные воззрения представляют собой «феномен, который обозначает совокупность идей, мифов, преданий, политических лозунгов, программных документов поли-

¹¹⁶ Парламентская газета. 2016. № 45. 2 авг.

¹¹⁷ См.: Гиляровский В.А. Психиатрия. М., 1954.

тических партий, философских концепций»¹¹⁸. Этот феномен характеризует известную группу людей и обладает особыми признаками, к числу которых относятся:

1) идеализм, так как воплощает превратно понятые идеалы, которые мало соотносятся с реальным положением дел;

2) иллюзорность, так как под воздействием этого феномена вся группа и каждый ее член подвергаются порождаемым их социальной жизнью иллюзиям, которые затем превращаются в особые формы сознания;

3) культовость, так как предполагает распространение догматов, вменение связанных с ними обязанностей и внедрение в умы веру в их истинность;

4) коллективизм, так как адресуется не только к конкретному субъекту, а имеет своим основным адресатом всю группу, в связи с чем является силой, объединяющей ее членов, откуда потом все это транслируется на все общество;

5) фразеологичность, так как имеет собственный специфический, состоящий из соответствующих лозунгов и фраз язык, который применяется членами группы для отстаивания своих взглядов («борьба идеологий — это борьба фраз»¹¹⁹) и внедряется в массовое сознание;

6) жесткая структура, которую З. Бауман обозначает как «жесткую современность», метафорой которой является корпорация с конвейерным производством¹²⁰.

Примером проявления группового депутатского (чиновничьего) аутизма может послужить обсуждение законодательной инициативы, предусматривающей введение на законодательном уровне государственного регули-

¹¹⁸ Всемирная энциклопедия. Философия. М. ; Харьков, 2001. С. 386.

¹¹⁹ Сорокина Ю.В. Идеология и политическая власть // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2010. № 1. С. 87.

¹²⁰ См.: Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008. С. 64.

рования стоимости услуг бюро кредитных историй при предоставлении кредиторам сведений о долговой нагрузке заемщиков. Банк России в дополнение к своим и без того необъятным полномочиям решил заняться еще и регулированием цен на услуги, оказываемые одними коммерческими организациями другим коммерческим организациям.

Здесь уместно вспомнить В.А. Нисканена, который на основе эмпирического опыта описал не только стремление бюрократии увеличивать бюджетное финансирование собственной деятельности, но и желание чиновников расширять зону собственной ответственности. По его мнению, «если в течение ряда лет растраты совершенно очевидны, но при этом не вызывают политической реакции, то следует допустить, что эти растраты, по-видимому, служат каким-либо другим политическим целям». Объясняет он это тем, что «одной из таких целей может быть расширение дискреционного бюджета, т. е. объема средств, находящегося в распоряжении бюрократической единицы и нуждающегося в соответствующей легитимации (объяснении или даже оправдании)»¹²¹.

Автор неоднократно подчеркивал, что государство не вправе регулировать стоимость услуг, оказываемых одними коммерческими организациями другим коммерческим организациям. Введение подобного регулирования представляет собой грубое насилие над Конституцией РФ, гражданским законодательством и обычаями делового оборота, которое осуществляется с особой дерзостью и цинизмом. Никто и не пытался нас опровергать. В ответ мы услышали лишь сомнительное «Не мы первые — не мы последние».

---

¹²¹ Нисканен В.А. Пересмотр // Вехи экономической мысли. Т. 4 / под ред. А.П. Заостровцева. СПб., 2004. С. 555.

Подобное законодательное регулирование в качестве ответной реакции может получить так называемую «работу по правилам», то есть одну из форм протеста (наряду с саботажем), при которой сотрудники регулируемых организаций предельно строго исполняют возложенные на них обязанности и правила, ни на шаг не отступая от них и не выходя за их пределы. Такой метод обструкции решений регулятора может быть весьма эффективен, так как работать строго по регуляторным инструкциям зачастую невозможно. Это связано с бюрократическим характером регуляторных указаний, их отрывом от практики, невозможностью учесть в них все нюансы деятельности, нередко с некомпетентностью сотрудников регулирующих органов. Такая форма протеста может привести к существенному спаду, а в отдельных случаях и к коллапсу в соответствующей сфере регулирования. Протест в таких случаях правомерен. Как верно отмечается в литературе, от поспешных, грубых, ложных, политически конъюнктурных, квазиправовых принципов нормальный человек дистанцируется, отчуждается, действует по самоустановленным принципам в соответствии со своим личностным убеждением¹²².

4.1.3. Законодательные симулякры

Описанный выше подход и лежащее в его основе мышление приводят к появлению в специальных законах множества положений, воспринимаемых как законодательные симулякры. Напомним, что «симулякр — это псевдовещь, замещающая “агонизирующую реальность” постреальностью посредством симуляции»¹²³. Ж. Бодрийяр выделяет

¹²² См.: Чернобель Г.Т. Правовые принципы как идеологическая парадигма // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 84–94.

¹²³ Маньковская Н.В. Эстетика постмодерна. СПб., 2000. С. 60.

четыре этапа появления симулякров: 1-й — отражение базовой реальности; 2-й — последующее искажение и маскировка данной реальности; 3-й — подлог реальности и сокрытие непосредственного отсутствия реальности (где больше нет модели); 4-й — полная утрата всякой связи с реальностью, переход из строя обозначения (видимости) в строй симуляции¹²⁴. По Ж. Бодрийяру, «отражение глубинной реальности сменяется ее извращением, затем маскировкой ее отсутствия и, наконец, утратой какой-либо связи с реальностью, заменой смысла образом отсутствующей действительности — симулякром»¹²⁵.

4.1.3.1. Понятие и примеры законодательных симулякров

Законодательный симулякр — это совокупность положений и предписаний специального законодательства, которые маскируются под существующие базовые законодательные институты, симулируют их, но в связи с отсутствием необходимых свойств (критериев, условий) и наличием свойств (критериев, условий), которых у последних быть не может, являются лишь их законодательными имитациями (симуляциями).

Законодательные симулякры представляют собой репрезентации правовых явлений, которых в нормальном законодательстве не может существовать. По сути, они — подлог существующих базовых законодательных институтов, так как в них явно угадывается намерение скрыть

¹²⁴ См.: Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было / пер. с фр. А. Качалова. М., 2016; Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с англ. А. Качалова. М., 2015; Печенкина О.А. Этика симулякров Жана Бодрийяра (анализ постмодернистской рецепции этического). Тула, 2006.

¹²⁵ Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / пер. с фр. Н. Сулова. Екатеринбург, 2006. С. 69.

отсутствие необходимых свойств (критериев, условий) соответствующих институтов и завуалировать наличие лишних свойств (критериев, условий). При этом такие лишние свойства (критерии, условия) зачастую входят в прямое противоречие с необходимыми свойствами (критериями, условиями) соответствующих базовых институтов. В законодательном симулякре индивид (особенно, если он предприниматель) всегда «существует как пустой лингвистический субъект дискурсивного производства, как знак, не имеющий смысла. Как пустой знак среди других пустых знаков, он не имеет различий. Его неразличенность задается в пустом, бессмысленном существовании как пространстве объектности»¹²⁶.

В данном случае можно говорить о деинституционализации законодательства, что означает процесс замены надлежащих законодательных институтов законодательными симулякрами. Исследователи выделяют три основные причины деинституционализации: функциональную, политическую и социальную. Изменения властных предпочтений постепенно трансформируют общественное сознание, что формирует новые правила поведения. В некоторых случаях деинституционализация проявляется в социальном пространстве в виде институционального распада, то есть процесса формирования из общих правил поведения ситуационных интерпретаций (институциональных исключений)¹²⁷. Названный тренд позволяет

---

¹²⁶ Зеленина А.А. Конструирование идентификационного дискурса в синтаксисе кроссирующего субъекта // Социальная онтология: конструктивно-герменевтический подход. Сер. «Научные школы»: сб. науч. ст. / под общ. ред. О.Н. Бушмакиной, М.Л. Дерябина, Н.Б. Поляковой, А.А. Шадрина. Ижевск, 2011. С. 35.

¹²⁷ См.: Барбашин М.Ю. Институты и идентичность: методологические возможности теории институционального распада в современных социальных исследованиях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII. № 4(75). С. 178–188.

отнести Россию к тем правовым порядкам, которые пытаются имитировать внедрение «современных» принципов и процедур в законодательство и правоприменительную практику. Это особенно важно помнить при прогнозировании дальнейшего развития российского публичного права¹²⁸.

Ярким *примером* законодательного симулякра является предусмотренная Законом № 123-ФЗ автономная некоммерческая организация «Служба обеспечения деятельности финансового уполномоченного». ГК РФ и Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» однозначно определяют, что автономная некоммерческая организация может быть учреждена только на основе *добровольных* имущественных взносов. Вступая в противоречие с изложенным, Закон № 123-ФЗ предусматривает учреждение такой организации на основе обязательных в силу закона имущественных взносов Банка России и ее функционирование за счет обязательных взносов финансовых организаций¹²⁹. Подход, который предполагает, с одной стороны, финансирование выполнения функции государства по защите прав потребителей услуг за счет якобы свободных участников гражданского оборота, а с другой — существование множества государственных корпораций, которые зачастую совмещают государственно-властные функции с коммерческой деятельностью, красноречиво свидетельствует о многом.

Другим, не менее ярким, *примером* законодательного симулякра могут послужить предусмотренные Законом № 123-ФЗ взносы финансовых организаций, кото-

---

¹²⁸ См.: Давыдов В.К. Принципы современного административного права // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2019. № 4. С. 146.

¹²⁹ См.: Викулин А.Ю. Начала теории законодательной дефектологии. М., 2019. С. 130–132.

рые имитируют и симулируют добровольные взносы, на основе которых в соответствии с Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» только и может быть создана автономная некоммерческая организация. Предусмотренные Законом № 123-ФЗ взносы финансовых организаций таковыми не являются в силу своего публичного характера и связанной с этим обязательности.

Указанные взносы формируют Фонд финансирования деятельности финансового уполномоченного (п. 2 ч. 1 ст. 10; ч. 6 ст. 11), принадлежащий на праве собственности Службе обеспечения деятельности финансового уполномоченного (ч. 3 ст. 10), которая является автономной некоммерческой организацией, учрежденной Банком России (ч. 1 ст. 9).

Имитация и симуляция проявляются в том, что положения Закона № 123-ФЗ якобы выводят рассматриваемые взносы из сферы действия ст. 57 Конституции РФ и развивающих ее правовых позиций Конституционного суда об условиях надлежащего установления обязательных платежей. Закон изложен так, чтобы ни у кого не могло возникнуть даже малейшего подозрения о подобии предусмотренных им взносов платежам, предусмотренным НК РФ. Но обязательные взносы и платежи — это понятия НК РФ, в связи с чем Конституционный суд неоднократно указывал на необходимость соблюдения баланса частных и публичных интересов при регулировании вопросов, связанных с налогообложением¹³⁰. Неоднозначность норм Закона № 123-ФЗ об обязательных взносах финансовых организаций ведет к не согласующемуся с конституционным принципом правового государства произвольному и дискриминационному их применению и, следовательно,

---

¹³⁰ См. Постановление Конституционного суда РФ от 14 июля 2005 г. № 9-П.

к нарушению конституционного принципа юридического равенства и вытекающего из него требования равенства организаций при обложении обязательными платежами.

Содержащийся в Законе № 123-ФЗ законодательный симулякр «взносы финансовых организаций» представляет собой дефект, предполагающий произвольное установление публичных платежей (обязательных взносов), и проявляется в том, что указанные платежи:

- не основаны на принципах всеобщности и равенства обложения обязательных в силу закона публичных взносов (платежей);
- прямо предусматривают установление дифференцированных ставок по основаниям, не предусмотренным Конституцией РФ (в зависимости от вида финансовой организации, а также вида договоров, заключенных финансовой организацией с потребителями финансовых услуг);
- носят дискриминационный характер и будут применяться различно и выборочно, исходя из критерия вида деятельности и иных не предусмотренных Конституцией РФ критериев;
- не имеют экономического основания, составляя при этом одну из основных статей доходов Службы обеспечения деятельности финансового уполномоченного;
- являются не только произвольно установленными, но и могут ежеквартально меняться в зависимости от усмотрения Совета Службы финансового уполномоченного;
- препятствуют реализации финансовыми организациями своих конституционных прав;
- могут при определенных обстоятельствах нарушать единое экономическое пространство Российской Федерации и, в частности, прямо или косвенно ограничивать свободное перемещение в пределах террито-

рии Российской Федерации финансовых услуг и (или) финансовых средств;

- ограничивают и (или) создают препятствия для не за- прещенной законом экономической деятельности фи- нансовых организаций.

Кроме того, Закон № 123-ФЗ:

1) не сформулирован таким образом, чтобы каждый точно знал, какие взносы он должен платить;

2) не содержит порядка обжалования решений Совета Службы финансового уполномоченного об определении размера дифференцированной ставки взносов финансо- вых организаций;

3) не содержит порядка обжалования действий (без- действия) должностных лиц службы обеспечения деятель- ности финансового уполномоченного.

Следует особо подчеркнуть, что установленный Зако- ном № 123-ФЗ порядок, предусматривающий превраще- ние исполнения почетной обязанности по защите прав и законных интересов потребителей финансовых услуг в источник дохода Службы финансового уполномоченно- го, противоречит ч. 3 ст. 35 Конституции РФ, которая не предусматривает лишение кого-либо имущества по реше- нию Совета Службы финансового уполномоченного.

4.1.3.2. Аксиология, причины и последствия законодательных симулякров

Аксиология законодательных симулякров основана на отрицании идей правового государства и верховенства права, а также наличия у государственной власти границ, обусловленных существованием сферы автономии част- ных лиц, защищаемой с помощью конституционных прав и свобод. В литературе справедливо указывается, что по- добная незащищенность вступает в противоречие с кон-

ституционными принципами свободы экономической деятельности и свободы договоров, дестабилизирует гражданский оборот, подрывает доверие его участников друг к другу, что несовместимо с основами конституционного строя Российской Федерации как правового государства, в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита — обязанность государства¹³¹.

Появление законодательных симулякров приводит к тому, что для обычного человека законодательство становится объектом, который характеризуется как «неуловимый, неразделимый внутри и тем самым недоступный анализу, извечно переменчивый, обратимый, ироничный, обманчивый, забавляющийся всевозможными манипуляциями»¹³². Допуская появление законодательных симулякров, «мы погружаемся в хаос событий, коими вполне управляет слепой случай и где шаткость последствий отвечает совершенно непостоянству начал»¹³³. В результате сначала законодательство, а затем и правоприменение превращают реальность в гиперреальность¹³⁴,

¹³¹ См.: Гаджиев Г. Принципы права и право из принципов // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2.

¹³² Macgregor J. Wise Exploring Technology and Social Space. New York, 1997. P. 255.

¹³³ Орлов М.Ф. О государственном кредите. У истоков финансового права. М., 1998. С. 334.

¹³⁴ Гиперреальность — термин, описывающий феномен симуляции действительности, а также неспособности сознания отличить реальность от фантазии. См.: Бартов А.А. Философия современного искусства: создание гиперреальности и деконструкция культуры // Нева. 2004. № 11; Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000; Закирова Т.В., Кашин В.В. Концепция виртуальной реальности Жана Бодрийяра // Вестник ОГУ. 2012. № 7. Июль; Литвинцева Г.Ю. Гиперреальность в эпоху постмодерна // Вестник СПбГУКИ. 2011. Июнь; Самарская Е.А. Бодрийяр Жан. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006; Щеглов А.Ф. (Анти)критика современных форм насилия Славоем Жижекком // Известия Алтайского государственного университета. 2014. Т. 1. Вып. 2(82). Январь.

то есть искусственную реальность, которая действует на настоящую реальность разрушающим образом и стремится стать ее подменой. Соотнесенность реальных отношений и явлений и их обозначений в законодательстве и правоприменительной практике в данном случае в существенной части отсутствует. Если реальность производит, то гиперреальность только симулирует. Законодательная гиперреальность, являясь системой социально дефектных фантазий, уничтожает реальное законодательство, словно обволакивая его путем создания огромного количества законодательных симулякров, которые и формируют эту гиперреальность, замещают собой подлинную законодательную реальность, деформируют общественные отношения и сознание.

Складывается ситуация, при которой законодательство становится трудно описать с помощью традиционного рационального научного инструментария. Законодательные симулякры становятся реальностями действующего законодательства, которые размывают значения современных событий, лишают людей памяти и стремления постичь истину. Фактически законодательные симулякры уничтожают всякую соотнесенность законодательства с необходимым положением дел, воздействуют на духовный и психический мир человека, на весь комплекс поведения людей и человеческой культуры.

Причины появления законодательных симулякров мы связываем в том числе с политическими факторами, негативное влияние которых на формирование, восприятие и воплощение в жизнь правовых явлений традиционно подчеркивается в литературе. Нельзя не согласиться с тем, что в политике главным является принцип целесообразности, который обычно вытесняет на задний план все подлинно правовое или низводит его до уровня пустых абстракций. Нормативы, взращенные политической идеологией — это не правовые нормативы. Как свидетельствует историче-

ский опыт, между правовой и политической идеологией не может быть парадигматической взаимодополняемости. Одно другое исключает. Политическая идеология зачастую выступает как дезорганизирующая сила в становлении и развитии тех или иных правовых процессов в системе общественных отношений¹³⁵.

Справедливо отмечается, что «подчас исчезает само представление о политике как целедостиженческой деятельности. Она симулируется сугубо прагматической целью сохранения или обретения властных полномочий — успехом локального уровня, не имеющего ничего общего ни с реализацией конкретных программ, ни даже с выполнением традиционных обещаний политиков народу. И притом появляются симулякры самих источников власти: возникают структуры с размытыми функциями, иногда даже никак легитимно не закрепленными»¹³⁶.

Ярким *примером* симулякра источника власти и структуры с размытыми функциями, в основе правового статуса которой лежит принцип неопределенности, является предусмотренная Законом № 123-ФЗ Служба финансового уполномоченного. Каких-либо положений, определяющих, что такое Служба финансового уполномоченного (лицо, орган либо что-то иное) и каково ее место в системе органов (организаций) или лиц Российской Федерации, названный Закон не содержит.

Анализ дефиниций, определяющих ее статус, позволяет утверждать, что перед нами семантический самодескриптивный парадокс¹³⁷, связанный с самореференцией

¹³⁵ См.: Чернобель Г.Т. Правовые принципы как идеологическая парадигма // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 84–94.

¹³⁶ Закирова Т.В., Кашин В.В. Концепция виртуальной реальности Жана Бодрийяра // Вестник ОГУ. 2012. № 7(143). С. 32.

¹³⁷ Подробнее об этом см.: Ивин А.А. Логика. М., 2002. С. 324–325; Grelling K. Bemerkungen zu den Paradoxien von Russell und Burali-Forti // Abhandlungen der Friesschen Schule II, 1908. P. 301–334;

(самоотносимостью), то есть явлением, которое возникает в системах высказываний в тех случаях, когда некое понятие ссылается само на себя. Иначе говоря, понятие «Служба финансового уполномоченного» является одновременно самой функцией и аргументом этой функции. Можно сколь угодно долго исследовать сущностные характеристики элементов, составляющих структуру Службы финансового уполномоченного, однако при попытке выйти за ее границы мы неизбежно столкнемся с проблемой отсутствия возможности установить место этой Службы в системе органов, организаций и (или) лиц России. Это заставит нас исследовать связи и отношения Службы с Президентом, Правительством, Банком России и иными упоминаемыми в Законе субъектами, но и здесь мы окажемся в тупике противоречия исследуемых социальных связей устойчивым правилам, существовавшим до принятия названного Закона и основанным на отождествимости субъектов, явлений и событий.

Если мы воспримем Закон № 123-ФЗ как инструкцию по определению статуса Службы финансового уполномоченного или составляющих ее элементов, то обнаружим, что перед нами парадоксальная инструкция, которая не может быть выполнена в полном объеме, так как вызывает рекурсивное заикливание, которое имеет тот же механизм, что и заикливающая компьютерная программа. При попытке «пройти» через некоторый рекурсивный объект находишь в нем самого себя, снова проходишь его, и так по кругу. Подобные смысловые конструкции не блокируются фильтрами проверки истинности, но могут быть заблокированы фильтрами веры. Иначе говоря, нам предлагают

Nelson L. Gesammelte Schriften III. Die kritische Methode in ihrer Bedeutung für die Wissenschaften. Hamburg, 1974. P. 95–127; Peckhaus V. Paradoxes in Göttingen / One hundred years of Russell's paradox: mathematics, logic, philosophy. Berlin, 2004. P. 501–516.

не искать логики в положениях Закона № 123-ФЗ, а просто поверить в него. В подобных случаях «власть как бы претендует на очередную порцию доверия к себе со стороны населения, дабы продолжать свои эксперименты столь же безнаказанно, сколь и неразумно»¹³⁸.

В итоге мы вынуждены поддержать мнение, что «принцип неопределенности распространился на право, политику и экономику»¹³⁹, что предполагает их индетерминацию¹⁴⁰. Нельзя не согласиться с тем, что в сознании наших граждан тот или иной законодательный акт зачастую воспринимается как акт, неадекватно отражающий их реальные потребности и интересы. По данным социологических исследований, правовая информированность граждан строится, главным образом, на знании ими общих правовых принципов при отсутствии детальной осведомленности о конкретных правовых предписаниях¹⁴¹. Законотворческие акции осуществляются порой в спешном порядке, без глубокой, всесторонней проработки назревших социальных проблем, их последовательной научной концептуализации, достаточной правовой обоснованно-

---

¹³⁸ Беляев М.А. Сверхрегулирование как симптом кризиса правовой системы // Кризис права: история и современность : монография / под общ. ред. В.В. Денисова, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова. СПб., 2018. С. 120–121.

¹³⁹ Закирова Т.В., Кашин В.В. Концепция виртуальной реальности Жана Бодрийера // Вестник ОГУ. 2012. № 7(143). С. 32.

¹⁴⁰ Индетерминизм — позиция, отрицающая либо объективность причинной связи (онтологический индетерминизм), либо познавательную значимость причинного объяснения в науке (методологический индетерминизм). См.: Лебедев С.А., Кудрявцев И.К. Детерминизм и индетерминизм в развитии естествознания // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2005. № 6. С. 3–20; Огурцов А.П. Индетерминизм // Новая философская энциклопедия. 2-е изд. М., 2010.

¹⁴¹ См.: Социология права / под ред. Ю.А. Тихомирова, В.П. Казимирчук. М., 1973. С. 72–73.

сти. Не искоренена практика келейной, скрытной выработки законодательных решений, среди которых много недодуманных, половинчатых¹⁴².

4.2. ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА

4.2.1. Правотворческая и законодательная политика

В настоящее время политологические аспекты законотвoрчества рассматриваются в основном с точки зрения определения политики и стратегии законотвoрчества в их соотношении друг с другом, с правотвoрчеством и правовой политикой государства. Так, встречаются следующие определения:

- М.Л. Давыдова, считает, что «правотворческая политика (стратегия) определяет конечные цели правового регулирования и общие пути их достижения (решение концептуальных вопросов — макроуровень). Юридическая техника отвечает за выбор и использование юридических средств достижения этих целей (выбор средств для решения конкретных задач — микроуровень)»¹⁴³.
- А.Ю. Лаврик и А.В. Малько утверждают, что правотворческая политика — это научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных органов и негосударственных структур, направленная на определение стратегии и тактики правотворчества

---

¹⁴² См.: Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией / Т.А. Едкова, О.А. Иванюк, А.В. Сороко и др. ; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2013.

¹⁴³ Давыдова М.Л. Правотворческая политика и юридическая техника: проблемы соотношения понятий // Правотворческая политика в современной России / под ред. А.В. Малько, Н.В. Исакова, А.П. Мазуренко. Саратов ; Минеральные Воды, 2009. С. 124.

- на различных уровнях общественной организации¹⁴⁴, цель которой — оптимизировать законотворчество¹⁴⁵.
- А.П. Мазуренко под правотворческой политикой понимает «особое явление политико-правовой действительности, выражающееся в научно обоснованной, планомерной и системной деятельности государственных органов и негосударственных структур, направленной на определение стратегии и тактики правотворчества, осуществляемой на различных уровнях правового регулирования...»¹⁴⁶.
  - С.В. Малюгин законодательную политику определяет как «направление юридической политики государства, представляющее научно обоснованную властно-управленческую деятельность субъектов законодательной власти, которая выступает методологической основой в реализации законотворческой функции государства по оформлению и закреплению политических решений, связанных с правом в форме принятия законов, в целях формирования и совершенствования правового воздействия государства на различные сферы жизнедеятельности общества»¹⁴⁷.

¹⁴⁴ См.: Лаврик А.Ю. Основные уровни реализации правотворческой политики в современной России // Правовая политика и правовая жизнь. 2008. № 3. С. 182; Малько А.В. Правотворческая политика как средство предупреждения и устранения ошибок в законодательстве // Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах / под ред. В.М. Баранова, И.М. Мацкевича. М., 2009. С. 32.

¹⁴⁵ См.: Малько А.В., Петров М.П., Суменков С.Ю. Законотворческая политика в субъектах Российской Федерации // Государство и право. 2010. № 9. С. 114.

¹⁴⁶ Мазуренко А.П. Правотворческая политика: понятие и соотношение со смежными юридическими категориями // Государство и право. 2010. № 4. С. 20.

¹⁴⁷ Малюгин С.В. Законодательная политика современного российского государства: понятие, основные характеристики и направления реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. С. 11.

- Ю.А. Титенко, В.Е. Трофимова рассматривают законодательную политику как «научно обоснованную, планомерную, системную деятельность субъектов законотворчества, направленную на определение и реализацию стратегии и тактики государства в сфере правового регулирования наиболее важных сфер общественных отношений»¹⁴⁸.

Кроме того, в литературе отмечается, что «правовая политика при всем многообразии характеристик и определений этого явления понимается и воспринимается в обществе именно как политика правотворческая»¹⁴⁹. При этом «наиболее важный приоритет правовой политики, реализуемой в сфере законотворчества, — это формирование механизма подготовки и реализации законов, ведущим компонентом которого является оценка эффективности законотворческого процесса в единстве и тесной связи с эффективностью действия принимаемых законов»¹⁵⁰. Справедливо указывается на значимость законотворческой стратегии как части правотворческой политики, заключающейся в том, что именно она является основой для планирования и прогнозирования законотворческой деятельности в соответствии с ее целями¹⁵¹. Утверждается необходимость «принципиально изменить подход к организации законотворчества, отказаться от практики, ори-

---

¹⁴⁸ Титенко Ю.А., Трофимова В.Е. Законодательная правовая политика: проблемы теории и практики // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2010. № 3. С. 116.

¹⁴⁹ Поленина С.В. Правотворческая политика // Российская правовая политика / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2003. С. 180.

¹⁵⁰ Исаков И.Н. Правовая политика и законотворчество субъектов Российской Федерации: теоретико-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 74.

¹⁵¹ Мазуренко А.П. Стратегия законотворчества и правотворческая политика: проблемы соотносимости // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 2. С. 75.

ентированной на принятие отдельных законов, и перейти к методологии формирования системы законодательства, создать постоянно действующие механизмы как общего характера, дающие системные ориентиры для всего законодательства, так и обеспечивающие системность каждой стадии жизненного цикла законов»¹⁵². Некоторые считают, что одним из признаков правовой природы основ конституционного строя является то, что они выступают ведущими конституционными ориентирами законотворческой политики государства¹⁵³.

Таким образом, в литературе внимание сегодня концентрируется в основном на том, как должно быть, а не на том, как есть на самом деле. Если бы мы имели своей целью презентовать состояние правовой политики в России иностранному читателю, то также обращали бы внимание только на достижения и позитивные стороны. Однако законодательная дефектология в силу своих сущностных особенностей нацелена на выявление и устранение имеющихся недостатков, в связи с чем требует критического подхода к рассматриваемым явлениям. Поэтому мы не вполне разделяем столь радужное отношение к сложившейся системе законотворчества и законотворческой политике и вполне согласны с тем, что негативное отношение общества к законотворчеству является одной из ключевых проблем¹⁵⁴.

---

¹⁵² Миронов С. Правовое поле у страны едино // Парламентская газета. 2002. 22 янв.

¹⁵³ См.: Кравец И.А. Конституционное право как метаотрасль: роль конституции и основ конституционного строя в межотраслевой гармонизации // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 3–8.

¹⁵⁴ См.: Фомичева О.А. Митинг и иные публичные мероприятия как форма законотворческой деятельности // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 10. С. 48–51.

4.2.2. Тенденции законодательной политики

Политическая критика законотворчества берет свое начало в критике парламентаризма, которая имеет глубокие исторические корни. Так, еще Н. Макиавелли отметил, что для победы в выборах нужна «удачливая хитрость»¹⁵⁵. Гегель наглядно демонстрировал порочность парламента на английском примере¹⁵⁶. Екатерина II, говоря о депутатах, «употребляла обыкновенно самые нелестные эпитеты, называя их “интриганамы, недостойными звания законодателей”, “канальями”, которых можно сравнить разве только с “маркизом Пугачевым”»¹⁵⁷. Руссо провозглашал невозможность выражения собственных интересов третьими лицами¹⁵⁸. Ницше¹⁵⁹, Спенсер¹⁶⁰ и Милль¹⁶¹ видели в парламенте зачатки новой тирании. Маркузе называл общество, в котором декларирующие свою оппозиционность партии на деле выступают лишь сателлитами текущего порядка, «обществом без оппозиции»¹⁶². Самыми яркими критиками представительной демократии всегда были анархисты¹⁶³, которые нашли основания для утверж-

¹⁵⁵ Макиавелли Н. Государь. Искусство войны. М., 2014. С. 53.

¹⁵⁶ См.: Гегель Г.В.Ф. Английский билль о реформе 1831 года. М., 1978.

¹⁵⁷ Цит. по: Бочкарев В.Н. Екатерина и Франция // Отечественная война и русское общество 1812–1912. М., 1912. Т. 1. С. 33.

¹⁵⁸ См.: Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. М., 1938.

¹⁵⁹ См.: Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. М., 2003.

¹⁶⁰ См.: Spencer H. The Man Versus The State. Idaho, 1960.

¹⁶¹ См.: Mill J. S. Considerations on Representative Government. Cambridge, 2010.

¹⁶² См.: Маркузе Г. Одномерный человек. М., 2003.

¹⁶³ См.: Бакунин М.А. Государственность и анархия. М., 2014; Кропоткин П.А. Речи бунтовщика / пер. с фр. Изд. 6-е. М., 2017. № 2; Кропоткин П.А. Что такое анархия? // П.А. Кропоткин. 27 ноября 1842 — 9 декабря 1922: к 80-летию со дня рождения : сб. ст. М., 1922; Прудон П.Ж. Французская демократия (о политической спо-

дений о том, что парламент — это «институт, в котором не выявляются общественные интересы, а лишь соревнуются устремления нескольких наиболее активных групп»¹⁶⁴. Самоограничение же власти им «представляется вывеской, камуфлирующей разрастание властных полномочий конституционных правительств даже по отношению к абсолютным монархиям»¹⁶⁵.

Затрагивая особенности российского законотворчества, представляется уместным вспомнить произнесенные сто лет назад слова В.А. Маклакова о том, что «беззакония составляют главную, самобытную черту русской государственности»¹⁶⁶. Под беззаконием, на наш взгляд, следует, помимо прочего, понимать и создание неправовых законов. Здесь мы руководствуемся мнением Н.С. Малеина, который подчеркивает, что «издание незаконного акта государством — это превышение власти, злоупотребление правом издавать властные постановления, это правонарушение в сфере правотворчества и правоприменения»¹⁶⁷. Поэтому высказываемое до сих пор за рубежом и поддерживаемое там в массовом сознании соображение о том, что идея главенства закона является для русских «такой же чуждой, как инопланетянин с Марса»¹⁶⁸, при всей его тенденциозности нельзя назвать абсолютно не обоснованным.

собности рабочих классов). Изд. 2-е. М., 2011; Прудон П.Ж. Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти М., 1998.

¹⁶⁴ Боровой А.А. Анархизм. М., 2011. С. 82.

¹⁶⁵ Боровой А.А. Революционное творчество и парламент. М., 1917. С. 27.

¹⁶⁶ Маклаков В.А. Произвол и законность // Права человека и правовая мысль России (XVIII — начало XIX в.) : антология. Курск, 2001. С. 268.

¹⁶⁷ Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. С. 23.

¹⁶⁸ Клэнси Т. Медведь и Дракон. М., 2006. Т. 1. С. 57.

Наличие подобных оценок порождает понятное желание у облеченных властью лиц издать побольше законов и сделать их такими, чтобы их главенство было удобным для власти. При этом игнорируется мнение ученых о том, что основная проблема заключается не в количестве юридических документов, а в том, чтобы они были увязаны в единую систему¹⁶⁹.

Наблюдаемая автономизация власти, ее известная отстраненность и отчуждение от общества нуждаются в наличии разного рода средств для манипулирования обществом. С определенного момента парламентская организация становится «автономным механизмом, который начинает преследовать уже исключительно личные интересы избранных туда лиц»¹⁷⁰. Здесь мы даже не будем углубляться в вопрос о «коррупции и круговой поруке чиновников, которые активно участвуют в бизнес-проектах»¹⁷¹. Мы вполне разделяем вывод о том, что «отчуждение, то есть взаимное недоверие между властью и обществом, — это исконная российская проблема»¹⁷².

Государство создает и поддерживает необходимый ему потенциал для выработки средств манипулирования, навязывая обществу удобные для себя правовые, поли-

---

¹⁶⁹ См.: Малько А.В., Шундииков К.В. Правовая политика современной России: цели и средства // Государство и право. 2001. № 7. С. 16; Малько А.В., Шундииков К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003. С. 217; Матузов Н.И., Малько А.В., Шундииков К.В. Правовая политика современной России: предлагаем проект концепции для обсуждения // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 1. С. 22; Шопина О.В. Система правовых актов: проблемы выстраивания // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. № 2. С. 76–77.

¹⁷⁰ Боровой А.А. Революционное творчество и парламент. М., 1917. С. 14.

¹⁷¹ Дорошков В.В. «Эпоха непрофессионалов» вместо «эры милосердия»? // Мировой судья. 2020. № 4. С. 3–10.

¹⁷² Зорькин В. Доверие и право // Российская газета. 2013. 29 апр.

тические, экономические и идейные конструкции путем придания им необходимых смыслов и целей. Проявляя свою сущность в отношениях «руководства, господства и подчинения»¹⁷³, власть определяет содержание общенародных интересов. Неразрывная связь государства с общенациональными интересами представляется и презентуется необходимой, естественной и единственно возможной. Для поддержки своего воспроизводства власть охотно пользуется аргументами «внутреннего суверенитета», «глубинного государства», которое неотделимо от «глубинного народа», а все институты системы «подчинены основной задаче — доверительному общению и взаимодействию верховного правителя с гражданами»¹⁷⁴. При этом право обозначения «национальных интересов» неизменно вверяется исключительно «уполномоченным» лицам и структурам, которые внедряют идеологические конструкции отождествления государства с Родиной, воплощения единения государства и общества как высшей ценности и т. п. Ангажированные авторы утверждают, что никто, кроме государства, не может задавать ориентиры национальной идентичности, в подтверждение чего актуализируется огромное множество (псевдо)мифов¹⁷⁵, иллюзий и манипулятивных приемов¹⁷⁶. Это связано в том

¹⁷³ Краткий словарь по социологии. М., 1989. С. 29.

¹⁷⁴ Сурков В. Долгое государство Путина // Независимая газета. 2019. 11 февр.

¹⁷⁵ В литературе отмечается, что «отличие мифов от иллюзий заключается в их противоположной временной направленности: миф рождается в прошлом, обусловлен прошлым и содержит версию прошедшего события; иллюзия преимущественно обращена в будущее, характеризует современные настроения и надежды своих носителей». См.: Барциц И.Н. Конституционные мифы и конституционные иллюзии. О героическом прошлом и лучшем будущем. М., 2018. С. 49.

¹⁷⁶ См.: Поздняков Э.А. Нация, национализм, национальные интересы. М., 1994; Поздняков Э.А. Геополитика. М., 1995.

числе и с тем, что «колоссальным ресурсом, порождающим закон, является область священного и религиозного»¹⁷⁷.

Необходимость манипулирования обществом обосновывается тем, что «кроме “материи” права есть еще и его “дух”, “аура”, “символы” и “образы”, которые не менее императивны и реальны, чем правоотношения и акты применения»¹⁷⁸. При этом отмечается, что «иррациональные элементы укоренены в самом существе и структуре права, идее права, норме и правоприменении... Миф, мистика и магия — основные символические формы, в которых право зарождается и от которых, несмотря на последующую его рационализацию, оно так и не в силах отказаться»¹⁷⁹.

Внедрение в общественное сознание нужных власти мифов, символов, образов и скреп придает ей сакральный характер¹⁸⁰, который необходим, так как «без сакральности принуждение не будет эффективно»¹⁸¹. Существенная роль подобных в широком смысле идей в развитии государства и законодательства отмечалась многими. Так, Ю.Д. Ильин применительно к истории государственности России пишет, что «не экономические процессы лежали в

¹⁷⁷ Исаев И.А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве. М., 2012. С. 5.

¹⁷⁸ Синуков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М., 2010. С. 67.

¹⁷⁹ Исаев И.А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве. М., 2012. С. 4.

¹⁸⁰ О сакральном см.: Беккер Г. Современная теория священного и светского и ее развитие// Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / под ред. Г. Беккера и А. Боскова. М., 1961; Жирар Р. Насилие и священное. М., 2000; Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М., 2003; Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб., 2008; Элиаде М.. Сакральное и профанное. М., 1994.

¹⁸¹ Берман Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 2008. С. 289.

основе социально-экономических изменений, а идеи»¹⁸². В.О. Ключевский отмечает, что «само общество — это уже идея, потому что общество начинает существовать с той минуты, как люди, его составляющие, начинают сознавать, что они — общество»¹⁸³. А.А. Ференс-Сороцкий справедливо утверждает: «Россия — идеократическое государство, и опровержение господствующих идей ведет к изменению существующего строя. Так что вовсе не материальный фактор, а идеи, которые господствуют в обществе, определяют его строй»¹⁸⁴. Б.Н. Чичерин полагает, что «устройство государства сообразно с его идеей составляет руководящее начало законодательной деятельности»¹⁸⁵.

На фоне внедрения в общественное сознание нужных власти идей и мифов законотворческая деятельность парламента подпадает под влияние лидирующих политических партий и правительства, подвержена администрированию¹⁸⁶. Цель такого администрирования состоит в том, чтобы сделать возможной автономную от общества политику, создавая авторитарные концепты, которые придавали бы ей смысл и убедительные, доступные для восприятия образы¹⁸⁷. Понимая подобным образом служение обществу, «государственная власть немало делает для того, чтобы воздействовать на него и даже использовать в своих интересах»¹⁸⁸. У государства «имеются материальные и символические ресурсы, чтобы навязать ка-

¹⁸² Ильин Ю.Д. Основы государства и религии. М., 1999. С. 93.

¹⁸³ Ключевский В.О. Соч. : в 9 т. Т. 1. М., 1987. С. 53.

¹⁸⁴ Ференс-Сороцкий А.А. О некоторых актуальных проблемах общей теории права // Правоведение. 2009. № 6. С. 28.

¹⁸⁵ Чичерин Б.Н. Общее государственное право. М., 2006. С. 34.

¹⁸⁶ См.: Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. 17-е изд. М., 2013.

¹⁸⁷ См.: Гирц К. Интерпретация культуры / пер. с англ. М., 2004.

¹⁸⁸ Сорокина Ю.В. Идеология и политическая власть // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2010. № 1. С. 84.

тегории и классификационные схемы»¹⁸⁹. Используя их, власть оперирует различными «идейно-дискурсивными ресурсами “исторической памяти” и “символической политики”, которые, как предполагается, могут помочь сохранить контроль над поведением большинства участников политического процесса и представлениями граждан о том, что их объединяет»¹⁹⁰.

В литературе в связи с этим наблюдается тенденция, не склонная позитивно оценивать настойчивые попытки политических администраторов эксплуатировать культуру и традиции для разрешения политических кризисов¹⁹¹. Подобный подход к государственной политике претендует на управление идентификациями участников политического процесса¹⁹². Бюрократии редко бывают нейтральными, они почти всегда подчиняются определенным привилегированным группам или благоприятствуют им больше, чем остальным¹⁹³. При этом, если одни авторы показывают, как такое благоприятствование проявляется на этапе рекрутинга служащих¹⁹⁴, то другие — рассматри-

---

¹⁸⁹ Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма / Герасимов И., Могильнер М., Семенов А. (ред.). Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010. С. 152.

¹⁹⁰ Телин К.О., Филимонов К.Г. Пробелы идентичности. Как и почему нация ускользает от государства // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 1. С. 36.

¹⁹¹ См.: Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / пер. с нем. Л.В. Воронин. М., 2010. С. 43.

¹⁹² См.: Филимонов К.Г. О конвергенции академических исследований и политических практик в «политике идентичности»: от эссенциализма к управлению идентификациями политических сообществ // Politbook. 2017. № 4. С. 162–178.

¹⁹³ См.: Гребер Д. Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии / пер. с англ. А.Л. Дунаева. М., 2016.

¹⁹⁴ См.: Portillo S., Bearfield D., Humphrey N. The Myth of Bureaucratic Neutrality: Institutionalized Inequity in Local Government Hiring. 2019. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0734371X19828431>

вают многочисленные механизмы «политизации» бюрократии¹⁹⁵.

В итоге государство пренебрегает обществом и «вытесняет “правлящий народ”, суверенитетом облечен не он, но “орган”, отражающий волю сильнейших»¹⁹⁶. По мнению А. Хоннета, выделяется три типа такого пренебрежения: изнасилование, лишение прав или исключение¹⁹⁷. К этому следует отнести со всей серьезностью, так как «одна из основных заслуг А. Хоннета состоит в том, что он, поставив акцент на формах пренебрежения и детально их проанализировав, создал условия возможности для выявления логики легитимации сопротивления (в том числе логики образования норм и квазиправовой легитимации преступных групп)»¹⁹⁸. Поэтому нередко можно встретить утверждения, что «в современных условиях государство начинает позиционировать себя как некая самостоятельная организация по отношению к обществу, отстраняясь тем самым от решения проблемы социального неравенства»¹⁹⁹.

Отдельного разговора заслуживает проблематика законодательного лоббизма. Общеизвестно, что депутат ста-

---

¹⁹⁵ См.: Hustedt T., Houlberg Salomonsen H. (2014). Ensuring Political Responsiveness: Politicization Mechanisms in Ministerial Bureaucracies // *International Review of Administrative Sciences*. 2014. Vol. 80. № 4. P. 555.

¹⁹⁶ Боровой А.А. Анархизм. М., 2011. С. 82.

¹⁹⁷ Цит. по: Денисенко В.В. Делегитимация права: причины и способы предотвращения // *Вестник ВГУ. Сер.: Право*. 2019. № 3. С. 33.

¹⁹⁸ Савин А.Э. Генезис нормативного социального порядка как философская проблема // *Мир человека: нормативное измерение-3. Рациональность и легитимность* : сб. трудов Междунар. науч. конф. Саратов, 2013. С. 131.

¹⁹⁹ Викторов А.Ш. Институты неравенства в современном обществе // *Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология*. 2019. № 25(1). С. 19.

новится «объектом лоббирования»²⁰⁰, когда формируется группа лиц, заинтересованных в принятии закона: для саморекламы, получения определенных благ от заинтересованных лиц, организаций и органов власти либо для использования законопроекта как предмета политического торга со своими политическими конкурентами, либо для блокирования своевременного рассмотрения и принятия иных проектов²⁰¹. Справедливо отмечается, что лоббизм способен оказывать воздействие на законотворческую деятельность в рамках интересов определенных промышленных, финансовых, национальных и других социальных групп²⁰². Лоббирующие механизмы в законотворческой деятельности часто обеспечивают потребности корпораций, политических группировок, даже отдельных территорий страны в ущерб интересам других территорий, но не гармоничное целостное развитие общества²⁰³. Видимо, правы те, кто предлагает в некоторых случаях рассматривать власть как «изменницу» некоего общественного договора²⁰⁴.

Все это осуществляется на фоне «интеллектуальной экспансии этатизма»²⁰⁵ не только в публично-правовую сферу, но и в сферу частно-правовых интересов. Такая экс-

²⁰⁰ Старостина И.А. Конституционно-правовые проблемы лоббизма в России и за рубежом // Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом / отв. ред. С.А. Авакьян. М., 2016. С. 133.

²⁰¹ См.: Ростокинский А.В. Проблемы реформирования уголовного законодательства в современной России // Российский следователь. 2016. № 21. С. 32–35.

²⁰² См.: Чухвичев Д.В. Законодательная техника. М., 2014. С. 196–202.

²⁰³ См.: Селюков А.Д. Вопросы методологии в познании финансово-правовых явлений // Финансовое право. 2015. № 8. С. 9–16.

²⁰⁴ См.: Салмин А.М. Современная демократия: очерки становления и развития. М., 2009. С. 298.

²⁰⁵ Исмаилов Б.И. Политико-правовые доктрины эпохи глобализации: монография. Ташкент, 2013.

пансия в силу устойчивой, хотя и необоснованной, веры в ее легитимность остается частым явлением российской правовой действительности. В связи с изложенным в литературе упоминаются экстравагантность и патология юридических конструкций²⁰⁶, патология и деструктивность правовой системы²⁰⁷, правовые патологии²⁰⁸, патология правового поведения²⁰⁹, патологии ценностей, ошибки в формировании иерархии которых могут быть названы аксиологическими дефектами²¹⁰.

Одной из таких патологий является законодательная патология, о которой упоминает В.И. Крусс²¹¹. Некоторые психологические характеристики, способствующие ее появлению, мы находим у А. Фернама, который, рассматривая денежную патологию, определяет ее как категорию, противоположную здравому отношению к деньгам. Для

---

²⁰⁶ См.: Муранов А.И. Прекращение производства в государственном суде, его обязанность направить стороны в арбитраж, пререкания о подсудности и патологии третейских соглашений: экстравагантность юридических конструкций в статье 8 «Арбитражное соглашение и предъявление иска по существу спора в суде» Закона РФ 1993 года «О международном коммерческом арбитраже» // Международный коммерческий арбитраж: современные проблемы и решения : сб. ст. / А.В. Асосков, М.П. Бардина, У.Э. Батлер и др. ; под ред. А.А. Костина. М., 2012.

²⁰⁷ См.: Морозова Л.А. Проблемы типологии юридических коллизий (современная трактовка) // *Lex russica*. 2017. № 6.

²⁰⁸ См.: Сулова Н.В. Дефекты в российском праве: постановка проблемы, научные подходы, понятие // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2.

²⁰⁹ См.: Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982; Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. М., 1966.

²¹⁰ См.: Кожокарь И.П. Аксиологические дефекты нормативной подсистемы механизма гражданско-правового регулирования // Право и экономика. 2016. № 8.

²¹¹ См.: Крусс В.И. Конституционализация фискально-экономических обязанностей в Российской Федерации : монография. М., 2017.

нее свойственны постоянное навязчивое беспокойство о деньгах, скрытность и лицемерие в отношении денег и связанных с ними тем, патологическая жадность или, напротив, расточительность и т. п. Нездоровое отношение к деньгам имеет различные виды, среди которых называется монетарный тип личности «деньги — власть», склонный к использованию денег для приобретения влияния, господства, контроля²¹².

4.2.3. Государственный супрематизм

Отчетливо наблюдаемое подозрительное, а иногда и откровенно враждебное отношение государства к частным интересам проявляется в экономическом интервенционизме²¹³ и дирижизме²¹⁴. Их цель — обеспечить преобладание государства в экономике путем чрезмерного вмешательства в рынки и осуществления ряда мероприятий, направленных на ограничение частного сектора.

Несмотря на замедление темпов экономического развития, предпринимательская деятельность рассматривается государством как сфера, для которой необходимо множество различных ограничений. Они служат государственным интересам, понимаемым с позиций, свойствен-

---

²¹² См.: Фернам А., Аргайл М. Деньги. Секреты психологии денег и финансового поведения. СПб., 2006.

²¹³ Интервенционизм — политика вмешательства государства в функционирование общества. См.: Маркович Д.Ж. Противоречия транзитивности постсоциалистических обществ // Социологические исследования. 2006. № 9; Хиггс Р. Кризис и Левиафан. Поворотные моменты роста американского правительства. М., 2010.

²¹⁴ Дирижизм — политика огосударствления экономики с использованием «крайних» форм и методов вмешательства государства в социально-экономические процессы общественного воспроизводства. См.: Экономико-математический словарь : словарь современной экономической науки. М., 2003.

ных российской разновидности этатизма. Здесь российский этатизм в известном смысле следует А. Шопенгауэру, который говорил, что «всякое ограничение способствует счастью»²¹⁵, которое понимается исключительно с позиции ложно трактуемого государственного интереса. Это осложняется давно и хорошо известным стремлением отечественных чиновников «тащить и не пущать»²¹⁶. Подобные устремления могут быть связаны с особенностями ментальности, которые издавна укоренились в нашей стране и составляют сердцевину российской государственной службы. Так, Екатерина II писала: «У нас были царствования жестокие, но мы всегда с трудом переносили лишь царствования слабые. Наш образ правления по своему складу требует энергии; если ее нет, то недовольство делается всеобщим»²¹⁷.

Множественные и энергичные административные ограничения играют важнейшую роль в обеспечении преобладания государственных (и не только) интересов над частными. Чтобы пояснить это, позволим себе привести отрывок из философской притчи Ф. Искандера «Кролики и удавы»:

Следует сказать, что в те далекие времена, которые мы взяли описывать, удавы не душили свою жертву, но, встретившись, или, вернее, сумев подстеречь ее на достаточно близком расстоянии, взглядом вызывали в ней то

²¹⁵ Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М., 2016. С. 158.

²¹⁶ Из рассказа Г.И. Успенского «Будка» (1868), в котором обязанности постового полицейского при будке, служащей ему укрытием от непогоды, «состояли в том, чтобы, во-первых, “тащить” и, во-вторых, “не пущать”; тащил он обыкновенно туда, куда решительно не желали попасть, а не пускал туда, куда этого смертельно желали». Это фраза является символом полицейского произвола и самоуправства.

²¹⁷ См.: Оснадцатый век. Исторический сборник, издаваемый Петром Бартеневым. Кн. 4. М., 1869. С. 299.

самое оцепенение, которое в простонародье именуется гипнозом.

— А что такое «гипнотизировать»? — стало быть, спросил юный удав.

— Точно ответить я затрудняюсь, — сказал Косой, хотя он не был косой, а был только одноглазый, — ...во всяком случае, если на кролика смотреть на достаточно близком расстоянии, он не должен шевелиться.

— А почему не должен? — удивился юный удав. — Я, например, чувствую, что они у меня иногда даже в животе шевелятся...

— В животе можно, — кивнул Косой, — только если он шевелится в нужном направлении.

По убеждению некоторых российских чиновников, они всегда должны иметь возможность «подстеречь свою жертву на достаточно близком расстоянии». И уж коль скоро это произошло, то одним своим вниманием они должны вызывать в ней оцепенение, которое если и может сопровождаться неким «шевелением», то только в нужном им направлении.

Нужным в таких случаях неизменно оказывается направление, которое прямо противоположно тому, где больше всех пострадал дворник дома № 5, который потерял еженощный заработок — ворот не было, нечего было открывать, и загулявшим жильцам не за что было отдавать свои гривенники²¹⁸. Надо полагать, что-то подобное имел в виду В.В. Путин, когда обращал внимание на «давление на бизнес со стороны некоторых представителей», в результате чего «часто разваливаются и успешные компании, у людей собственность отбирают»²¹⁹.

---

²¹⁸ См.: И. Ильф и Е. Петров. «Двенадцать стульев».

²¹⁹ См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации // Парламентская газета. 2016. № 45.

Таким образом, трудно не согласиться с тем, что «предпринимательская деятельность, по своей природе свободная, рассматривается с позиции публично-правовых начал. Это приводит к появлению общей тенденции правового регулирования, проявляющейся в подавлении частного права правом публичным, частных интересов — публичными»²²⁰. Особенно ярко эта тенденция проявилась в процессе так называемого «оздоровления» банковской системы, которое, по мнению облеченных властью лиц, «имеет только позитивные последствия»²²¹. Они как будто не заметили негативных последствий для миллионов физических и тысяч юридических лиц. Между тем эксперты отмечают, что потери российской экономики от «оздоровления» банковской системы составляли «до 700 млрд рублей ежегодно, причем основной удар приходился на долю бизнес-субъектов»²²². В других источниках указывается, что в результате деятельности Банка России по «оздоровлению» банковского рынка пострадали миллионы граждан и организаций, которые лишились более триллиона рублей своих сбережений²²³. Даже официальная статистика подтверждает рост числа бедных, неизменно преуменьшая эти данные из-за погрешностей в сборе информации. Если бы оценивались не доходы населения, а «недоступные человеку товары и услуги при его

²²⁰ Якимова Е.М. Концепция свободы предпринимательской деятельности как элемент экономической основы конституционного строя в России и в мире: поиск оптимального решения // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 1. С. 47–51.

²²¹ Регулятор не увидел негативных последствий расчистки банковского сектора // Banki.ru. 2017. 31 июля.

²²² Таут С. Дефицит финансов. Как зачистка банковского рынка вредит экономике // Forbes Russia. 2018. 12 окт.

²²³ См.: Авдеев Ю.Б. Аудиторы, ЦБ и СРО: правовые основы. Вправе ли ЦБ регулировать аудиторскую деятельность? // Audit-it.ru. 2018. 6 дек.

доходах»²²⁴, то реальное число бедных было бы гораздо больше. Значимые аспекты этой проблемы достаточно четко обозначил Д. Стиглиц: «...неравенство есть причина и следствие провалов политической системы, и именно оно ведет к росту нестабильности нашей экономической системы... именно такая экономическая система порождает увеличение неравенства»²²⁵.

Можно предположить, что одна из целей названного «оздоровления» состояла в том, чтобы лишить страну опоры «в виде растущего среднего класса с присущими ему политическими интересами»²²⁶, с тем чтобы в дальнейшем предпринимательское сообщество уже не являлось «основой для формирования концепции современного российского конституционализма, поскольку опорой выступает прежде всего российское чиновничество»²²⁷.

Этому всегда готова служить специализированная, профессиональная, сплоченная и независимая от внешнего влияния администрация, лояльность которой поддерживается получением административной ренты. В природе людей, управляющих аппаратом сдерживания и принуждения, преувеличивать возможности этого аппарата и пытаться подчинить его непосредственному влиянию все сферы человеческой жизни²²⁸. Администрация является ядром существующей политико-правовой системы

²²⁴ Холявко А. В России стало больше бедных // Ведомости. 2019. 30 июля. С. 4.

²²⁵ Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М., 2015. С. 36.

²²⁶ Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М., 2011. С. 5.

²²⁷ Якимов Е.М. Концепция свободы предпринимательской деятельности как элемент экономической основы конституционного строя в России и в мире: поиск оптимального решения // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 1. С. 47–51.

²²⁸ См.: Мизес Л. фон. Всемогущее правительство: Тотальное государство и тотальная война. Челябинск, 2006.

и рассматривает регулируемых субъектов как свое социо-территориальное владение. Она сама формирует критерии и механизмы отбора в свои ряды субъектов, готовых участвовать в осуществлении проводимой политики, отстаивать ведомственные интересы, определять регламенты подготовки и принятия решений, пути и способы их легализации. Не случайно подчеркивается, что, «вопреки закрепленной в Конституции РФ политической обязанности государства соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, отношения между государством и личностью не являются равноправными, а следовательно, и справедливыми»²²⁹.

Наблюдаемые в праве, экономике и политике действия состоят из ряда относительно небольших шагов, которые по отдельности не вызывают резкого общественного осуждения. Для их нормативного закрепления ангажируются субъекты, которые, подобно вязальщицам Робеспьера²³⁰, готовы обосновывать и оформлять любые инициативы. У них нередко отсутствуют необходимые знания, навыки и умения, но именно этот и иные хорошо известные факторы становятся определяющими для их ангажемента. К иным факторам в данном случае можно отнести их безусловную готовность согласиться с тем, что до сих пор не выявлено однозначной связи между «демократичностью» политического режима и государственной состоятельностью²³¹.

²²⁹ Морозова Л.А. Проблемы правовой ответственности государства, его органов и служащих : материалы круглого стола // Государство и право. 2000. № 3. С. 23.

²³⁰ Вязальщицы Робеспьера — собирательное название женщин, присутствующих с вязанием в руках на заседаниях Конвента, Революционного Трибунала и у подножия гильотины во время казней. Подробнее см.: Избранные произведения Робеспьера : в 3 т. М., 1965; Юридическая энциклопедия. М., 2015.

²³¹ См., например: Мельвил А.Ю., Миронюк М.Г., Стукал Д.К. Государственная состоятельность, демократия и демократизация (на примере посткоммунистических стран) // Политическая наука.

Сначала, обусловленный общей некомпетентностью и низким образовательным уровнем, «псевдотворческий путь бездарности чертит осторожную кривую... Осторожность — самый типичный признак бездарности. Ее лакейское клеймо»²³². Затем в связи с отсутствием резкого общественного осуждения такие шаги раз за разом повторяются и приобретают существенный характер. В своей совокупности они образуют «последовательное и непрерывное движение в заданном направлении»²³³.

Все это происходит под флагом якобы «новой» социальной философии законотворчества, основными лозунгами которой являются: «...нет абстрактной правовой сущности собственности, абстрактной сущности вещных прав, абстрактной сущности рынка и даже государства, есть конкретные исторические социальные процессы, которые формируют национальный и международный институты права и законодательства»²³⁴.

Для этой философии «добро воплощено в великом боге Государстве, материализации нетленной идеи нравственности, а зло — в “грубом индивидуализме” эгоистичных людей. В этом противостоянии Государство всегда право, а индивиды всегда не правы. Государство представля-

---

2012. № 4; Hanson J. K. Democracy and State Capacity: Complements or Substitutes? // *Studies in Comparative International Development*. 2015. January 15; Schmitter Ph.C., Wagemann C., Obydenkova A. Democratization and State Capacity // X Congreso Internacional del CLAD sobre la Reforma del Estado y de la Administración Pública, Santiago, Chile. 2005. Oct.

²³² Розанова О.В. Супрематизм и критика // *Анархия: газета*. 1918. № 86.

²³³ Зворыкин Б.Д. Стратегия социальной модернизации как фактор социального развития // *Мировая и российская политика* : сб. ст. / ред.-сост.: В.И. Коваленко, А.И. Костин, А.Ф. Федякин. Вып. 1. Чебоксары, 2008.

²³⁴ Синюков В.Н. Законодательство в России: проблемы социальной интеграции // *Lex russica*. 2018. № 10. С. 18–29.

ет общественное благо, справедливость, цивилизацию и высшую мудрость. Индивид — всегда лишь жалкий негодяй, порочный глупец»²³⁵.

В правовой и иных сферах «государство устанавливает не подлежащие изменению догмы и меняет их со дня на день»²³⁶. Перманентное реформирование законодательства сопровождается «утратой связей между правом и иными социокультурными системами (моралью, религией)»²³⁷. В отдельных случаях характерными особенностями законодательных актов становятся их «сущностный антидемократизм, антиплюрализм, отрицание прав и свобод человека»²³⁸. В связи с изложенным некоторые авторы начинают говорить о «фатализации законотворческой деятельности»²³⁹.

Получив утратившее связь с моралью «фатализируемое» законодательство, «толпа сплоченной посредственности»²⁴⁰ реализует его в сфере правоприменения, где «наиболее ярко обнаруживается как правовая культура, так и правовой нигилизм, юридическое бескультурье»²⁴¹.

---

²³⁵ Мизес Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность / пер. с англ. Е. Журавской, Б. Пинскера, В. Родионова. М., 1993.

²³⁶ Оруэлл Дж. Скотный двор. М., 2017.

²³⁷ Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 52–53.

²³⁸ Рязанов Д.С. Религиозный экстремизм, религиозно-политический экстремизм и религиозный фундаментализм: общее, особенное, единичное // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 7. С. 178.

²³⁹ См.: Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства : монография / И.С. Власов, Н.А. Голованова, А.А. Гравина и др. ; отв. ред. В.П. Кашепов. М., 2018.

²⁴⁰ Мережковский Д.С. Грядущий хам // Полярная звезда. 1905. № 3.

²⁴¹ Рыбаков О.Ю. Формы реализации правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2003. № 2. С. 8.

Критика подобного правоприменения давно стала общим местом в российской юридической литературе²⁴².

В результате мы наблюдаем порядок, формально основанный на частной собственности, осуществление прав на которую существенным образом корректируется с помощью многочисленных предписаний и запретов²⁴³. Проис-

²⁴² См., например: Алексеевская Е.И. Теоретические и практические проблемы производства в суде надзорной инстанции : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008; Алиэскеров М.А. Проблемы кассационного производства по гражданским делам : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000; Быков В.М., Манова Н.С. Включает ли в себя независимость судей право на судебную ошибку? // Российский судья. 2017. № 4; Будылин С.Л. Прецедент на распутье. Краткая история судебного правотворчества в России // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 11; Ефимова В.В. Контроль в арбитражном процессе как способ устранения судебных ошибок : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004; Жинкин С.А. Психологические проблемы эффективности права. СПб., 2009; Жуйков В.М. О некоторых проблемах проверки судебных постановлений по гражданским делам // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 6; Загайнова С.К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008; Кашепов В.П. Судебные ошибки при квалификации объективной стороны состава преступления // Комментарий судебной практики / отв. ред. К.Б. Ярошенко. М., 2018. Вып. 23; Лебедь К.А. Обоснованность судебно-арбитражного решения // Арбитражный и гражданский процесс. 2001. № 8; Лысова Ю.В. Устранение фундаментальной судебной ошибки как право суда выйти за пределы исковых требований // Право и экономика. 2015. № 6; Махортова Е.В. Суд над судами и законами // Налоговед. 2005. № 2; Олегов М.Д. Проверяет ли суд надзорной инстанции обоснованность судебных постановлений // Государство и право. 2001. № 11; Слесарев С. Палка о двух концах // ЭЖ-Юрист. 2016. № 24; Степаненко Д.А., Лавдаренко Л.И. Проблема исключения судебных ошибок и обеспечения стабильности судебных решений в сфере уголовного судопроизводства // Российский судья. 2016. № 4; Чем выше статус, тем лучше судьи // Российская газета. 2006. 3 авг.

²⁴³ См.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. М., 2005.

ходит трансгрессия частной собственности, при которой она ограничивается, нарушаются и попираются ее границы, но тотального ее уничтожения не происходит.

Помимо прочего, о трансгрессии частной собственности свидетельствует широкое распространение:

- государственных корпораций, нередко совмещающих властные функции с коммерческой деятельностью;
- государственных супермонополий, которые в законодательстве «скромно» называются «естественными»;
- принадлежащих государству акционерных обществ, собственность которых еще недавно была общенародной, а сегодня их «мечты» неизменно «сбываются»;
- государственных и полугосударственных якобы некоммерческих организаций, финансирование которых принудительно и произвольно возложено на регулируемые ими же коммерческие организации;
- множества иных не менее причудливых структур.

Институционализация названных структур заставляет вспомнить тезис о том, что «концентрация экономической мощи, отделенной от собственности, фактически создала экономические империи и передала эти империи в руки новой формы абсолютизма»²⁴⁴.

Созданная властью нерыночная «система эксплуатирует рыночную, перекладывая на нее весомую часть своих издержек»²⁴⁵. Она задерживает развитие общества в силу трех основных причин:

- инерции, свойственной так называемому праздному классу;
- демонстративного расточительства;

---

²⁴⁴ Berle A.A., Means G.C. *Modern Corporation and Private Property*. New York, 1934. P. 124.

²⁴⁵ Гэлбрейт Дж.К. *Экономические теории и цели общества*. М., 1973. С. 155.

- системы неравного распределения благосостояния и средств к существованию²⁴⁶.

Между тем еще средневековый канон *Redintegranda* объявлял ограничение и лишение владения нарушением гражданского мира²⁴⁷. Безусловная защита владения — это естественный механизм предотвращения распределенного насилия в обществе²⁴⁸. В этом состоит социальная цель защиты права собственности, а следование этой цели — обязанность государства.

Политику и практику, результатом которой становится существенное затруднение или невозможность осуществления прав собственности, мы определяем как *государственный супрематизм*, под которым понимаем унижение частного сектора и тотальное превосходство ложно понятых государственных интересов, где частная собственность признается «беспредметной» и «впервые освобождена от подсобной роли, от служения другим целям»²⁴⁹, помимо государственных.

---

²⁴⁶ См.: Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.

²⁴⁷ См.: Никонов С.П. Развитие защиты владения в Средневековой Европе. Харьков, 1905. С. 126–139.

²⁴⁸ См.: Климанова Д.Д. Защита владения в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 39–40; Мальбин Д.А. Владельческая защита (посессорная) в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 31; Норт Д.К., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011. С. 57.

²⁴⁹ У К.С. Малевича термин «супрематизм», восходивший к латинскому корню *supremus*, означал доминирование, превосходство цвета над всеми остальными свойствами живописи. См.: Азизян И.А. Парадоксы 30-х гг.: идеи синтеза, бытие супрематизма // Вопросы искусствознания. 1996. № 1. С. 142–170; Горячева Т.В. Супрематизм и социум // Супремус. 1992. № 1; Жадова Л.А. «Супрематический ордер» // Проблемы истории советской архитектуры. М., 1983. Вып. 6.

Превосходство государства, при котором оно выступает как «первичная по отношению к обществу сила»²⁵⁰, получает свое юридическое оформление в *супрематических законах*, которые стали последним шагом «чистого творчества» законодателя — актами, окончательно устраняющими незыблемость частной собственности. Основные методы правового регулирования в таких законах — экспроприация, включающая принудительное отчуждение имущества и ресурсов частных собственников, лишение их самостоятельности и прежнего социального положения²⁵¹, а также чрезмерное перераспределение, сопровождающееся «эффектом утраты стимула к труду»²⁵². «Обещая на словах множество великих ценностей, на деле, фактически, они приводят к противоположным результатам. Не социализируют, а биологизируют людей, не увеличивают, а уменьшают сумму свобод, не улучшают, а ухудшают материальное и духовное состояние трудовых и низших масс населения, не раскрепощают, а закрепощают их»²⁵³.

Супрематический закон признается как якобы универсальный акт, которому власть будто бы вынуждена подчиняться наравне со всеми остальными. «Но власть остается властью до тех пор, пока у нее есть право на насилие, и даже если это право предстает неявным, власть имеет теневые механизмы отправления этого насилия, которые позволяют сохранить ей блеск славы и престижа и одновременно оказываются глубинным выражением трансгрессивности властных структур»²⁵⁴.

²⁵⁰ Облонский А.В. Бюрократия для XXI века? Модели государственной службы: Россия, США, Англия, Австралия. М., 2002. С. 9.

²⁵¹ См.: Нечаев В.М. Экспроприация // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. СПб., 1890–1907.

²⁵² См.: Жувенель Б. Этика перераспределения. М., 1995.

²⁵³ Сорокин П.А. Социология революции. М., 2005. С. 33.

²⁵⁴ Каштанова С.М. Трансгрессия как социально-философское понятие : дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2016. С. 181.

Супрематические законы превращают предпринимательское сообщество в ресурс для государственных социальных экспериментов и программ при молчаливом согласии других слоев общества на принесение названной части населения в жертву. История России не раз видела примеры, при которых «молчаливые» слои общества «заклучали с властью негласный договор, на основании которого поступались частью собственной свободы, в той или иной мере попадали в зависимость от произвола государственной администрации»²⁵⁵.

Супрематические законы — это последняя точка над *i*, окончательный разлом «старого», но пока еще закрепленного в Конституции РФ мира, выход за его рамки. Каждый такой закон «служит частным целям правительства», «осуществляется на основании специально принятого решения, а не вытекает из универсальных правил, необходимых для поддержания того самопорождающегося всеохватывающего порядка действий, которому служат все прочие нормы справедливого поведения»²⁵⁶, в связи с чем является произвольным актом принуждения. Такие законы знаменуют возврат к типу хозяйствования, для описания которого обычно используется термин «*раздаточная экономика*»²⁵⁷, которая принципиально отличается от экономики рыночного типа. Ее суть состоит в институционализации механизмов «сдачи-раздачи», посредством закрепления административных механизмов и «ручного управления», а также в «ценностной ориентации боль-

---

²⁵⁵ Лаптева Л.Е. Традиция «оставления идеи права» в российской истории // Кризис права: История и современность : монография / под общ. ред. В.Н. Денисова, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова. СПб., 2018. С. 46.

²⁵⁶ Фридмен М., Хайек, Ф. О свободе, М., 2003. С. 150.

²⁵⁷ См.: Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформацию М., 2006.

шинства населения на сильное *служебное государство*²⁵⁸. Переоценка ценностей производится ради выхода на принципиально иной уровень духовности. Задача состоит «именно в том, чтоб раз навсегда избавиться от всякого рода начал и концов, с таким непонятным упорством навязываемых нам всевозможными основателями великих и не великих философских систем»²⁵⁹.

Преобладающей формой собственности в экономике раздаточного типа является не частная, а общественно-служебная собственность, право на владение и использование которой распределено «и не принадлежит в полном объеме никому»²⁶⁰, за исключением лидера, к которому сходятся различные ветви власти, «считаясь ценностью не сами по себе, а лишь в той степени, в какой обеспечивают с ним связь»²⁶¹. Так сложилось, что вся крупная «собственность в России выросла из “выпросил”, или подарил, или кого-нибудь обобрал. Труда собственности очень мало, и от этого она не крепка и не уважается»²⁶².

Понимание лидера как гаранта законности здесь состоит в том, что он порождает закон, дает ему основание, сообщает «данному закону его законную силу — назвав законом собственное единоличное решение»²⁶³, в связи с чем можно говорить, что сам он пребывает над законом. Закон в этом случае «не что иное, как клочок бумаги, ко-

---

²⁵⁸ Бессонова О.Э. Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. М., 2015. С. 18.

²⁵⁹ Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления). СПб., 1905.

²⁶⁰ Бессонова О.Э. Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. М., 2015. С. 19.

²⁶¹ Сурков В. Долгое государство Путина // Независимая газета. 2019. 11 февр.

²⁶² Розанов В.В. Уединенное. М., 1990. Т. 2. С. 37.

²⁶³ Тимофеева О. Химера суверенности: между Шмиттом и Батаем // Синий диван. М., 2008. № 12. С. 66.

торый всегда можно разорвать и написать заново»²⁶⁴. По Шмитту, «полномочие (как всеобщее, так и в конкретном случае) прекратить действие закона — это такой подлинно окончательный признак суверенитета»²⁶⁵. Обладая указанным полномочием, лидер приобретает в умах общества двойственное значение:

- с одной стороны, он воспринимается как отец народа, который заботится о нем, но в случае непослушания может и наказать своих «непослушных детей». В этом качестве он становится объектом народной любви и приобретает свойство непогрешимости;
- с другой стороны, лидер, обладающий «подлинно окончательным признаком суверенитета», может восприниматься как тот, кто отчуждает от людей их естественные права, «использует их труд и ничего не дает взамен и, самое главное, не может быть наказан за свои преступления, поскольку закон к нему неприменим»²⁶⁶.

Доступ к пользованию и распоряжению общественно-служебной собственностью осуществляется в форме службы, в качестве которой рассматривается не только работа в государственных корпорациях и принадлежащих государству акционерных обществах, но и вся частная предпринимательская деятельность. «Принцип служения, как мы помним, один из базовых принципов имперской государственности»²⁶⁷. В этой системе «человеческая ценность единичной личности состоит в том, чтобы быть

---

²⁶⁴ Кропоткин П. Речи бунтовщика // Анархия, ее философия, ее идеал : сочинения. М., 2004. С. 31.

²⁶⁵ Шмитт К. Политическая теология // Политическая теология : сб. М., 2000. С. 20.

²⁶⁶ Каштанова С.М. Трансгрессия как социально-философское понятие : дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2016. С.178.

²⁶⁷ Угрин И.М. Российская государственность и имперская парадигма: Философский анализ. М., 2017. С. 37.

гражданином государства»²⁶⁸. «Человек таков, что человеком быть не смеет»²⁶⁹, так как «социальные возможности пользоваться материальными и социальными благами»²⁷⁰ зависят исключительно от близости к власти. Служебно-иерархические «отношения, на которые опирается власть, предполагают распространение суверенности вниз по социальной вертикали: чем ближе находится человек в иерархии к царю, который обладает полнотой суверенности, тем больше суверенности имеет он сам, те же, кто пребывают на самых низших ступенях, вынуждены обходиться самыми малыми крохами суверенности»²⁷¹.

Служебно-иерархические отношения предполагают использование не инклюзивных, а экстрактивных институтов, направленных на то, чтобы выжать максимальный доход из эксплуатации большей части общества и направить его на обогащение меньшей. Поэтому эти отношения концентрируют власть в руках элиты и не ограничивают ее действия, то есть выступают главной причиной установления неравенства в обществе²⁷². В современных условиях государство начинает позиционировать себя как некая самостоятельная организация по отношению к обществу, отстраняясь тем самым от решения проблемы социального неравенства²⁷³.

²⁶⁸ Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков, 1994. С. 92.

²⁶⁹ Батай Ж. Внутренний опыт. СПб., 1997. С. 173.

²⁷⁰ Конституционное право Российской Федерации / Г.Н. Комкова, Е.В. Колесников, М.А. Липчанская. М., 2013. С. 117.

²⁷¹ Каштанова С.М. Трансгрессия как социально-философское понятие : дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2016. С. 179.

²⁷² Подробнее об экстрактивных и инклюзивных институтах см.: Аджемоглу Д., Робинсон Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М., 2017.

²⁷³ См.: Викторов А.Ш. Институты неравенства в современном обществе // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2019. № 25(1). С. 19.

В результате мы можем получить ситуацию, при которой «тот, кто владеет всеми ресурсами данного общества, начинает использовать эти ресурсы в собственных интересах и, чтобы продлить такое владение, в конечном итоге направляет свое орудие против общества»²⁷⁴. Справедливо отмечается, что «легитимация незаконно присвоенной собственности связана с высоким уровнем социального неравенства в обществе, обусловленного характером политической власти в стране, поскольку богатство и власть в большинстве своем стали концентрироваться в одних руках политической и экономической элиты, составляющей единое целое»²⁷⁵.

Хотелось бы согласиться с авторами, которые утверждают, что «в условиях, когда ценности, убеждения и модели человеческого поведения, основополагающие для государственных систем, оказываются изменчивыми и непостоянными, у правительств остается все меньше возможностей для того, чтобы доминировать в публичной сфере и контролировать общественное развитие»²⁷⁶. Однако мы не имеем оснований, чтобы сделать выводы о существенном характере сложностей, «которые испытывают государства, колонизирующие публичную сферу»²⁷⁷.

Отвечая на ключевой вопрос об успешности описанной выше стратегии государственного превосходства и доминирования, мы можем лишь присоединиться к мнению о сомнительном характере подобного предприятия и по-

²⁷⁴ Тимофеева О. Введение в эротическую философию Ж. Батая. М., 2009.

²⁷⁵ Викторов А.Ш. Институты неравенства в современном обществе // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2019. № 25(1). С. 18.

²⁷⁶ Телин К.О., Филимонов К.Г. Пробелы идентичности. Как и почему нация ускользает от государства // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 1. С. 36.

²⁷⁷ Сморгунов Л.В. В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке. СПб., 2012.

вторить тезис, что «именно эта траектория развития ведет к ситуации, в которой “нация” ускользает от государства, и что такая стратегия совершенно точно не является валидной и работоспособной»²⁷⁸ в долгосрочной перспективе.

Изложенное выдвигает на передний план вопросы, связанные с ответственностью законодателя за качество принимаемых законов.

4.3. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЯ

4.3.1. Возможность и необходимость

Как верно заметил О.Е. Кутафин, «юридическая ответственность является одним из важнейших средств организации правильного (должного) исполнения предписаний правовых актов, предупреждения и пресечения нежелательного поведения субъектов общественных отношений, она выступает в качестве категории, свойственной всем отраслям права»²⁷⁹.

Ответственности субъектов публичной власти «следует уделить особое внимание, поскольку именно у данных субъектов сосредоточены наиболее важные рычаги воздействия на общество и, как следствие этого, на всю правовую жизнь в целом»²⁸⁰. При этом проблема ответственности государственных органов «связана с недостаточной степенью регламентации отношений в действующем законодательстве. Это относится к излишне обширным полномочиям руководителей, которые могут быть реали-

²⁷⁸ Давыдов В.А. Социальная идентичность: теория рационального выбора как альтернативный подход к концептуализации // Социологическое обозрение. Т. 11. 2012. № 2. С. 47.

²⁷⁹ Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 368.

²⁸⁰ Правовая жизнь российского общества в условиях глобализации / Афанасьев С.Ф., Игнатенкова К.Е., Соломатин А.Ю. и др. ; под ред. А.В. Малько. М., 2017. С. 288.

зованы на основе личного усмотрения. В такой обстановке создаются условия, которые провоцируют руководителей, особенно лишенных твердых моральных принципов, использовать предоставленные им полномочия не по прямому назначению, а в неблагоприятных целях»²⁸¹.

Существует мнение, что законодательные дефекты являются одним из неизбежных следствий законотворчества как продукта человеческой деятельности. При этом законотворчество определяется обычно как деятельность или процесс:

- деятельность, направленная на создание, изменение или отмену законов — правовых норм, имеющих высшую юридическую силу, принятых в особом порядке высшим представительным органом государственной власти или непосредственно народом и регулирующих наиболее важные общественные отношения²⁸²;
- творческая интеллектуальная деятельность, способная вырабатывать и закреплять различные модели правового опосредования общественных отношений и тем самым реально менять существующий мир, систему существующих общественных отношений²⁸³;
- общесоциальный политико-правовой процесс, включающий деятельность заинтересованных сторон по выявлению потребности в создании закона, его обсуждение, принятие, оценку его эффективности и возможную последующую корректировку²⁸⁴;
- сложный мыслительный процесс по формулированию той или иной правовой нормы, регулирующей соот-

---

²⁸¹ Там же. С. 295.

²⁸² См.: Алексеев С.С. Теория государства и права. М., 2001. С. 315.

²⁸³ См.: Сырых В.М. Материалистическая теория права: Избранное. М., 2011. С. 1108.

²⁸⁴ См.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран : в 4 т. / рук. авт. кол. Б.А. Страшун. Т. 4. М., 2001.

ветствующую часть определенной сферы правовых отношений²⁸⁵;

- сознательный процесс, имеющий определенную практическую направленность, свою логику, процедуры, технические приемы, принципы²⁸⁶;
- частично публичный политико-правовой процесс, в ходе которого происходит согласование интересов властных групп и акторов путем разработки, обсуждения, принятия, оценки и возможной последующей корректировки законодательного акта²⁸⁷.

Кроме того, в литературе отмечается, что правотворчество представляет собой составную часть правотворческой политики, которая вместе с тем шире по объему и включает в себя не только процесс собственно создания, изменения и отмены правовых норм, но и деятельность по формированию и управлению правотворческим процессом (она немыслима без использования государственного воздействия), выработку концепции, идеи правотворчества, приоритетов, целей, задач правотворческой политики²⁸⁸.

В некоторых из приведенных определений можно усмотреть связь с теорией общественного выбора²⁸⁹, рас-

²⁸⁵ См.: Гладких В.И. Парадоксы современного законотворчества: критические заметки на полях Уголовного кодекса // Российский следователь. 2012. № 11. С. 15–18.

²⁸⁶ См.: Законотворчество в Российской Федерации : (науч.-практ. и учеб. пособие) / под ред. А.С. Пиголкина. М., 2000. С. 17.

²⁸⁷ См.: Шульман Е. Законотворчество как политический процесс. М., 2014. С. 62.

²⁸⁸ См.: Золотухина Т.А. Правотворческая политика российского государства // История государства и права. 2008. № 15.

²⁸⁹ См.: Патрушев С.В. Институциональная политология: Четверть века спустя // Политическая наука: статьи, рефераты, обзоры, переводы / гл. ред. Ю.С. Пивоваров. М., 2009. № 3; March J.G., Olsen J.P. The new institutionalism: Organizational factors in political life // American political science review. Wash., D. C. 1984. Vol. 78. № 3.

смастривающей бюрократию и депутатский корпус как лиц, ориентированных на различного рода выгоды, которые можно извлечь из административной и политической деятельности. Так, Р.Д. Толлисон видит проблему «не в том, хорош или плох тот или иной закон, а, скорее, в ответе на такие вопросы, как “почему этот закон был принят”, “как он был принят”, “почему он не был отклонен”»²⁹⁰.

Справедливо замечено, что «отечественное законотворчество — штука лукавая, плохо предсказуемая, порой — парадоксальная. Порой та или иная обещанная новация “на выходе” дает результат, прямо противоположный обещанному. Так, сокращение штата чиновников оборачивается его удвоением, табу на повышение налогов — ростом количества неналоговых платежей, снижение количества плановых проверок — увеличением числа внеплановых»²⁹¹. Это проявляется в каком-то удивительном подходе к законотворчеству — там, где должно быть выверено каждое слово, откуда-то возникают странные противоречивые конструкции²⁹². Наше законодательство начинает напоминать лоскутное одеяло, где поправки ложатся на поправки²⁹³. Большинство планируемых к рассмотрению проектов — это проекты о внесении изменений в действующие законы и лишь небольшая их часть является тематической, содержащей концептуальное решение проблемы²⁹⁴.

²⁹⁰ Tollison Robert D. Public Choice and Legislation // Virginia Law Review. Vol. 74. № 2. Symposium on the Theory of Public Choice (Mar., 1988).

²⁹¹ Новый отчет для фирм и ИП — «экологический» // Практическая бухгалтерия. 2018. № 6. С. 68.

²⁹² См.: Кочанова Т. Проблемы предоставления идентификаторов граждан при подаче исковых заявлений // Трудовое право. 2020. № 1. С. 81–86.

²⁹³ См.: Тихомиров Ю. Проверим правописание. Почему Уголовный кодекс оказался в лохмотьях, а Административный вырос втрое // Российская газета. 2014. 28 окт. С. 9.

²⁹⁴ См.: Власенко Н.А. О кризисных явлениях в праве // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 42.

Своеобразие российского законотворчества состоит в том, что оно очень редко «интегрирует, синтезирует, вбирает в себя обыденное, практическое и научное сознание»²⁹⁵. Реформирование законодательства находится под сильным влиянием субъективного фактора, который практически полностью заслонил собой государственный интерес, нанеся колоссальный урон экономике и финансам страны²⁹⁶.

В числе причин сложившегося положения дел называют:

- доминирование в парламенте партии большинства, которая тесно ассоциирована с исполнительной властью, что неизбежно сужает поле публичной политики, уменьшает возможность для заинтересованных групп оказывать влияние на процесс и результаты законотворчества²⁹⁷;
- политически окрашенное обоснование существующего законотворческого процесса²⁹⁸.

Неизбежность появления законодательных дефектов объясняется обычно тем, что в парламенте действуют различные группы со своими подчас противоположными интересами, которые «вступают в компромиссы и заключают соглашения» вследствие «самозащиты и крайней

---

²⁹⁵ Керимов Д. А. Методологический аспект правотворчества // Вопросы философии. 1975. № 5. С. 115.

²⁹⁶ См.: Поленина С.В., Колдаева Н.П. Правотворчество в Российской Федерации (актуальные проблемы теории и практики) // Российская юстиция. 2009. № 5.

²⁹⁷ См.: Шульман Е.М. Политические условия и факторы трансформации законотворческого процесса в современной России : автореф. ... канд. полит. наук. М., 2013. С. 7.

²⁹⁸ См.: Казаков Д.В. Методологические проблемы исследования законотворчества // История государства и права. 2009. № 6.

необходимости»²⁹⁹. Можно вспомнить и И.А. Ильина, который говорит: «Люди, не ведающие предстояния и призванности, вынуждены действовать методом проб и ошибок. Они не способны создавать»³⁰⁰.

Кроме того, существует взгляд, разделяющий законодательные дефекты и законодательные ошибки по признаку наличия умысла. При этом законодательные ошибки (наряду с юридическими ошибками, ошибками юридических документов, правоприменения и т. п.) рассматриваются в качестве добросовестного заблуждения, не обладающего признаком виновности:

- В.М. Баранов дает такое определение правотворческой ошибки: «правотворческая ошибка — это официально реализованное, добросовестное заблуждение, результат неправильных действий нормотворческого органа, нарушающих общие принципы либо конкретные нормы правообразования, не соответствующих уровню и закономерностям государственно необходимого развития регулируемой деятельности и влекущих путем издания ложной нормы права неблагоприятные социальные и юридические последствия»³⁰¹.
- К.В. Каргин утверждает, что «юридическая ошибка является разновидностью дефекта, так как, в отличие от последнего, может быть допущена только неумышленно»³⁰².
- А.Б. Лисюткин считает, что «ошибка не обладает признаком виновности, а предпринимаемые попытки наделить ошибку этим свойством без законодательного

---

²⁹⁹ Боровой А.А. Революционное творчество и парламент. М., 1917. С. 76.

³⁰⁰ Ильин И.А. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 3. М., 1994. С. 406–407.

³⁰¹ Баранов В.М. Истинность норм советского права. Проблема теории и практики. Саратов, 1989. С. 357.

³⁰² Каргин К.В. Юридические документы. М., 2011. С. 161.

решения данной проблемы представляют собой не что иное, как объективное вменение»³⁰³.

- К.Р. Мурсалимов под правоприменительной ошибкой понимает «результат неправильной властноорганизующей деятельности правоприменителя... допущенный... вследствие добросовестного заблуждения»³⁰⁴.
- М.А. Соколова считает, что ошибка — это всегда добросовестное заблуждение, в отличие от дефекта, который может быть допущен как вследствие добросовестного заблуждения, так и умышленно³⁰⁵.
- Л.А. Чувакова под ошибочной юридической деятельностью понимает «невиновное, объективно-субъективное противоправное деяние (действие, бездействие) субъекта юридической практики, нарушающее общие принципы и нормы права, другие юридические предписания, не достигающее целей правового регулирования и влекущее применение определенных мер социально-правовой защиты»³⁰⁶.

На наш взгляд, в отличие от иных субъектов, законодатель обладает необходимыми и достаточными ресурсами, что позволяет ему во всех без исключения случаях проводить всестороннюю экспертизу законопроектов и законодательных инициатив. Отсутствие такой экспертизы свидетельствует, как минимум, о его халатном отношении к выполнению своих обязанностей, в связи с чем при на-

---

³⁰³ Лисюткин А.Б. Ошибка как категория правоведения : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2002. С. 14.

³⁰⁴ Мурсалимов К.Р. Правоприменительные ошибки. Проблемы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. С. 12.

³⁰⁵ См.: Соколова М.А. Дефекты юридических документов : монография. М., 2016.

³⁰⁶ Чувакова Л.А. Причины и условия ошибочной юридической деятельности (проблемы методологии) : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 45.

личии в законодательном акте дефектов говорить о невинном поведении законодателя нельзя ни при каких обстоятельствах.

Логическим следствием утверждений о необходимости в законотворчестве компромиссов и соглашений, о действиях законодателя методом проб и ошибок, о добросовестных и неумышленных ошибках являются выводы о неизбежности законодательных дефектов и, следовательно, об отрицании необходимости введения ответственности законодателя за их появление.

Последнее, в свою очередь, приводит к появлению в литературе уж совсем странных утверждений о том, что ответственность в сфере законотворчества связана с применением санкций не к должностному лицу публичной власти, издавшему закон, а к закону как продукту его деятельности³⁰⁷. На наш взгляд, очевидно, что отмена неконституционного акта, приостановка его действия или внесение соответствующих изменений — это не санкция, а «мера защиты»³⁰⁸. Поэтому отмену незаконного акта следует понимать «как промежуточное звено, необходимое для реализации ответственности», а не как санкцию³⁰⁹, отменяющую виновное поведение известных лиц.

Мы категорически не разделяем точку зрения, отрицающую необходимость введения ответственности законодателя за качество закона. Нельзя не согласиться, что в деятельности законодателей «нередко можно наблюдать не только потерю чувства ответственности, но и прямое

---

³⁰⁷ См.: Овсепян Ж.И. Критерии конституционной ответственности // Северокавказский юридический вестник. 2001. № 4.

³⁰⁸ См.: Ведяхин В.М., Шубина Т.Б. Защита права как правовая категория // Правоведение. 1998. № 1. С. 72.

³⁰⁹ См.: Краснов М.А. Публично-правовая ответственность представительных органов за нарушение закона // Государство и право. 1993. № 6. С. 50.

злоупотребление своим положением, теми полномочиями, которыми их наделило государство»³¹⁰. При этом «безответственность должностных лиц нередко вуалируется моральной демагогией, которая растворяет конкретную ответственность во всеобщей вине»³¹¹.

Мы придерживаемся взгляда, согласно которому:

- «введение ответственности за качество принимаемых законов не является чем-то экстраординарным»³¹²;
- за принятие дефектной правовой нормы должна быть предусмотрена и затем иметь применение ответственность³¹³;
- в России давно назрела необходимость в формировании института ответственности представителей законодательных органов за качество и содержание принимаемых законов. Поскольку конституционная ответственность представляет собой один из элементов «охраны Конституции»³¹⁴, постольку формулирование цельной, внутренне не противоречивой концептуальной основы данного института представляется задачей первостепенной важности³¹⁵;

---

³¹⁰ Морозова Л.В. Проблемы правовой ответственности государства, его органов и служащих // Государство и право. 2000. № 3. С. 20–27.

³¹¹ Гусейнов А.А. Моральная демагогия как форма апологии насилия // Вопросы философии. 1995. № 5. С. 9.

³¹² Исаков Н.В., Мазуренко А.Л. Правотворческая политика: общетеоретический аспект / под ред. А.В. Малько. Минеральные Воды, 2005. С. 154.

³¹³ См.: Трофимова Г.А. Субъективная сторона конституционного деликта: краткий анализ // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 6. С. 21–25.

³¹⁴ См.: Шульженко Ю.Л. О понятии «правовая охрана Конституции» // Государство и право. 2002. № 7. С. 5, 11.

³¹⁵ См.: Басиев М.С. К вопросу о концепции конституционно-правовой ответственности // Право и политика. 2006. № 9.

- одним из приоритетов правотворческой политики должна стать разработка проблемы ответственности за правотворчество³¹⁶;
- современные реалии свидетельствуют о дисфункции юридической ответственности, проявляющейся, в частности, в декларативности принципа неотвратимости наказания в сфере конституционно-правового регулирования³¹⁷;
- неудовлетворенность состоянием законодательства, сравнительно малая его эффективность, нарушение основ законодательной техники, избыточная декларативность нормативно-правовых актов дают основание ставить вопрос об ответственности в сфере правотворчества в целом, а особенно в сфере законотворчества³¹⁸.

4.3.2. Понятие и основания

Одни под конституционной ответственностью понимают «необходимость наступления неблагоприятных последствий за невыполнение (ненадлежащее исполнение) субъектами права своих конституционных обязанностей и за злоупотребление своими конституционными правами»³¹⁹.

Другими конституционная ответственность определяется как ответственность за ненадлежащее осуществление государственной власти, поскольку особое значение в предмете конституционного права имеют отношения,

³¹⁶ См.: Золотухина Т.А. Правотворческая политика российского государства // История государства и права. 2008. № 15.

³¹⁷ См.: Морозова Л.А. Выступление на заседании круглого стола // Государство и право. 2000. № 3.

³¹⁸ См.: Проблемы правовой ответственности государства, его органов и служащих. Круглый стол журнала «Государство и право» // Государство и право. 2000. № 3. С. 30–31.

³¹⁹ Колосова Н.М. Конституционная ответственность в Российской Федерации. М., 2000. С. 6, 8.

возникающие в процессе реализации многонациональным народом России (населением субъектов федерации) государственной власти (в формах представительной и непосредственной демократии)³²⁰.

Различают позитивную и негативную ответственность. Позитивная ответственность рассматривается «как осознанная и воспринятая депутатом социальная необходимость инициативного выполнения долга, всей суммы лежащих на нем обязанностей: политических, моральных, правовых»³²¹. Негативная ответственность может иметь место в ситуациях, когда депутат не исполняет надлежащим образом свои обязанности, а то и использует их в личных либо в узкокорпоративных интересах³²².

В литературе уже достаточно давно делаются предложения о введении специального механизма конституционной ответственности лиц, в рамках которого могли бы применяться: освобождение от должности высших должностных лиц; реформирование состава государственных органов; конституционные штрафы, применяемые к депутатам³²³.

³²⁰ См.: Штурнев А.Е. Конституционно-правовая ответственность за избирательные правонарушения: понятие и особенности юридической природы // Академический юридический журнал. 2003. № 2; Авдеенкова М., Дмитриев Ю. Конституционно-правовая ответственность в России. URL: <http://www.ydmitriev.ru/txt/0007.htm>

³²¹ Малько А.В., Маркунин Р.С. Ответственность и наказание депутатов в современной России // Современное право. 2013. № 2. С. 42.

³²² См.: Гладких В.И. Приглашение к дискуссии: все ли нас устраивает в современных формах вины и практике их применения? // Российский следователь. 2016. № 3. С. 27–33.

³²³ См.: Колосова Н.М. Оставьте неприкосновенность депутатам Государственной думы // Независимая газета. 2000. 12 сент.; Краснов М.А. Публично-правовая ответственность представительных органов за нарушение закона // Государство и право. 1993. № 6; Милушева Т.В., Ишеков К.А. К вопросу об ответственности государства в сфере законотворчества // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 8; Сергеев А.Л. Конституционная ответственность палат Федерального собрания Российской Федерации // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2006. № 4.

К основаниям юридической ответственности законодательных органов относят:

1) их индифферентность к полулегальной и противоправной деятельности³²⁴;

2) наличие технико-юридических недостатков оформления законодательных актов: нарушение порядка структурирования и нумерации их текстов, несовершенство правовых конструкций, создание неоправданно объемных и сложных для понимания нормативных актов, несоблюдение правил совершенствования законов, нарушение единообразия понятийного аппарата и т. д.³²⁵;

3) уклонение законодателя от проведения независимой научной экспертизы законопроектов³²⁶;

4) принятие законов без указания размеров и источников соответствующих ресурсов, необходимых для реализации норм; мер ответственности за нарушение закона, порядка и гарантий привлечения к ней³²⁷;

5) выход за рамки своей компетенции, издание законов по предметам ведения иных органов³²⁸;

---

³²⁴ См.: Сойфер В.Г. Пределы договорного регулирования трудовых отношений нуждаются в расширении // Трудовое право. 2009. № 4. С. 93.

³²⁵ См.: Бахвалов С.В. О проблемах юридической ответственности за ненадлежащее качество принимаемых законов // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 4. С. 33–35; Филаненко А.Ю. Уголовно-правовые аспекты борьбы с хищением // Российская юстиция. 2008. № 10. С. 44.

³²⁶ См.: Баев В.Г., Марченко А.Н., Мещерякова С.В. Качество нормативных правовых актов об ответственности законодательной власти за результаты своей деятельности // Современное право. 2016. № 3. С. 5–10.

³²⁷ См.: Демьянец М.В. Принципы юридической ответственности кредитных организаций в сфере банковской деятельности // Право и политика. 2008. № 4. С. 866.

³²⁸ См.: Ордина О.Н. Актуальные проблемы кодификации российского административного законодательства // Административное право и процесс. 2009. № 3. С. 19–21.

6) неисполнение или ненадлежащее исполнение решения референдума, нарушение порядка осуществления населением правотворческой инициативы, необоснованный отказ в предоставлении гражданину информации о деятельности законодательных органов³²⁹;

7) принятие законов, противоречащих Конституции РФ, ущемляющих права гражданина, нарушающих интересы государства³³⁰.

Существует и другой взгляд, где в качестве оснований ответственности законодателя называют:

- систематическое (три и более раз) грубое нарушение Конституции Российской Федерации, установленное Конституционным судом России;
- однократное грубое нарушение Конституции Российской Федерации, явившееся причиной массового нарушения прав и свобод человека и гражданина либо нанесшее значительный вред безопасности Российской Федерации и жизнедеятельности народов, проживающих на ее территории;
- злоупотребление полномочиями либо принятие очевидно необоснованного решения в пределах своей компетенции, ставшее причиной массового нарушения прав и свобод субъектов³³¹; и др.

В любом случае основанием конституционно-правовой ответственности является конституционное правона-

³²⁹ См.: Бахвалов С.В. О проблемах юридической ответственности за ненадлежащее качество принимаемых законов // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 4. С. 33–35.

³³⁰ См.: Баев В.Г., Марченко А.Н., Мещерякова С.В. Качество нормативных правовых актов об ответственности законодательной власти за результаты своей деятельности // Современное право. 2016. № 3. С. 5–10.

³³¹ См.: Сергеев А.Л. Конституционная ответственность палат Федерального собрания Российской Федерации // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2006. № 4. С. 28.

рушение (деликт)³³², под которым понимается деяние (действие или бездействие) субъекта конституционно-правовых отношений, не соответствующее должному поведению, предусмотренному нормами конституционного права, и влекущее за собой применение установленных мер конституционно-правовой ответственности³³³.

4.3.3. Вина законодателя

В зависимости от субъекта ответственности различается коллективная и индивидуальная ответственность³³⁴. При этом в рамках конституционной ответственности закрепление презумпции вины привлекаемого к ответственности субъекта видится вполне допустимым³³⁵. Допустимость закрепления презумпции вины связана с тем, что «при определении мер ответственности должен учитываться принцип, согласно которому чем больше субъект (носитель) власти ее получает, тем большую ответственность он несет перед гражданином, народом, населением»³³⁶. Кроме того, следует учитывать и то, что законодательные дефекты объективно нарушают или могут нарушать права человека. Последние «морально

---

³³² См.: Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002. С. 288.

³³³ См.: Виноградов В.А. Основание конституционно-правовой ответственности // Законодательство. 2003. № 2.

³³⁴ См.: Колосова Н.М. Конституционная ответственность в Российской Федерации: Ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации. М., 2000. С. 24.

³³⁵ См.: Чаннов С.Е. Развитие конституционной ответственности депутатов представительных органов власти // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4. С. 41–47.

³³⁶ Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 1998. С. 220.

убедительны по самому своему существу, внутренне, а не основаны на внешних эмпирических или логических суждениях»³³⁷.

Согласно концепции психологической вины³³⁸, которой придерживается большинство ученых, «вина — это психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию... и к его общественно опасным последствиям»³³⁹.

Применительно к законодателю некоторые авторы говорят об ответственности без вины. При этом если одни допускают отсутствие (наличие) вины только в некоторых случаях³⁴⁰, то другие настаивают на ответственности безотносительно наличия или отсутствия вины³⁴¹.

Существует и разделяемая нами противоположная точка зрения, согласно которой необходимым элементом конституционно-правовой ответственности является на-

---

³³⁷ Etzioni A. The Normativity of Human Rights Is Self-Evident // Human Rights Quarterly. 2010. Vol. 32. № 1. P. 190.

³³⁸ См.: Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве. М., 1963. С. 263; Дагель П.С. Проблемы вины в советском уголовном праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1969. С. 9; Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1969. С. 25.

³³⁹ Рагог А.И. Проблемы субъективной стороны преступления. М., 1991. С. 11.

³⁴⁰ См.: Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2005. С. 37; Виноградов В.А. Конституционно-правовая ответственность: системное исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 11; Забровская Л.В. Конституционно-правовая ответственность в ретроспективном формате // Закон и право. 2003. № 3. С. 34; Колюшин Е.И. Конституционное (государственное) право России. М., 1999. С. 22, 27.

³⁴¹ См.: Милушева Т.В., Ишеков К.А. К вопросу об ответственности государства в сфере законотворчества // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 8; Морозова Л.А. Выступление на заседании круглого стола // Государство и право. 2000. № 3. С. 52.

личие вины³⁴², так как ответственность без вины — это правовая аномалия³⁴³.

Так, В.А. Лучин говорит, что «в публичном праве нет отраслей, где бы ответственность возлагалась без учета вины»³⁴⁴. Д.Ю. Завьялов утверждает, что «субъект может быть виновен как в совершении противоправных деяний, так и в юридически нейтральных деяниях, повлекших за собой причинение вреда народу; в первом случае речь идет о наличии вины, во втором — о риске как о допущении неправомерного, неадекватного общественным ожиданиям распределения негативных последствий, т. е. когда наступление негативных последствий при решении социальных задач неизбежно»³⁴⁵.

По нашему мнению, наличие вины может быть персонализировано путем изучения результатов голосования за тот или иной закон. При этом об отсутствии вины за принятие закона, содержащего дефекты, может свидетельствовать только голосование «против», «воздержался» или неучастие в голосовании по уважительным причинам. Соответственно, голосование «за» однозначно свидетельствует о наличии вины за принятие некачественного закона. В данном случае вина «субъекта рассматривается как неприложение им допускаемых и требуемых конституционно-правовыми нормами усилий,

---

³⁴² См., в частности: Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 389; Конституционное право в Российской Федерации : в 9 т. / М.П. Авдеенкова, Ю.А. Дмитриев. Т. 1. М., 2005. С. 299.

³⁴³ См.: Мироненко М.Б. Принципы юридической ответственности в системе права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 19.

³⁴⁴ Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002. С. 292.

³⁴⁵ Завьялов Д.Ю. Конституционная ответственность как особый вид юридической ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002. С. 20.

в том числе неисполнение предоставленных полномочий и возможностей»³⁴⁶.

Если задаться вопросом о форме вины лиц, способствовавших появлению дефектов в общих положениях законов или допустивших это, то мы неизбежно придем к выводу, что это либо умысел, либо неосторожность.

Умышленными законодательными дефектами мы считаем дефекты, которые появились в результате прямого или косвенного умысла лиц, способствовавших их появлению. Прямой и косвенный умысел различаются по особенностям своего психологического содержания следующим образом:

- прямой умысел предполагает, что лицо осознавало антисоциальный характер и общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления;
- косвенный умысел предполагает, что лицо осознавало антисоциальный характер и общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично.

Разграничение между прямым и косвенным умыслами проходит по такому интеллектуальному признаку вины, как предвидение в прямом умысле как возможности, так и неизбежности наступления общественно опасных последствий, а в косвенном умысле — только их возможности, а также по направленности волевых усилий — желанию их наступления в прямом умысле и сознательному их допу-

---

³⁴⁶ Виноградов В.А. Конституционная ответственность: вопросы теории и правового регулирования. М., 2000. С. 52.

щению либо в безразличном отношении к ним — в косвенном³⁴⁷.

Неосторожными законодательными дефектами мы считаем дефекты, которые появились в результате небрежности лиц, допустивших их появление, при которой они не осознавали антисоциального характера своих действий (бездействия), не предвидели возможности наступления их общественно опасных последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должны были и могли предвидеть эти последствия.

Под бездействием в законотворчестве предлагается понимать ситуацию, когда законодатель должен создать (изменить, отменить) определенный массив законодательных норм, но по тем или иным причинам (не связанным с интересами общества и государства) этого не делает³⁴⁸.

4.3.4. Этос законотворчества

В контексте причин низкого качества законодательства, обусловленного отсутствием персональной ответственности парламентариев, можно говорить о «восприятии и оценке мира в определенный исторический момент неким безликим большинством членов общества, складывающимся... из единичных “сознаний” отдельных индивидуальностей»³⁴⁹.

---

³⁴⁷ См.: Гладких В.И. Приглашение к дискуссии: все ли нас устраивает в современных формах вины и практике их применения? // Российский следователь. 2016. № 3. С. 27–33.

³⁴⁸ См.: Панченко В.Ю., Сабиров А.М. Бездействие в правотворчестве // Современное право. 2015. № 6. С. 11–14.

³⁴⁹ Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. М., 2002. С. 775.

В то же время трудно не согласиться с тем, что, с одной стороны, требуется укреплять самостоятельность, независимость законодательной ветви в соответствии с концепцией разделения властей, а с другой — обеспечивать эффективность, добросовестность, профессионализм, компетентность всего депутатского корпуса, не исключая внешние формы воздействия со стороны гражданского общества³⁵⁰.

Воздействие на эффективность, добросовестность, профессионализм и компетентность законодателя может быть связано и с продвижением в практику законотворчества этических норм, недостаток которых, судя по низкому качеству законодательства, ощущается все больше и больше. Так, Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» возлагает на парламентария обязанность соблюдать этические нормы, перечень и содержание которых не определены. Вместо этого содержится отсылка к регламентам палат, то есть норма носит бланкетный характер. При этом ст. 44 Регламента Государственной думы определяет, что выступающий в Госдуме не вправе нарушать правила депутатской этики: употреблять грубые, оскорбительные выражения, наносящие ущерб чести и достоинству депутатов Государственной думы и других лиц, допускать необоснованные обвинения в чей-либо адрес, использовать заведомо ложную информацию, призывать к незаконным действиям.

Как видим, внимание сфокусировано на вопросах, которые только опосредованно влияют на качество законодательства. Видимо, парламентарии исходят из того, что обеспечение качества, научного характера и согласован-

---

³⁵⁰ См.: Аминов И.И. Этика российского парламентария как предмет нормативно-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 47–54.

ности законодательства не имеет прямого отношения к парламентской этике. Известные нам работы также посвящены рассмотрению различных аспектов правового регулирования парламентской этики (предмета правового регулирования, принципов парламентской этики, имеющих этический характер конфликтов и других аспектов парламентских коммуникаций³⁵¹), которые никак не увязываются с качеством законодательства.

Мы имеем свой взгляд на эту проблему и исходим из того, что настало время для некоторого переосмысления роли законотворчества как социального института в раз-

---

³⁵¹ См.: Аверьянова Н.Н., Локтионова Е.О. Морально-этический облик депутата парламента как предмет правового регулирования // Известия Саратовского университета. 2015. Вып. 1. С. 100–104; Акимова Т.И. К вопросу об этических аспектах профессиональных коммуникаций // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. 2014. № 3. С. 55–60; Аминов И.И. Этика российского парламентария как предмет нормативно-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 47–54; Апресян Р.Г. Особенности парламентской этики и возможные пути ее формирования // Парламентская этика в России : сб. материалов по этике. М., 2002; Бакштановский В.И. Опыт словаря прикладной этики для депутата // Парламентская этика в России : сб. материалов по этике. М., 2002; Бакштановский В.И. Этика политического успеха / В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов, В.А. Чурилов. Тюмень ; М., 1997; Борякин Д.В., Паулов П.А., Пинега Д.О. Принципы парламентской этики в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 9. С. 8–11; Госдума и Совфед разработают Кодекс этики парламентариев // Известия. 2017. 3 апр; Кодекс депутатской этики расколол Думу на два лагеря // Известия. 2013. 6 февраля; Леоненкова Н.П. Формирование парламентской культуры в российском обществе в условиях демократического развития : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2004; Назарова Ю.В. Этическая культура современного парламентаризма // Научные ведомости Белгородского гос. университета. 2014. № 2(173). С. 238–244; Окулич И.П., Конева Н.С. Политическая культура и парламентская этика — взаимосвязанные элементы комплексной проблемы совершенствования деятельности законотворческих институтов в Российской Федерации // Проблемы права. 2015. № 1. С. 64–71.

витии общества и государства. В наши дни законотворчество происходит на фоне бурно протекающих в стране социально-политических процессов, которые далеко не всегда носят позитивный характер.

Полагаем, что предложенный Р. Мертоном³⁵², дополненный Б. Барбером³⁵³ и другими учеными³⁵⁴ этос науки необходимо переработать под специфику законотворчества. Под этосом законотворчества мы понимаем совокупность моральных императивов, которые должны определять поведение парламентариев для обеспечения легитимности, качества, научного характера и согласованности законодательства. Этос законотворчества включает универсализм, коммунализм, организованный скептицизм, бескорыстие и ответственность.

*Императив универсализма*³⁵⁵ порождается внеличностным характером законодательства. Поскольку законода-

³⁵² См.: Merton R. K. The ambivalence of scientists // Ed. by R.K. Merton. Sociological Ambivalence and other Essaye. N. Y., 1976; Merton R.K. The sociology of science. Theoretical and empirical investigation. N. Y., 1973; Merton R.K. The Ambivalence of Scientists // Science and Society / Ed. N. Kaplan. Chicago, 1965.

³⁵³ См.: Barber B. Science and the Social Order. Glencoe, 1952. P. 126–129.

³⁵⁴ См.: Прайс Д. Малая наука, большая наука // Наука о науке / под ред. В.Н. Столетова. М., 1996; Barnes S.B., Dolby R.G. The Scientific Ethos: a Deviant Viewpoint // Archives Européennes de Sociologie. P., 1970. Vol. 11. № 1; Gaston J. Social Processes in Science // New Scientist. 1972. Vol. 56. № 823; Hagstrom W.O. Competition in Science // American Sociological Review. 1974. Vol. 39. № 1; Hirsch W. Knowledge for What? // Bulletin of the Atomic Scientists. Chicago, 1965. Vol. 21. № 5; Hirsch W. Scientists in American Society. N. Y., 1968; Jones R. Rights, Wrongs and Referees // New Scientist. 1974. Vol. 61. № 890; Mulkay M. Norms and Ideology in Science // Social Sciences Information. P., 1976. Vol. 15. № 3; Rothman R.A Dissenting View on the Scientific Ethos // British J. of Sociology. 1972. Vol. 23. № 1; Storer N.W. The Social System of Science. N. Y. ; L., 1966.

³⁵⁵ См.: Порус В. Н. Этика науки в структуре философии науки // Этос науки / отв. ред. Л.П. Киященко, Е.З. Мирская. М., 2008. С. 87–107; Сторер Н. Социология науки. Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972.

тельство является объективно существующим социальным регулятором, то оно должно быть универсальным и справедливым, то есть не зависеть от личностных характеристик конкретных парламентариев. Справедливость законодательства должна определяться его качеством, эффективностью и научным характером. В этом случае не возникает необходимости в определении ценности вклада каждого конкретного парламентария в результаты законотворческой деятельности. Таким образом, под законотворческим универсализмом понимается независимость результатов законотворческой деятельности от личностных характеристик парламентариев, выступающих инициаторами и (или) делающих другой вклад в развитие законодательства. При этом очевидно, что недостатки компетентности парламентариев объективно наносят прямой ущерб законодательству. Для преодоления этого фактора предназначен следующий императив.

*Императив коммунизма*³⁵⁶ имеет директивный характер и предписывает парламентарии незамедлительно передавать плоды своих начинаний в общее пользование, то есть свободно и без предпочтений сообщать о них заинтересованным лицам для общественного обсуждения, экспертизы и проверки³⁵⁷. Законотворческие инициативы, порядок их продвижения в органах власти и соответствующие результаты должны быть публичными, так как являются продуктом социального сотрудничества и принадлежат обществу. Они образуют общее достояние, в котором доля индивидуального «производителя норм»

---

³⁵⁶ См.: Демина Н. В. Мертоновская концепция этоса науки: в поисках социальной геометрии норм // Этос науки / отв. ред. Л.П. Киященко, Е.З. Мирская. М., 2008. С. 144–165; Мирская Е.З. Р. Мертон и его концепция социологии науки // Современная западная социология науки / под ред. В.Ж. Келле, Е.З. Мирской. М., 1988. С. 42–60.

³⁵⁷ См.: Батыгин Г. С. Коммуникации в научном сообществе // Этос науки / отв. ред. Л.П. Киященко, Е.З. Мирская. М., 2008.

должна быть весьма ограничена или вообще не приниматься во внимание. Дальнейшее развитие в законотворчестве эпонимической традиции³⁵⁸ противоречит сущности законодательства как социального регулятора. Участие в создании качественного, эффективного и научно обоснованного законодательства является обязанностью парламентариев. Авторство законодательной инициативы не должно давать кому-либо каких-либо дополнительных прав или привилегий и, тем более, не должно приниматься во внимание при распределении должностей в парламенте и иных органах власти.

*Императив организованного скептицизма*³⁵⁹ является одновременно методологической и институциональной нормой. Он требует детального объективного анализа любого законотворческого начинания и исключает возможность его некритического принятия. В законотворчестве не может быть чего-либо огражденного от критического анализа независимо от того, кто именно выступает с законодательной инициативой. Норма скептицизма предписывает парламентариию подвергать сомнению как свои, так и чужие инициативы и выступать с публичной критикой любого предложения, если он обнаружил его ошибочность. Институционализация требования публичной критики любой замеченной ошибки создаст уверенность

³⁵⁸ Эпоним — лицо, от имени которого образованы имена нарицательные или другие имена собственные (закон Архимеда, геометрия Лобачевского). См.: Блау М.Г. Судьба эпонимов. 300 историй происхождения названий. М., 2010; Блау М.Г. От добермана до хулигана. Из имен собственных в нарицательные. М., 2010; Губин В.Н. Эпонимы в кардиологии, ангиологии и ревматологии : справочник. СПб., 2003; Рязанцев В.Д. Имена и названия : словарь эпонимов. М., 1998.

³⁵⁹ См.: Лазар М.Г. Этика науки как новое направление в социологии науки // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. № 3. С. 147–158; Мирская Е.З. Этические регулятивы функционирования науки // Вопросы философии. 1975. № 3. С. 131–138.

в правильности и обоснованности законодательных инициатив. Императив организованного скептицизма создаст атмосферу ответственности, институционально подкрепит профессиональную честность парламентариев, предписываемую императивом бескорыстия.

Императивы ответственности и бескорыстия, хоть и в урезанном виде, но уже закреплены в действующем законодательстве. Они нуждаются в содержательном дополнении и обновлении.

Поведение парламентариев не может быть амбивалентным, то есть ориентированным на компромисс между названными и противоположными им императивами, особое место среди которых занимает партикуляризм³⁶⁰. Последний объединяет такие конституирующие структуру общества элементы, которые существуют или создаются на основе известных институтов и социальных групп и специфически негативно воздействуют на общественную структуру и политическую жизнь³⁶¹. Наибольший интерес представляет дезинтегрирующая функция партикуляризма, так как именно она подрывает стабильность, порождает различные кризисные ситуации и общественные катаклизмы, сопровождается распадом общенациональной идентичности и замещением ее иной идентичностью³⁶².

Ответственность парламентария должна исключать пристрастность и ненаучный характер оценок, кулуарное

---

³⁶⁰ Партикуляризм — стремление к частным моментам, обособлению. Данный термин широко используется в политике и обозначает преследование ведомственных интересов в ущерб интересам общества и государства. См.: Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000; Партикуляризм // Большая советская энциклопедия / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. Т. 19. М., 1975.

³⁶¹ См.: Олицкий А.В. Партикуляризм как универсальный фактор социального развития политической жизни в обществе переходного типа // Scietificjournal.ru.

³⁶² См.: Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история и современность. М., 1987.

сокрытие законотворческих инициатив и порядка их прохождения в органах власти, организованный догматизм в защите не вполне легитимных законотворческих концепций, иные отклонения от общественно полезного поведения. В нормальном законотворческом процессе подобное девиантное поведение должно неизменно быть предметом тщательного разбирательства. Ответственность людей, обладающих широкими возможностями влияния, — вот что позволяет жить государствам и социальным институтам³⁶³.

По справедливому мнению Е. Анчел, этос появляется там и тогда, где традиции общности оказываются либо потерянными, либо подвергающимися опасности, он проявляется в особых исторических ситуациях, когда под угрозой оказывается важнейший гуманистический принцип бытия человека, существования общечеловеческого. «Этос есть такое правосудие, которое препятствует воспроизведению общественной несправедливости... Предполагается, что существует нечто большее, чем мораль всех времен, что это “нечто” потенциально заложено в каждом человеке, в людях вообще, изначально задана возможность этоса»³⁶⁴.

---

³⁶³ См.: Зорькин В. Доверие и право // Российская газета. 2013. 29 апр.

³⁶⁴ Анчел Е. Этос и история. М., 1998. С. 16.

Заключение

Завершая работу над книгой, мы не можем отделаться от ощущения, что в реалиях сегодняшнего дня наши взгляды могут восприниматься как беспочвенный и бесполезный романтизм. Именно так в XVIII веке называли все, что существует лишь в книгах, а не в действительности¹. Если наши взгляды кому-то и покажутся романтическими, то это — *конституционный романтизм*, то есть противоречащая наблюдаемой картине мира убежденность в верховенстве права и других конституционных принципов.

Если немного перефразировать Канта², то можно сказать, что для конституционалиста есть позитивное наслаждение правильным законом, выражающееся в спокойном созерцании, и есть негативное (вызывающее изумление и осмысление) отношение к закону неправильному, бесформенному и бесконечному. В подобных случаях нужно иметь «мужество задаться вопросом о существовании и выразить свое отношение к аморальному социальному устройству» и настаивать, что, «если мы останемся в миазмах не связанных друг с другом де-

---

¹ См.: Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. Л., 1973; Раздольская В.И. Европейское искусство XIX века: Классицизм, романтизм. СПб., 2005; Рапацкая Л.А. Романтизм в художественной культуре Европы XIX в.: открытие «внутреннего человека». М., 2008; Федоров Ф.П. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига, 1988; Хрулев В.И. Романтизм как тип художественного мышления. Уфа, 1985; Яворская Н.В. Романтизм и реализм во Франции в XIX веке. М., 1938.

² См.: Кант И. Критика способности суждения. М., 1994.

талей, за этим не последует ничего, кроме дальнейшего упадка»³.

При этом, учитывая амбивалентность понимания эффективности законодательства в том смысле, что эффективным при определенных обстоятельствах может считаться и антидемократическое, антисоциальное законодательство, основными приоритетами правотворческой политики должны выступать общечеловеческие ценности, провозглашенные в Конституции РФ⁴.

Конституционализм выступает в защиту конституционных ценностей, против игнорирования научного подхода в законотворчестве, против вторжения в него партикуляризма, чиновничьего мшелоимства⁵, узкого прагматизма и ведомственности, «против смуты в умах, против опошленных общественных идеалов»⁶ и т. д. Чиновники зачастую не понимают, что имеется в виду, когда говорят о верховенстве права. Когда им указывают на несоответствие Конституции РФ предлагаемых ими нормотворческих нововведений, то в ответ нередко раздается: «А при чем здесь Конституция? Как напишем — так и будет!» Для них право и законодательство являются предметом потребления (для некоторых — личного потребления). В этом им некоторым образом помогает Церковь, которая также отрицает универсальность прав человека. Так, утверждает, что «недопустимым и опасным является истолкование прав человека как высшего и универсального основания

³ Сколимовский Г. Славянская философия: вымысел или будущее? // Агентство русской информации. 2001. 7 июля.

⁴ См.: Золотухина Т.А. Правотворческая политика российского государства // История государства и права. 2008. № 15.

⁵ Мшелоимство — страсть к выгоде. См.: Калугин С.М. Мшелоимство, скверноприбытчество // Православная газета «Благовест». 2005. 28 янв.; Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. 2.

⁶ Мережковский Д.С. Грядущий хам // Полярная звезда. 1905. № 3.

общественной жизни, которому должны подчиняться религиозные взгляды и практики»⁷.

Результатом изложенного стало положение, когда принятый в последнее время закон, полностью отвечающий предъявляемым требованиям, встретить сегодня практически невозможно — его буквально «днем с огнем не сыщешь». Несмотря на это, следует и дальше настаивать и убеждать в необходимости соблюдения в законотворчестве Конституции РФ. Исходя из этого, мы приступаем к разработке второго тома второй части Основ законодательной дефектологии, который посвятим рассмотрению принципов законодательства и презумпций в общих положениях законодательства, а также анализу их дефектов соответственно.

Завершая, хотелось бы подчеркнуть, что автору чужд либеральный европоцентризм, который, может, и имел некоторый смысл в Средние века, но сегодня окончательно дискредитировал себя тотальной толерантностью, слабостью государственных институций, неспособностью решать общие задачи, эгоизмом, оголтелой русофобией и иными известными факторами. Мы категорически не разделяем точку зрения, в соответствии с которой, если в Европе или Америке что-то делают, то это однозначно хорошо, и, тем более, точку зрения, согласно которой «Россия должна смелее делегировать свои суверенные права и отказаться от некоторой своей самостоятельности»⁸.

Автор убежден в необходимости и жизненной важности сильного государства, которое всегда должно быть готово и способно противостоять любым нападкам извне. Но в нашем понимании сильное государство должно не

---

⁷ Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека. М., 2010. С. 15.

⁸ Фрейберг А. Кудрин призвал Россию отказаться от национального эгоизма // Gaganews.ru. 2017. 2 ноября.

только брать на себя ответственность за своих граждан, но и нести ответственность перед ними. При этом положение, когда самыми страшными наказаниями для чиновников являются понижение в должности или увольнение со службы, представляется не вполне приемлемым. Отсутствие других видов ответственности приводит предпринимательское сообщество к ситуации, хорошо описанной классиком: «...но ни посторониться, ни прижаться нельзя, потому что из всякого угла раздается все то же “раззорю!”, которое гонит укрывающегося в другой угол и там, в свою очередь, опять настигает его»⁹.

В основе нашей критики российской государственности лежит убежденность, что цель государства должна состоять в повышении благосостояния, самостоятельности и инициативы населения, а не во всеобъемлющем усилении своего влияния на его жизнь. Последнее противоречит задаче повышения самостоятельности и инициативы социума. При этом автор ни в коем случае не претендует на истину в последней инстанции. Мы вполне согласны с тем, что «истинно лишь Священное писание, да и то лишь потому, что так утверждает Священное писание»¹⁰. Вполне возможно, что мы в чем-то не правы. Если так, то «научите меня, и я замолчу; укажите, в чем я погрешил»¹¹.

---

⁹ Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города // Собр. соч. : в 20 т. Т. 8. М., 1969. С. 336.

¹⁰ Головачев В.В. Извне-II. М., 2018. С. 9.

¹¹ Ветхий Завет. Иов. Гл. 6. Стих 24.

Словарь дефектологии общих положений законодательства

Г

Государственный супрематизм — политика и практика унижения частного сектора экономики, существенно затрудняющая осуществление прав частной собственности путем законодательного закрепления превосходства государственных интересов над частными, где частная собственность служит преимущественно государственным целям.

Д

Депутатский (чиновничий) аутизм — это обусловленное индивидуально-коллективным характером законотворчества ценностно негативное, а потому деструктивное мышление и поведение отдельных индивидов и (или) их групп, характеризующееся выраженными недостатками социального взаимодействия и общения, нарушенной коммуникацией, нередко гиперактивностью и дефицитом концентрации внимания, а также ограниченными интересами и повторяющимися действиями.

Дефект дробления предмета правового регулирования — необоснованное и чрезмерное дробление предмета правового регулирования в законе на множество пунктов и статей либо распределение предмета правового регулирования по множеству законодательных актов.

Дефект законодательной аксиологии — противоречащая принципам, закрепленным в Конституции РФ, а также политике, публично декларируемой руководством стра-

ны, и обусловленная воздействием на законотворчество ведомственных (групповых), экономических и (или) политических факторов ценностная (морально-этическая) установка, лежащая в основе соответствующих положений законодательства.

Дефект неизмеримости целеполагания закона — наличие целеполагающей дефиниции, которая не только сама не содержит каких-либо измеримых целевых показателей, но и не предполагает их регламентации в специальных (особенных) нормах закона.

Дефект некорректности целеполагания закона — наличие в целеполагающих дефинициях закона положений:

- нарушающих общепринятые правила установления целей (подмена целей задачами или функциями, их смешение и т. п.);
- содержащих формальные общеправовые заимствования из Конституции РФ и (или) не имеющих правового характера источников;
- информационного, а не мотивирующего характера, что не позволяет установить целесообразную волю законодателя;
- включающих нерегулируемые факторы, в том числе:
  - а) объективные: ограниченность финансовых, технологических и иных ресурсов, климатические условия и т. п.;
  - б) субъективные: благие пожелания, идеологемы, декларации, идеально-субъективные конструкции и т. п.

Дефект нелегитимности предмета правового регулирования — противоречие положений закона, определяющих предмет его правового регулирования, положениям Конституции РФ.

Дефект нелегитимности целей закона — не полное соответствие или противоречие предусмотренных законом

целей Конституции РФ, выражающееся в избыточности правового регулирования; направленности целеполагания на удовлетворение интересов одних участников регулируемых отношений в ущерб интересам других; мотивации на совершение неправомерных действий и т. п.

Дефект нечеткости (неполноты) задания цели — наличие целевых показателей, которые в совокупности не имеют прямой корреляции с состоянием «цель достигнута» и (или) не позволяют сделать на их основании исчерпывающий вывод о достижении цели; отсутствие целевых показателей, объективно указывающих на состояние общественных отношений в регулируемой сфере и позволяющих сделать вывод о том, что декларируемая цель достигнута.

Дефект общего положения закона — являющийся результатом какого-либо нарушения установленных правил порок (недостаток, ошибка, патология), оказывающий существенное негативное влияние на эффективность законодательного регулирования.

Дефект ограничения предмета правового регулирования — необоснованное отсутствие в предусмотренной законом дефиниции предмета правового регулирования отношений, имеющих существенный характер для законодательного регулирования соответствующей сферы.

Дефект отсутствия предмета правового регулирования — отсутствие в тексте закона положений, определяющих предмет его правового регулирования.

Дефект отсутствия целей закона — отсутствие в законе какого-либо упоминания о его целях, что не позволяет установить целесообразную волю законодателя и препятствует оценке легитимности, корректности, четкости, полноты и эффективности законодательного регулирования в соответствующей сфере.

Дефект пересечения предметов правового регулирования законов — отсутствие четкого разграничения между предметами правового регулирования различных законодательных актов.

Дефект расширения предмета правового регулирования — необоснованное включение в предусмотренную законом дефиницию предмета правового регулирования положений, имеющих избыточный характер и (или) отличные от целеполагания закона цели.

Дефект смешения предмета правового регулирования с целями закона — отсутствие четкого разграничения между предметом правового регулирования и имеющими формальный характер целями закона.

Дефект формальности предмета правового регулирования закона — положение, при котором в основу дефиниции предмета правового регулирования положены чисто формальные принципы, акцентирующие значение формы в ущерб содержанию.

3

Законодательная контагиозность — обусловленное деформацией правопонимания и правоприменения законономерное свойство дефектных общих положений закона препятствовать или существенно затруднять нормальное действие правильных (недефектных) общих и особых положений данного закона и смежного законодательства.

Законодательная ригидность — свойство устойчивости (неподатливости, твердости) одних дефектных общих положений закона к негативному воздействию других дефектных общих положений данного закона, а также к позитивному влиянию его потенциально недефектных общих положений.

Законодательная супрессия — закономерное полное или ограниченное (частичное) подавление действия правильных (недефектных) общих и особенных положений закона, обусловленное наличием в данном законе дефектных общих положений.

Законодательный симулякр — совокупность положений и предписаний специального законодательства, которые маскируются под существующие базовые законодательные институты, симулируют их, но в связи с отсутствием необходимых свойств (критериев, условий) и наличием свойств (критериев, условий), которых у последних быть не может, являются лишь их законодательными имитациями (симуляциями).

Закономерности функционирования дефектов общих положений закона — устойчивые и регулярные взаимосвязи между дефектными, а также между дефектными и недефектными общими положениями, обнаруживающиеся в процессе действия данного закона, при внесении в него изменений и дополнений, а также в процессе действия и развития смежного законодательства.

Законотворческий коммунизм — императив, предписывающий парламентарии незамедлительно сообщать о своих законотворческих инициативах заинтересованным лицам для их общественного обсуждения, экспертизы и проверки.

Законотворческий скептицизм — императив, предписывающий парламентарии подвергать сомнению как свои, так и чужие законодательные инициативы, организовывать их широкое общественное обсуждение, научную экспертизу и иные проверки, а также выступать с публичной критикой любого предложения, если он обнаружил его ошибочность.

Законотворческий универсализм — императив, предполагающий независимость результатов законотворческой

деятельности от личностных характеристик парламентариев, выступающих инициаторами и (или) делающих другой вклад в развитие законодательства.

К

Квалифицированная контагиозность дефектов закона — обусловленное наличием дефектов законодательной аксиологии свойство положений закона препятствовать или существенно затруднять нормальное действие правильных (недефектных) положений законодательства, приводящее к нарастанию дефектов в общих и множестве специальных (особенных) положениях данного и смежного законодательств.

Конституционный романтизм — противоречащая наблюдаемой картине мира убежденность в верховенстве права и других конституционных принципов.

Л

Латентные общие положения закона — общие положения, которые хотя и присутствуют в законе в скрытом состоянии, но проявляют себя во множестве специальных (особенных) положений данного закона.

О

Общие (исходные, учредительные) положения закона — нормы, содержание которых устанавливает общие (единые) цели, принципы, формы и условия правоотношений в сфере, регулируемой данным законом.

П

Принцип прозрачности общих положений закона — специальный принцип законотворчества, который предполагает содержательное закрепление всех общих положений в тексте закона.

Простая законодательная контагиозность — закономерное свойство дефектных общих положений закона препятствовать или существенно затруднять нормальное действие правильных (недефектных) общих положений данного закона.

Психологическая ригидность законотворца и правоприменителя — неготовность к построению противоречащей ведомственным (узкогрупповым) и иным нелегитимным интересам концептуальной картины окружающего мира, а также к отказу от уже сформировавшихся ведомственных потребностей и привычных способов их удовлетворения и принятию новых общественно полезных мотивов.

Психология законотворчества — раздел социальной психологии, изучающий закономерности поведения и деятельности законотворцев, обусловленные включением их в данную социальную группу, их индивидуальные и групповые психологические характеристики и мотивы, а также влияние этих закономерностей, характеристик и мотивов на результаты законотворческой деятельности.

Р

Раздаточная экономика — экономика, принципиально отличающаяся от экономики рыночного типа, суть которой состоит в институционализации механизмов «сдачи-раздачи» посредством закрепления механизмов административных жалоб, ручного управления, административных наказаний и т. д., а также в ценностной ориентации большинства населения на сильное служебное государство.

С

Синергия дефектов общих положений — закономерное усиление негативных последствий в процессе взаимодействия двух или более дефектов общих положений, характеризующееся тем, что их совместное действие при-

водит к такому нарастанию дефектного законодательного материала, которое существенно превосходит простую сумму негативных последствий каждого из них.

Служебное государство — государство, основанное на принципе служения как одном из базовых принципов имперской государственности, где доступ к пользованию и распоряжению государственной и общественно-служебной собственностью осуществляется в форме службы, в качестве которой рассматривается и предпринимательская деятельность.

Супрематический закон — нацеленный на обслуживание интересов правительства законодательный акт, не вытекающий из универсальных правил и принимаемый на основании специального решения, способствующий превращению предпринимательского сообщества в ресурс для осуществления государственных экспериментов и программ.

Супрессия недефектных общих положений закона в законотворчестве — игнорирование по каким-либо причинам нежелательных для законотворца недефектных общих положений закона и придание большей значимости желательным дефектным общим положениям.

Супрессия недефектных общих положений закона в правоприменительной практике — игнорирование и (или) принижение роли и значения нежелательных для правоприменителя в данный момент правильных (недефектных) общих и особенных положений закона и преувеличение роли и значимости дефектных общих и особенных положений данного закона.

Э

Экземплификация в законодательной дефектологии — ориентированный на примеры моделей законодательного регулирования способ обоснования выдвигаемых

тезисов (изложения научного материала), предполагающих наличие тезиса, экземплификационного множества (множества примеров) и выбор одного или нескольких из множества примеров, подтверждающих выдвигаемый тезис.

Эпитаксия дефектов общих положений закона — закономерное появление и нарастание дефектного материала в специальных (особенных) положениях данного закона, являющиеся неизбежным следствием наличия дефектов в его общих положениях.

Этос законотворчества — совокупность моральных императивов, которые должны определять поведение парламентариев для обеспечения легитимности, качества, научного характера и согласованности законодательства, включающая универсализм, коммунизм, организованный скептицизм, бескорыстие и ответственность.

Я

Явные общие положения закона — положения, которые имеют содержательное текстуальное закрепление в тексте закона.

Список использованной литературы

---

1. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М., 2000.
2. Авакьян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8.
3. Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Очерк грамматики русского литературного языка. Ч. I: фонетика и морфология. М., 1945.
4. Авдеев Ю.Б. Аудиторы, ЦБ и СРО: правовые основы. Вправе ли ЦБ регулировать аудиторскую деятельность? // Audit-it.ru. 2018. 6 дек.
5. Авдеенкова М., Дмитриев Ю. Конституционно-правовая ответственность в России. URL: <http://www.ydmitriev.ru/txt/0007.htm>
6. Аверьянова Н.Н. Конституционно-правовое регулирование земельных отношений в Российской Федерации : монография / под ред. Г.Н. Комковой. М., 2017.
7. Аверьянова Н.Н., Локтионова Е.О. Морально-этический облик депутата парламента как предмет правового регулирования // Известия Саратовского университета. 2015. Вып. 1.
8. Аврутин Ю.Е. Преодолимы ли парадоксы парадигм публичного управления в теории государственного управления и в административном праве? // Административное право и процесс. 2016. № 8.
9. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. М., 2002.
10. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Изв. АН СССР. Отделение экономики и права. 1946. № 6.

11. Аджемоглу Д., Робинсон Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М., 2017.
12. Азархин А.В. Цель и целеполагание в правотворчестве как критерий эффективности гражданского законодательства // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2016. Т. 1. № 2.
13. Азбукин Д.И. Проблемы специальной педагогики и психологии // Труды Института дефектологии. 1948.
14. Азизов Р.Ф. оглы, Борченко В.А. Объект и предмет правового регулирования: проблема соотношения понятий // История государства и права. 2006. № 11.
15. Азизян И.А. Парадоксы 30-х гг.: идеи синтеза, бытие супрематизма // Вопросы искусствознания. 1996. № 1.
16. Азнагулова Г.М. Вопросы рецепции западной идеи разделения властей в правовую систему России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 10.
17. Акимова Т.И. К вопросу об этических аспектах профессиональных коммуникаций // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. 2014. № 3.
18. Акчурин И.А. Телеономичность больших динамических систем — характерная черта постнеклассической науки // Вопросы философии. 2006. № 8.
19. Алейникова А.Б. Отношения собственности как предмет межотраслевого правового регулирования: общетеоретические и практические проблемы // Российская юстиция. 2018. № 8.
20. Александров В.Я. Реактивность клеток и белки. Л., 1985.
21. Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. М., 1981. Т. 1.
22. Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. М., 1982. Т. 2.
23. Алексеев С.С. Теория государства и права. М., 2001.
24. Алексеева Л.А. Взаимодействие органов внутренних дел с органами местного самоуправления // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2019. № 1.
25. Алексеева Л.В. Методология подхода к субъектным возможностям человека в юридически значимой ситуации // Фундаментальные и прикладные исследования современ-

- ной психологии: результаты и перспективы развития / отв. ред. А.Л. Журавлёв, В.А. Кольцова. М., 2017.
26. Алексеева М.А. Малоизвестные произведения русского искусства XVII — первой половины XVIII в. — гравюры на антиминсах // Памятники культуры: Новые открытия. Л., 1984.
  27. Алексеева Т.А. Современные политические теории. М., 2000.
  28. Алексеевская Е.И. Теоретические и практические проблемы производства в суде надзорной инстанции : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
  29. Алиэскеров М.А. Проблемы кассационного производства по гражданским делам : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.
  30. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. СПб., 2000.
  31. Аминов И.И. Этика российского парламентария как предмет нормативно-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8.
  32. Андреев Д.С. Дефектные административно-правовые акты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
  33. Андреева Г.М. Социальная психология : учеб. для вузов. М., 2008.
  34. Андреева Т.Е. Организационные изменения: сравнительный анализ основных концепций // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2004. № 2.
  35. Андреевский И.Е. Полицейское право : в 2 т. 2-е изд. СПб., 1874–1876.
  36. Аникушин С.В. О некоторых вопросах соблюдения общеправового принципа защиты прав и свобод человека и гражданина при назначении на воинские должности военнослужащих // Право в Вооруженных силах. 2018. № 12.
  37. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: памятка. М., 2019.
  38. Антонов А.Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
  39. Анчел Е. Этнос и история. М., 1998.
  40. Апресян Р.Г. Особенности парламентской этики и возможные пути ее формирования // Парламентская этика в России : сб. материалов по этике. М., 2002.

41. Апресян Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова // Избранные труды. Т. 2. М., 1995.
42. Аркадьев П.М., Летучий А.Б. Транзитивность импликации и естественный язык: парадоксы каузативных конструкций в типологическом освещении // Семинар МГУ. 2009. № 135.
43. Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства. М., 1994.
44. Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. СПб., 2004.
45. Арсеньев А.С. О проблеме свободы и зависимости человека современной цивилизации : философский очерк. Развитие личности. М., 2005.
46. Артеменков В.К. Физические лица как объекты прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Законность. 2017. № 11.
47. Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М., 1999.
48. Асмус В.Ф. Античная философия. М., 1976.
49. Асмус В.Ф. Платон. М., 1969.
50. Асмус В.Ф. Проблема целесообразности в учении Канта об органической природе и в эстетике // Кант И. Соч. Т. 5. М., 1966.
51. Асмус В.Ф. Собрание сочинений : в 7 т. М., 2015.
52. Асмус В.Ф. Учение логики о доказательстве и опровержении. М., 1954.
53. Астафьев А.Ю. С чего начинается суд присяжных? // Российский судья. 2019. № 4.
54. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. М., 1997.
55. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. М., 2004.
56. Аубакирова И.У. Трансформация парадигмы социального государства: теоретико-правовой аспект // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 6.
57. Ахманова О.С. Единицы языка // Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е. М., 2007.

58. Багдасарян И.А. Постатейный комментарий Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих». М., 2018.
59. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2005.
60. Баев В.Г., Марченко А.Н., Мещерякова С.В. Качество нормативных правовых актов об ответственности законодательной власти за результаты своей деятельности // Современное право. 2016. № 3.
61. Базаров Б.Б. Давность в российском налоговом праве: понятие и признаки // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 11.
62. Баканева Н.Г., Задорожный М.Д. Ограниченные вещные права на земельные участки: тенденции развития законодательства // Юрист. 2017. № 9.
63. Бакунин М.А. Государственность и анархия. М., 2014.
64. Бакштановский В.И. Опыт словаря прикладной этики для депутата // Парламентская этика в России : сб. материалов по этике. М., 2002.
65. Бакштановский В.И. Этика политического успеха / В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов, В.А. Чурилов. Тюмень ; М., 1997.
66. Балл Г.А. Теория учебных задач: Психолого-педагогический аспект. М., 1990.
67. Банк России в XXI веке / отв. ред. П.Д. Баренбойм, В.И. Лафитский М., 2003.
68. Барбашин М.Ю. Институты и идентичность: методологические возможности теории институционального распада в современных социальных исследованиях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII. № 4(75).
69. Баранов В.М. Истинность норм советского права. Проблема теории и практики. Саратов, 1989.
70. Баранов В.М., Сырых В.М. Законотворческие ошибки: понятие и типология // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сб. ст. : в 2 т. / Под ред. В.М. Баранова. Т. 1. Н. Новгород, 2001.

71. Баренбойм П. Конституционная экономика и центральный банк // Российская юстиция. 1997. № 11.
72. Бартов А.А. Философия современного искусства: создание гиперреальности и деконструкция культуры // Нева. 2004. № 11.
73. Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 2-е изд. М., 2017.
74. Барциц И.Н. Конституционные мифы и конституционные иллюзии. О героическом прошлом и лучшем будущем. М., 2018.
75. Барулин В.С. Социальная философия. М., 2002.
76. Баршев С.И. Взгляд на науку уголовного законовещения. СПб., 1858.
77. Басиев М.С. К вопросу о концепции конституционно-правовой ответственности // Право и политика. 2006. № 9.
78. Батай Ж. Внутренний опыт. СПб., 1997.
79. Батеева Е.В., Питерская А.Л. Проблемы теоретического обоснования доктрины правового государства // Средне-русский вестник. 2015. Т. 10. № 6.
80. Батыгин Г. С. Коммуникации в научном сообществе // Этнос науки / отв. ред. Л.П. Киященко, Е.З. Мирская. М., 2008.
81. Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008.
82. Бауэр В.П. О реализации института оценки регулирующего воздействия в области налогового администрирования офшорной деятельности (на примере концепции бенефициарного собственника доходов) // Безопасность бизнеса. 2015. № 2.
83. Бахвалов С.В. О проблемах юридической ответственности за ненадлежащее качество принимаемых законов // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 4.
84. Бахрах Д.Н., Российский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право : учеб. для вузов. 2-е изд. М., 2005.
85. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
86. Бежан А. Потребительский экстремизм // Корпоративный юрист. 2009. № 3.
87. Безруков А.В. Конституционно-правовые аспекты осуществления законодательной власти по обеспечению правопорядка в России. М., 2015.

88. Безруков А.В. Обеспечение правопорядка органами конституционного правосудия в России (на примере выявления, преодоления и устранения пробелов в праве) // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 2.
89. Беккер Г. Современная теория священного и светского и ее развитие // Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / под ред. Г. Беккера и А. Боскова. М., 1961.
90. Белов В.А. Злоупотребление правом или злоупотребление законом? // Законодательство. 2002. № 8.
91. Беляев Д.Ф. Ежедневные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм Святой Софии в IX–X вв. // Записки Императорского Русского археологического общества. СПб., 1893.
92. Беляев М.А. Сверхрегулирование как симптом кризиса правовой системы // Кризис права: история и современность / под общ. ред. В.В. Денисова, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова. СПб., 2018.
93. Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. М., 1994.
94. Бендат Дж., Пирсол А. Прикладной анализ случайных данных. М., 1989.
95. Бенерджи Р. Теория решения задач. Подход к созданию искусственного интеллекта. М., 1972.
96. Берг Л.С. Труды по теории эволюции. 1922–1930. Л., 1977.
97. Бердяев Н. Персонализм и марксизм // Путь. 1935. № 48.
98. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. Л., 1973.
99. Берман Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 2008.
100. Бернацкий М.В. Русский Государственный банк как учреждение эмиссионное. Спб., 1911.
101. Берсенева Т.П. Синергия в культуре: монография. Омск, 2014.
102. Берсенева Т.П. Синергия: сущностные характеристики и формы проявления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 2(64).

103. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем: Обзор проблем и результатов // Системные исследования. М., 1969.
104. Беспалов Ю.Ф. Семейное законодательство РФ: некоторые дефекты, проблемы правоприменения и направления совершенствования // Семейное и жилищное право. 2018. № 2.
105. Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформацию. М., 2006.
106. Бессонова О.Э. Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. М., 2015.
107. Бехтерев Ю.Ю. Изучение личности заключенного. М., 1928.
108. Бибахин В.В. Диалектическая мысль в современной науке // Диалектика и ее критики. М., 1996.
109. Библер В.С. На гранях логики культуры. М., 1997.
110. Битянова Н.Р. Социальная психология. М., 2001.
111. Благодир А.Л. Отношения по обязательному социальному страхованию в предмете трудового права: история и современное состояние // Журнал российского права. 2018. № 7.
112. Блау М.Г. От добермана до хулигана. Из имен собственных в нарицательные. М., 2010.
113. Блау М.Г. Судьба эпонимов. 300 историй происхождения названий. М., 2010.
114. Блейлер Э. Аутистическое мышление. Одесса, 1927.
115. Блейлер Э. Руководство по психиатрии. СПб., 1920.
116. Богдан В.В., Урда М.Н. Судебная «защита» прав потребителей: отдельные проблемы правоприменительной практики // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 3.
117. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было / пер. с фр. А. Качалова. М., 2016.
118. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / пер. с фр. Н. Сулова. Екатеринбург, 2006.
119. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.
120. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с англ. А. Качалова. М., 2015.
121. Болдинов Я.В. Основные парадигмы антимонопольного регулирования энергетических рынков в Европейском союзе и Республике Польша // Конкурентное право. 2017. № 4.

122. Бондарева Э.С., Гусев А.Ю., Менкенов А.В., Антонова Н.В., Богатырева Н.В., Слесарев С.А. Комментарий к Федеральному закону от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2018.
123. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным судом Российской Федерации. М., 2005.
124. Бондарь Н.С. Законодательные пробелы — категория конституционно-правовой дефектологии: методология исследования, практика преодоления // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 3.
125. Бондарь Н.С., Соболева Е.А. Судебный нормоконтроль за законами субъектов РФ: соотношение конституционных и административных начал нуждается в уточнении // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 3.
126. Бондач А.Г., Подвойский Д.Г., Попов В.А. Иерархия // Большая российская энциклопедия / гл. ред. Ю.С. Осипов. М., 2004–2017.
127. Борисов А.Б. Большой юридический словарь. М., 2010.
128. Боровой А.А. Анархизм. М., 2011.
129. Боровой А.А. Революционное творчество и парламент. М., 1917.
130. Борченко В.А. Объект частноправового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.
131. Боруленков Ю.П. Информационно-интерпретационная парадигма юридического познания // Мировой судья. 2016. № 12.
132. Борякин Д.В., Паулов П.А., Пинега Д.О. Принципы парламентской этики в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 9.
133. Бочкарев В.Н. Екатерина и Франция // Отечественная война и русское общество 1812–1912. М., 1912. Т. 1.
134. Бошно С.В. Доктрина как форма и источник права // Правоведение. 2002. № 5.
135. Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве. М., 1963.

136. Братко А.Г. Центральный банк в банковской системе России. М., 2003.
137. Братусь С.Н. О пределах осуществления гражданских прав // Государство и право. 1967. № 3.
138. Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947.
139. Брауде И.Л. Избранное: Очерки законодательной техники. Некоторые вопросы системы советского права. М., 2010.
140. Бредберри Т. Эмоциональный интеллект 2.0. М., 2017.
141. Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история и современность. М., 1987.
142. Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма / Герасимов И., Могильнер М., Семенов А. (ред.). Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010.
143. Брушлинский А.В. Психология мышления и кибернетика. М., 1970.
144. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. 3-е изд. М., 2009.
145. Будылин С.Л. Прецедент на распутье. Краткая история судебного правотворчества в России // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 11.
146. Булаков О.Н., Рязанцев И.Н. Парламентское право России / под ред. О.Н. Булакова. М., 2007.
147. Булыгина Т.В. Единицы языка // Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М., 1969–1978.
148. Бунге М. Причинность / пер. с англ. М., 1962.
149. Бурков В.Н. Основы математической теории активных систем. М., 1977.
150. Бурков В.Н., Новиков Д.А. Как управлять проектами. М., 1997.
151. Быков В.М., Манова Н.С. Включает ли в себя независимость судей право на судебную ошибку? // Российский судья. 2017. № 4.
152. Бычков А.И. Дефекты, ошибки и неурядицы: правовое регулирование. М., 2017.

153. Бычков А.И. Индустрия гостеприимства в России. М., 2017.
154. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 1997.
155. Вагин О.А. Конституционная законность оперативно-розыскной деятельности // Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности : сб. науч. трудов / под общ. ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. М., 2017.
156. Ван ден Брук А.М. Миф о вечной империи и Третий рейх. М., 2009.
157. Василевич Г.А. Цифровизация права как средство повышения его эффективности // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8.
158. Васильев А.А. Правовая доктрина как источник права: историко-теоретические вопросы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2007.
159. Васильев А.А. Правовая доктрина как источник права: историко-теоретические вопросы : дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2007.
160. Васильева Т.В. Афинская школа философии. Философский язык Платона и Аристотеля. М., 1985.
161. Введение в практическую социальную психологию / под ред. Ю.М. Жукова, Л.А. Петровской, О.В. Соловьёвой. М., 1997.
162. Вдовина И.С. Французский персонализм (1932–1982). М., 1990.
163. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.
164. Ведяхин В.М., Шубина Т.Б. Защита права как правовая категория // Правоведение. 1998. № 1.
165. Велиева Д.С., Пресняков М.В. Регулирование и защита прав человека и гражданина в России: проблема разграничения правотворческих полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами // Журнал российского права. 2017. № 5.
166. Вертгеймер М. Продуктивное мышление. М., 1987.
167. Ветхий Завет. Иов. Гл. 6. Стих 24.
168. Викторов А.Ш. Институты неравенства в современном обществе. Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2019. № 25(1).

169. Викулин А.Ю. Антимонопольное регулирование рынка банковских услуг. М., 2001.
170. Викулин А.Ю. Начала теории законодательных дефектов : монография. М., 2019.
171. Викулин А.Ю. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О кредитных историях» (постатейный). М., 2013.
172. Викулин А.Ю. Основы законодательной дефектологии. Часть первая: Введение. М., 2019.
173. Викулин А.Ю., Рустамьян В.Л. О системе принципов законодательства о кредитных историях // Государство и право. 2008. № 3.
174. Викулин А.Ю., Рустамьян В.Л. Система принципов законодательства о кредитных историях // Банковское право. 2008. № 5.
175. Вилисов М.В. Доктрина как технология государственного управления // Конституция и доктрины России современным взглядом : материалы Всерос. науч. конф. (Москва, 17 марта 2009 г.). М., 2009.
176. Виноградов В.А. Конституционная ответственность: вопросы теории и правового регулирования. М., 2000.
177. Виноградов В.А. Конституционно-правовая ответственность: системное исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.
178. Виноградов В.А. Основание конституционно-правовой ответственности // Законодательство. 2003. № 2.
179. Виноградов В.А. Плеоназм. Редупликация. Тавтология // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
180. Винокуров Ю.Е., Винокуров А.Ю. Прокурорский надзор. Особенная часть. М., 2018. Т. 2.
181. Витрук Н.В. Право, демократия и личность в конституционном измерении (история, доктрина и практика) : избранные труды (1991–2012 гг.). М., 2017.
182. Вишневский А.А. Современное банковское право: проявления смены парадигмы // Банковское право. 2014. № 2.
183. Вишневский А.А. Финансовый уполномоченный vs финансовый омбудсмен: об эффективности институтов защиты прав потребителей финансовых услуг // Закон. 2018. № 9.

184. Владимиров Л.Е. Психические особенности преступников по новейшим исследованиям. М., 1877.
185. Власенко Н.А. Логико-структурные дефекты системы советского права // Правоведение. 1991. № 3.
186. Власенко Н.А. О кризисных явлениях в праве // Юридическая техника. 2014. № 8.
187. Волков Г.А. О методологии природоресурсных отраслей права // Экологическое право. 2018. № 1.
188. Вольф Р. О философии. М., 1996.
189. Вопросы воспитания нормального и дефективного ребенка. М., 1924.
190. Воробьев В.Ю. Шизофренический дефект (на модели шизофрении, протекающей с преобладанием негативных расстройств) : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 1988.
191. Воробьев Н.И., Воробьева Л.В., Макаров О.В., Свирков С.А., Сысоев Н.Н., Артемьев Е.В., Беляев М.А., Федосова А.В., Богатырева Н.В. Комментарий к Федеральному закону от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // СПС КонсультантПлюс. 2019.
192. Воронина И.А., Савошикова Е.В., Саблин Д.А. Интеграция биомедицины и биоэтики в правовое пространство как основа охраны и защиты прав граждан на здоровье и медицинскую помощь // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 9.
193. Вострикова В.В. Принцип верховенства права как основополагающая идея либеральной модели правового государства (конец XIX — начало XX в.) // Альманах современной науки и образования. 2009. № 7-2.
194. Всемирная организация здравоохранения. Класс V: Психические расстройства и расстройства поведения (F00–F99) (адаптированный для использования в Российской Федерации). Ч. 1 // Международная классификация болезней (10-й пересмотр). Ростов н/Д, 1999.
195. Всемирная организация здравоохранения. Раздел V «Международной статистической классификации болезней, травм и причин смерти 9-го пересмотра», адаптированный для использования в СССР. М., 1983.

196. Всемирная энциклопедия. Философия. М. ; Харьков, 2001.
197. Выготский Л.С. Основы дефектологии. СПб., 2003.
198. Вышкварцев В.В. Генезис идеи правового государства и ее реализация в России на современном этапе // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 2.
199. Габышев Д.Н. Искусство составлять задачи и немного об их решении : учеб. пособие. Тюмень, 2012.
200. Гавеля В.Л. Целеполагание в структуре социальной деятельности человека : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1998.
201. Гаврилов Е.В. Правовая позиция Конституционного суда Российской Федерации о компенсации нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам // Российский судья. 2018. № 7.
202. Гаврилов Е.В. Способы защиты прав субъектов предпринимательской деятельности от «нематериальных убытков» // Хозяйство и право. 2011. № 7.
203. Гагиев А.К. Цели и задачи судопроизводства в отечественном и зарубежном цивилистическом процессе в контексте повышения эффективности правосудия // Общество и право. 2009. № 3.
204. Гаджиев Г. Принципы права и право из принципов // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2.
205. Гайденок П.П. Эволюция понятия науки. М., 1980.
206. Гайденок П.П. Экзистенциализм // Новая философская энциклопедия. 2-е изд. М., 2010.
207. Гален К. О назначении частей человеческого тела. М., 1971.
208. Галиева С.И. Формулирование и реализация государственной политики через призму теорий политического процесса // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2016. № 3(20).
209. Ганнушкин П.Б. Избранные труды. М., 1964.
210. Гапонов-Грехов А.В., Рабинович М.И. Нелинейная физика. Стохастичность и структуры // Физика XX века. Развитие и перспективы. М., 1984.
211. Гараджа В.И. Неотомизм. Разум. Наука. М., 1969.
212. Гаррис Р. Школа адвокатуры: Руководство к ведению гражданских и уголовных дел. М., 2008.

213. Гегель Г.В.Ф. Английский билль о реформе 1831 года. М., 1978.
214. Гегель Г.В.Ф. Наука логики : в 2 т. Т. 1. М., 1970.
215. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук : в 2 т. Т. 2. М., 1975.
216. Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: история, теория и практика. М., 2011.
217. Гернет М.Н. Уголовное право: Часть общая. Херсон, 1913.
218. Гетман И.М. Тезаурус как инструмент современного языкознания : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1991.
219. Гиляровский В.А. Психиатрия. М., 1954.
220. Гимпельсон Е.Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М., 1973.
221. Гирц К. Здравый смысл как культурная система // Неприкосновенный запас. 2007. № 4(54).
222. Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. М., 2004.
223. Гирц К. Искусство как культурная система // Социологическое обозрение. Т. 9. 2010. № 2.
224. Gladkih V.I. Парадоксы современного законотворчества: критические заметки на полях Уголовного кодекса // Российский следователь. 2012. № 11.
225. Gladkih V.I. Приглашение к дискуссии: все ли нас устраивает в современных формах вины и практике их применения? // Российский следователь. 2016. № 3.
226. Gladkov I.A. Очерки советской экономики. 1917–1920 гг. М., 1956.
227. Goverdovskiy V.I. История понятия коннотации // Науч. докл. Высш. шк. филол. науки. 1979. № 2.
228. Golovachev V.V. Извне-II. М., 2018.
229. Golovin A.Yu. Словарь практического психолога. Минск, 1998.
230. Golovina S.Yu. Дефекты Трудового кодекса России и способы их устранения // Юрист. 2008. № 4.
231. Golovko V.V., Beketov O.I., Mayorov V.I. Государственная инспекция безопасности дорожного движения: проблемы реформы и перспективы // Административное право и процесс. 2016. № 12.

232. Голуб И.Б. Основы красноречия. М., 2000.
233. Голубев С.А. Правовое положение Банка России // Юридическая работа в кредитной организации. 2005. № 3.
234. Голубев С.А. Роль Центрального банка Российской Федерации в регулировании банковской системы страны. М., 2000.
235. Голубинцев В.О., Данцев А.А., Любченко В.С. Абстрагирование. Восхождение от абстрактного к конкретному // Философия для технических вузов. Ростов н/Д, 2003.
236. Гонгало Б.М. Гражданское право : учеб. Т. 1. М., 2017.
237. Горбачев И.Г. Российский федерализм: принципы построения и конституционно-договорная база разграничения предметов ведения и полномочий. СПб., 2000.
238. Горбунова М.Ю. Социальная психология. М., 2006.
239. Горохов Д.Б., Горохова Ю.В. Животные и растения — субъекты права по законодательству Российской Федерации: констатация абсурда или научное открытие? // Адвокат. 2016. № 11.
240. Горячева Т.В. Супрематизм и социум // Супремус. 1992. № 1.
241. Госдума: «взбесившийся принтер» или Россия в миниатюре? // BBC News. Русская служба. 2013. 5 марта.
242. Госдума и Совфед разработают Кодекс этики парламентариев // Известия. 2017. 3 апр.
243. Государственный банк. Краткий очерк деятельности за 1860–1910 годы. Спб., 1910.
244. Гребер Д. Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии / пер. с англ. А.Л. Дунаева. М., 2016.
245. Гревцов Ю.И. К проблеме правового регулирования // Правоведение. 1981. № 1.
246. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000.
247. Грибоедов А.С. Горе от ума : комедия в четырех действиях в стихах. М., 2008.
248. Губин В.Н. Эпонимы в кардиологии, ангиологии и ревматологии : справочник. СПб., 2003.
249. Гузнов А.Г. Финансово-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016.

250. Гулидов П. Как защититься от потребительского экстремизма // Арсенал предпринимателя. 2012. № 10.
251. Гумилев Л.Н. Полное собрание сочинений. М., 2018.
252. Гуреев В.А. Отдельные вопросы предмета правового регулирования законодательства о защите прав должников при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности // Вестник исполнительного производства. 2016. № 3.
253. Гусалова А.Р. К вопросу о защите деловой репутации // Общество и право. 2011. № 2.
254. Гусейнов А.А. Моральная демагогия как форма апологии насилия // Вопросы философии. 1995. № 5.
255. Гусейнова И. «Зараза к заразе не пристаёт»: тюменская чиновница вышла на работу после отдыха в Италии // Блокнот. 2020. 24 марта.
256. Гуськов В.С. Терминологический словарь психиатра / под ред. Г.И. Плессо. М., 1965.
257. Гущина Н.А. Пробелы и дефекты в законодательстве и механизм их устранения // Современное право. 2011. № 6.
258. Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества. М., 1973.
259. Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1967.
260. Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 2003.
261. Давыдов В.А. Социальная идентичность: теория рационального выбора как альтернативный подход к концептуализации // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 2.
262. Давыдов В.К. Принципы современного административного права // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2019. № 4.
263. Давыдова М.Л. Правотворческая политика и юридическая техника: проблемы соотношения понятий // Правотворческая политика в современной России / под ред. А.В. Малько, Н.В. Исакова, А.П. Мазуренко. Саратов ; Минеральные Воды, 2009.
264. Дагель П.С. Проблемы вины в советском уголовном праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1969.

265. Дадужева А.Е. Общая характеристика каузативных глаголов // Вестник СибГУТИ. СПб., 1994. № 2.
266. Дворецкая А.Е. Целеполагание в современной денежно-кредитной политике России // Банковское дело. 2014. № 7.
267. Дебрю А. Гален об анатомии и душе // История медицины. 2015. Т. 2. № 2.
268. Девятко И.Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М., 2003.
269. Дегтярева Л.Н. Принцип правового равенства в системе конституционных принципов правового статуса личности // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 2.
270. Дейк Т.А. ван. Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предубеждений // Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
271. Демидов Н.В. Административизм как парадигма советского трудового права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4.
272. Демиева А.Г. О некоторых современных проблемах развития доктрины гражданского права // Юрист. 2018. № 6.
273. Демина Н.В. Мертоновская концепция этоса науки: в поисках социальной геометрии норм // Этос науки / отв. ред. Л.П. Киященко, Е.З. Мирская. М., 2008.
274. Демьянец М.В. Принципы юридической ответственности кредитных организаций в сфере банковской деятельности // Право и политика. 2008. № 4.
275. Денисенко В.В. Делегитимация права: причины и способы предотвращения // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2019. № 3.
276. Денисов С.А. Политическая доктрина в нормативном регулировании современной России // Конституция и доктрины России современным взглядом : материалы Всерос. науч. конф. (Москва, 17 марта 2009 г.). М., 2009.
277. Дерюга Н.Н., Дерюга А.Н. Правовой контур административной пенологии: проблемы современного состояния // Административное право и процесс. 2018. № 2.
278. Дерюжинский В.Ф. Полицейское право : пособие для студентов. СПб., 1903.

279. Джемс У. Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления // Популярная лекция по философии / пер. с англ. 3-е изд. М., 2011.
280. Дигесты Юстиниана / пер. И.С. Перетерского. М., 1984.
281. Дмитриева Н.А. Неокантианство немецкое и русское в прошлом, настоящем и будущем // Вопросы философии. 2009. № 3.
282. Доброхотов А.Л. Цель // Новая философская энциклопедия. 2-е изд. М., 2010.
283. Дойников И.В. Национальная доктрина хозяйствования и современная либеральная теория гражданского и предпринимательского права (тезисы выступления на конференции) // Бизнес в законе. 2007. № 3.
284. Доклад Банка России для общественных консультаций «О стратегии развития рынка услуг бюро кредитных историй». М., 2017. Октябрь.
285. Доклад о деятельности уполномоченного по правам человека в РФ за 2017 г. // Российская газета. 2018. 17 апр.
286. Доклад о деятельности уполномоченного по правам человека в РФ за 2016 г. // Российская газета. 2017. 17 мая.
287. Доклад уполномоченного по правам человека в РФ за 2018 г. // СПС КонсультантПлюс.
288. Донати П. Загадка социального отношения: пролегомены к реалистической реляционной социологии // Вестник ПСГУ. Сер. 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2018. Вып. 75.
289. Дорошков В.В. «Эпоха непрофессионалов» вместо «эры милосердия»? // Мировой судья. 2020. № 4.
290. Дриль Д.А. Преступность и преступники. Уголовно-психологические этюды. СПб., 1895.
291. Дриль Д.А. Психофизические типы в их соотношении с преступностью и ее разновидностями (Частная психология преступности). М., 1890.
292. Дудырев Ф.Ф., Костенко М.А. Правотворческая политика и юридико-техническое оформление уголовного законодательства России в XIX — начале XX в. // История государства и права. 2010. № 12.

293. Дункер К. Психология продуктивного (творческого) мышления // Психология мышления. М., 1965.
294. Душенко К.В. Словарь современных цитат. 5 250 цитат и выражений XX и XXI вв., их источники, авторы, датировка. М., 2006.
295. Дюбуа Ж. и др. Общая риторика. М., 1986.
296. Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. М., 1966.
297. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996.
298. Дюркгейм Э. Самоубийство. СПб., 1998.
299. Евлампиев И.И., Куприянов В.А. Телеология в классической и неклассической философии. СПб., 2019.
300. Единицы языка // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
301. Елисеев Н.Г. Извещение ответчика, находящегося за границей // Закон. 2016. № 6.
302. Еллинек Г. Общее учение о государстве / пер. с нем. СПб., 1903.
303. Еникеев М.И. Юридическая психология : учеб. для вузов. М., 2001.
304. Еремин А.Л. Влияние информационной среды на здоровье населения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2000. № 6.
305. Еремина С.Н. Имущественные отношения в сфере действия трудового и гражданского права: проблемные вопросы предмета правового регулирования // Российская юстиция. 2015. № 6.
306. Ерохина М.Г., Кузнецов С.В. Споры с участием потребителей банковских услуг: некоторые аспекты // Мировой судья. 2017. № 8.
307. Ефимова В.В. Контроль в арбитражном процессе как способ устранения судебных ошибок : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.
308. Жадова Л.А. Супрематический ордер // Проблемы истории советской архитектуры. М., 1983. Вып. 6.
309. Жанэ П. Конечные причины. Киев, 1877. № 6–8.
310. Желнов М.В. Критика гносеологии современного неотолизма. М., 1971.

311. Жемчугов М.К. Цель и целеполагание в теории социальной организации // Проблемы экономики и менеджмента. 2012. № 4.
312. Жилин Д. М. Теория систем. М., 2004.
313. Жильцов М.А. Дефекты трудового права и способы их преодоления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2011.
314. Жильцов М.А. Дефекты трудового права и способы их преодоления: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2011.
315. Жинкин С.А. Психологические проблемы эффективности права. СПб., 2009.
316. Жирар Р. Насилие и священное. М., 2000.
317. Жмуров В.А. Введение в клиническую психиатрию. М., 2009.
318. Жмуров В.А. Психиатрия. М., 2018.
319. Жувенель Б. Этика перераспределения. М., 1995.
320. Жуйков В.М. О некоторых проблемах проверки судебных постановлений по гражданским делам // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 6.
321. Жуков Ю.М., Гржегоржевская И.А. Эксперимент в социальной психологии: проблемы и перспективы // Методология и методы социальной психологии. М., 1977.
322. Забровская Л.В. Конституционно-правовая ответственность в ретроспективном формате // Закон и право. 2003. № 3.
323. За все хорошее, против всего плохого // Коммерсантъ. 2020. 8 февр.
324. Завьялов Д.Ю. Конституционная ответственность как особый вид юридической ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002.
325. Загайнова С.К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008.
326. Заграевский С.В. «Антиминс» из Николо-Дворищенского собора. М., 2004.
327. Зайцев О.В. Проблемы определения предмета гражданского права // Власть Закона. 2017. № 4.

328. Зайцев О.В. Становление и развитие современной доктрины гражданского права в России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018.
329. Зайцева Л.В., Курсова О.А. Отказ в признании трудовых отношений: о некоторых недостатках в конструкции юридической фикции // Журнал российского права. 2016. № 3.
330. Закирова Т.В., Кашин В.В. Концепция виртуальной реальности Жана Бодрийяра // Вестник ОГУ. 2012. № 7. Июль.
331. Законотворчество в Российской Федерации : науч.-практ. и учеб. пособие / под ред. А.С. Пиголкина. М., 2000.
332. Закупень Т.В. Потребительский экстремизм как форма злоупотребления правом при заключении банками кредитного договора с гражданами-заемщиками // Банковское право. 2015. № 1.
333. Затонский В.А. Эффективная государственность в личностно-правовом измерении: Общетеоретическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2009.
334. Захаров Н.В., Луков А.В. Школа тезаурусного анализа // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 1.
335. Зворыкин Б.Д. Стратегия социальной модернизации как фактор социального развития // Мировая и российская политика : сб. ст. / ред.-сост.: В.И. Коваленко, А.И. Костин, А.Ф. Федякин. Вып. 1. Чебоксары, 2008.
336. Здравый смысл // Словарь общенаучных терминов / под ред. В.В. Шабанова. М., 2007.
337. Зейгарник Б.В. Патология мышления. М., 1962.
338. Зеленина А.А. Конструирование идентификационного дискурса в синтаксисе кроссирующего субъекта // Социальная онтология: конструктивно-герменевтический подход. Сер. «Научные школы» : сб. науч. ст. / под общ. ред. О.Н. Бушмакиной, М.Л. Дерябина, Н.Б. Поляковой, А.А. Шадрина. Ижевск, 2011.
339. Зеленкевич И.С. Нормативно-правовой акт и правовая доктрина: вопросы определения и соотношения в качестве формы и источника современного российского права // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2014. № 22.

340. Зеленцов А.Б. КАС РФ как предпосылка смены парадигмы в теории административного права // Административное право и процесс. 2015. № 11.
341. Зеленцов А.Б., Ястребов О.А. Судебное административное право. М., 2017.
342. Зенин Г.Е. Конституционно-правовые дефекты системы законодательного регулирования парламентского контроля в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 9.
343. Зинковский М.А. Необоснованные иски и заявления как искусственные споры в гражданском процессе // Современное право. 2016. № 3.
344. Зозуля А.А. Доктрина в современном праве : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.
345. Золотарев С.П. Политико-правовая доктрина как один из источников права // Сборник научных трудов. 2013. Т. 29. № 1.
346. Золотухина Т.А. Правотворческая политика российского государства // История государства и права. 2008. № 15.
347. Зорькин В.Д. Доверие и право // Российская газета. 2013. 29 апр.
348. Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978.
349. Зорькин В.Д. Право и правоприменение в Российской Федерации: доктрина и практика : материалы к докладу на международной конференции «Право и правоприменение в России: междисциплинарные подходы» // Официальный сайт Конституционного суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru>
350. Зуев О.М. Юридически дефектные нормативно-правовые акты в системе источников права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
351. Иванников И.А. Теория государства и права. Ростов н/Д, 2001.
352. Ивин А.А. Логика. М., 2002.
353. Игнатенко В.В. Концептуальные основы теории качества правового закона // Академический юридический журнал. 2000. № 1.

354. Игонина Н.А. Механизмы обеспечения прав и свобод человека и гражданина в социальном государстве в периоды кризисных явлений в экономике // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 2.
355. Игонина Н.А., Бессарабов В.Г., Викторов И.С., Буренина О.В. К вопросу о критериях и показателях эффективности прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 8.
356. Иеринг Р. фон. Цель в праве. Т. 1. СПб., 1881.
357. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб., 1999.
358. Измайлов И.С. «Тормоза» жилищного законодательства Российской Федерации // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 7.
359. Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. М., 1993.
360. Ильин И.А. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 3. М., 1994.
361. Ильин Ю.Д. Основы государства и религии. М., 1999.
362. Ильф И.А. Записные книжки // И. Ильф и Е. Петров. Собр. соч. : в 5 т. Т. 5. М., 1961.
363. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955.
364. Иоффе О.С., Грибанов В.П. Пределы осуществления субъективных гражданских прав // Советское государство и право. 1967. № 7.
365. Исаев И.А. Консервативные парадигмы: власть и традиция // История государства и права. 2015. № 22.
366. Исаев И.А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве : монография. М., 2012.
367. Исаев И.А. Юридическая фикция как форма заполнения правовых пробелов // История государства и права. 2011. № 22.
368. Исаков И.Н. Правовая политика и законотворчество субъектов Российской Федерации: теоретико-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
369. Исаков И.Н. Региональное законотворчество: современное состояние и пути совершенствования // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3.

370. Исаков Н.В., Мазуренко А.Л. Правотворческая политика: общетеоретический аспект / под ред. А.В. Малько. Минеральные Воды, 2005.
371. Исмаилов Б.И. Политико-правовые доктрины эпохи глобализации : монография. Ташкент, 2013.
372. Исмаилов Б.И., Газиев К.Ж. Политико-правовые доктрины эпохи глобализации. Ташкент, 2013.
373. Испаева Г. Предмет договора международной купли-продажи товаров // Юрист. 2004. № 5.
374. Исполнительное производство : учеб. / К.Л. Брановицкий, Д.В. Бурачевский, В.В. Долганичев и др. ; под общ. ред. В.В. Яркова. М., 2020.
375. История Банка России 1860–2010 : в 2 т. М., 2010.
376. История КПСС. Т. 3. Кн. 2. М., 1968.
377. История политических и правовых учений / под ред. О.Э. Лейста. М., 1997.
378. История философии. Запад — Россия — Восток / под ред. Н.В. Мотрошиловой и А.М. Руткевича. Кн. 2. Бентам. Милль. М., 1998.
379. Казаков Д.В. Методологические проблемы исследования законотворчества // История государства и права. 2009. № 6.
380. Казгериева Э.В. Логические ошибки в судебном правоприменении : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
381. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М., 2003.
382. Как же вы бесите. Можно ли на самом деле считать нынешнюю Госдуму «взбесившимся принтером»: анализ «Ленты.ру» // Лента.ру. 2013. 22 марта.
383. Калугин С.М. Мшелоимство, скверноприбытчество // Православная газета «Благовест». 2005. 28 янв.
384. Кант И. Критика способности суждения. М., 1994.
385. Капицын В.М. Доктрина, интерпретационный процесс и конституционное право // Конституция и доктрины России современным взглядом : материалы Всерос. науч. конф. (Москва, 17 марта 2009 г.). М., 2009.
386. Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления. М., 2013.
387. Кара-Мурза В.Г. Манипуляция сознанием. М., 2000. С. 237.

388. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции : ок. 7000 стимулов. М., 2002.
389. Каргин К.В. Юридические документы : монография. М., 2007.
390. Кардинская С.В. Самоопределение социального порядка в структурах философского дискурса // Социальная онтология: конструктивно-герменевтический подход. Сер. «Научные школы» : сб. науч. ст. / под общ. ред. О.Н. Бушмакиной, М.Л. Дерябина, Н.Б. Поляковой, А.А. Шадрина. Ижевск, 2011.
391. Карр Ч., Хоув Ч. Количественные методы принятия решений в экономике. М., 1966.
392. Картель В.Н. Как бороться с потребительским экстремизмом? // Бизнес-адвокат. 2007. № 7.
393. Касимов М.О. Организация поля социального в топологических структурах // Социальная онтология: конструктивно-герменевтический подход. Сер. «Научные школы» : сб. науч. ст. / под общ. ред. О.Н. Бушмакиной, М.Л. Дерябина, Н.Б. Поляковой, А.А. Шадрина. Ижевск, 2011.
394. Кашепов В.П. Судебные ошибки при квалификации объективной стороны состава преступления // Комментарий судебной практики / отв. ред. К.Б. Ярошенко. М., 2018. Вып. 23.
395. Каштанова С.М. Трансгрессия как социально-философское понятие : дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2016.
396. Кёлер В. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян. М., 1930.
397. Кемпинский А. Психология шизофрении / пер. с пол. А.А. Боричева. СПб., 1998.
398. Кенни К. Основы уголовного права. М., 1949.
399. Керимов Д.А. Методологический аспект правотворчества // Вопросы философии. 1975. № 5.
400. Керимов Д.А. Потребность, интерес, право // Правоведение. 1971. № 4.
401. Кибак И.А. Инновационная психотехнологическая модель законотворчества // Общество и право. 2011. № 5.

402. Кибак И.А. Проблемы и пути развития психологии законоотворчества // Прикладная юридическая психология. 2012. № 3.
403. Кибак И.А. Психология законоотворчества: проблемы и пути развития // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 2.
404. Кирилловых А.А. Правовая доктрина и доктринальность в праве: к вопросу об источниках правового регулирования // Законодательство и экономика. 2015. № 8.
405. Киричек Е.В. Организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.
406. Киричек Е.В. Федеральное собрание Российской Федерации — на страже прав и свобод человека и гражданина: парадигмы и противоречия организации и деятельности // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 4.
407. Кисличенко Е.И. Дефекты законодательства субъектов Российской Федерации в сфере местного самоуправления: на примере Республики Марий Эл. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012.
408. Климанова Д.Д. Защита владения в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.
409. Клэнси Т. Медведь и Дракон. М., 2006. Т. 1.
410. Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. Т. 1. М., 1987.
411. Ключников А.Ю. О способах выявления единых европейских стандартов защиты прав и свобод в системе международной юстиции // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 2.
412. Ковалёва А.И. Аномия // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 4.
413. Коваленко К.Е. Реализация принципа разумности в уголовном процессуальном праве // Российская юстиция. 2017. № 9.
414. Кодекс депутатской этики расколол Думу на два лагеря // Известия. 2013. 6 февр.

415. Кожокарь И.П. Аксиологические дефекты нормативной подсистемы механизма гражданско-правового регулирования // *Право и экономика*. 2016. № 8.
416. Кожокарь И.П. Институт фактического владения в гражданском праве РФ // *Гражданское право*. 2015. № 1.
417. Кожокарь И.П. К вопросу о необходимости изучения дефектов механизма гражданско-правового регулирования // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16–17 октября 2015 г.): избр. материалы / В.В. Акинфиева, А.А. Ананьева, С.И. Афанасьева и др. ; отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М., 2016.
418. Кожокарь И.П. К вопросу об отдельных способах устранения дефектов механизма гражданско-правового регулирования обязательственных отношений // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2015. № 2.
419. Кожокарь И.П. Неполнота правовой регламентации как дефект системы российского права // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2019. № 5.
420. Кожокарь И.П. О правовых дефектах и правовой дефектологии // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2018. Вып. 42.
421. Кожокарь И.П. Основы теории цивилистической дефектологии. М., 2014.
422. Козлов Ю.М. Административное право : учеб. М., 1999.
423. Кокотов А.Н. О предмете конституционно-правового регулирования // *Актуальные проблемы российского права*. 2018. № 10.
424. Колбин Д.А. Социальное пространство в структурах негативности // *Социальная онтология: конструктивно-герменевтический подход*. Сер. «Научные школы» : сб. науч. ст. / под общ. ред. О.Н. Бушмакиной, М.Л. Дерябина, Н.Б. Поляковой, А.А. Шадрина. Ижевск, 2011.
425. Кологирова И. В. Политический язык как идеологический компонент политического процесса в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Воронеж, 2009.
426. Колосова Н.М. Конституционная ответственность в Российской Федерации: Ответственность органов государствен-

- ной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации. М., 2000.
427. Колосова Н.М. Оставьте неприкосновенность депутатам Государственной думы // Независимая газета. 2000. 12 сент.
428. Колчина В.А. Субъект-шизофреник в философском дискурсе Ж. Делеза и Ф. Гваттари // Социальная онтология: конструктивно-герменевтический подход. Сер. «Научные школы» : сб. науч. ст. / под общ. ред. О.Н. Бушмакиной, М.Л. Дерябина, Н.Б. Поляковой, А.А. Шадрина. Ижевск, 2011.
429. Колюшин Е.И. Конституционное (государственное) право России. М., 1999.
430. Комаров С.В., Молодчик А.В. Теоретические основы управления поведением, целеполаганием в саморазвивающихся самоорганизующихся системах // Вестник Государственного университета управления. 2012. № 1.
431. Комментарий законодательства Российской Федерации о нотариате (постатейный) / А.А. Анисимова, Р.С. Бевзенко, В.А. Белов и др. ; под ред. Д.Я. Малешина. М., 2018.
432. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, Н.С. Бондарь и др. ; под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд. М., 2011.
433. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. Л.А. Окунькова. 2-е изд. М., 1996.
434. Комментарий к Конституции Российской Федерации. М., 1994.
435. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : в 4 т. / рук. авт. кол. Б.А. Страшун. Т. 4. М., 2001.
436. Конституционное право в Российской Федерации / М.П. Авдееenkova, Ю.А. Дмитриев : в 9 т. Т. 1. М., 2005.
437. Конституционное право зарубежных стран / под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. 2-е изд. М., 2005.
438. Конституционное право Российской Федерации / Г.Н. Комкова, Е.В. Колесников, М.А. Липчанская. М., 2013.
439. Конституционное право и политика : сб. материалов Междунар. науч. конф. (28–30 марта 2012 г.) / С.А. Авакьян,

- Д.С. Агапов, Н.И. Акуев и др. ; отв. ред. С.А. Авакьян. М., 2012.
440. Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий (постатейный) / М.П. Авдеенкова, Н.И. Беседкина, А.Н. Головистикова и др. ; под ред. Ю.А. Дмитриева. М., 2007.
441. Копейкин К.В. «Души» атомов и «атомы» души // Христианство и наука / сост. Ю.С. Владимиров. М., 2008.
442. Коробеев А.И. Советская уголовная политика, проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987.
443. Корсунский С.М. К отграничению понятия «аутизм» // Сборник работ психиатрической больницы им. П.П. Кащенко. Т. 1. М. ; Л., 1934.
444. Косопкин А.С. Психология парламентского законотворчества. М., 2006.
445. Кострова М.Б. Парадоксы российской уголовной политики усиления ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения // Lex russica. 2017. № 7.
446. Кочанова Т. Проблемы предоставления идентификаторов граждан при подаче исковых заявлений // Трудовое право. 2020. № 1.
447. Кравец И.А. Конституционное право как метаотрасль: роль конституции и основ конституционного строя в межотраслевой гармонизации // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11.
448. Кравченко А.Г. Деформации правовой ментальности в административной правоприменительной политике государства // Административное и муниципальное право. 2019. № 1.
449. Крайф (Крюи) П.Г. Охотники за микробами. М., 2012.
450. Красильников Г.Т. Об аутистическом синдроме при шизофрении // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 1991. № 7.
451. Красинский В.В. Защита государственного суверенитета : монография. М., 2017.
452. Краснов М.А. Публично-правовая ответственность представительных органов за нарушение закона // Государство и право. 1993. № 6.

453. Краткий словарь по социологии. М., 1989.
454. Креационизм / Резвых П.В., Колчинский Э.И. // Креационизм в биологии. М., 2010.
455. Кречмер Э. Строение тела и характер. Исследования по проблеме конституции и теории темпераментов / пер. с нем. Г.Я. Тартаковского. М., 2015.
456. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства : монография / И.С. Власов, Н.А. Голованова, А.А. Гравина и др. ; отв. ред. В.П. Кашепов. М., 2018.
457. Кропоткин П.А. Речи бунтовщика // Анархия, ее философия, ее идеал : сочинения. М., 2004.
458. Кропоткин П.А. Речи бунтовщика / пер. с фр. 6-е изд. М., 2017.
459. Кропоткин П.А. Что такое анархия? // П.А. Кропоткин. 27 ноября 1842 — 9 декабря 1922: к 80-летию со дня рождения : сб. ст. М., 1922.
460. Кротов Н.И. Очерки истории Банка России. Центральный аппарат. Персональные дела и деяния. М., 2011.
461. Кротов Ф.В. Основы теории оптимального управления. М., 1990.
462. Крусс В.И. Конституционализация фискально-экономических обязанностей в Российской Федерации : монография. М., 2017.
463. Крусс В.И. Теория конституционного правоупользования. М., 2007.
464. Крылов А. Потребительский экстремизм дольщиков // ЭЖ-Юрист. 2015. № 8.
465. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982.
466. Кудрявцев В.Н., Наумов А.В. Российское уголовное право: Общая часть. М., 1997.
467. Кузнецов Б.Г. Идеалы современной науки. М., 1983.
468. Кузьмина Г.П., Гаврилова Н.Г. Органицизм как теоретико-методологическая основа миропонимания российских мыслителей // Фундаментальные исследования. 2014. № 6-4.

469. Куприянов В.А. Реабилитация телеологии в философии баденского неокантианства // Философия и культура. 2017. Т. 11. Вып. 11. Ноябрь.
470. Куприянова А.В. К вопросу о правовой культуре с позиций культурологического подхода к изучению уголовного права // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 12.
471. Курдюков С.И. Организованная преступность как угроза экономической безопасности России // Российский следователь. 2019. № 4.
472. Курц Н. К вопросу об уровне юридической техники // ЭЖ-Юрист. 2016. № 36. С. 9.
473. Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001.
474. Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М., 2011.
475. Кучин М.В. Судебное толкование или судебное нормотворчество? // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 3.
476. Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи. М., 2001.
477. Лаврик А.Ю. Основные уровни реализации правотворческой политики в современной России // Правовая политика и правовая жизнь. 2008. № 3.
478. Лаврик А.Ю. Общефедеральный, региональный и муниципальный уровни правотворческой политики в современной России: теоретические аспекты взаимодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
479. Ладенко И.С. Интеллект и логика. Красноярск, 1985.
480. Лазар М.Г. Этика науки как новое направление в социологии науки // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. № 3.
481. Лазарев В.В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1982.
482. Лакруа Ж. Избранное: персонализм. М., 2004.
483. Лаптева Л.Е. Традиция «оставления идеи права» в российской истории // Кризис права: История и современность / под общ. ред. В.Н. Денисова, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова. СПб., 2018.
484. Ласточкина Е.Г. Методическая записка // Дефектология. 1969. № 3.

485. Лебедев С.А., Кудрявцев И.К. Детерминизм и индетерминизм в развитии естествознания // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2005. № 6.
486. Лебедева Л. Плеоназм // Русский язык : энциклопедия. М., 1979.
487. Лебедь К.А. Обоснованность судебно-арбитражного решения // Арбитражный и гражданский процесс. 2001. № 8.
488. Лебон Г. Психология народов и масс. М., 2008.
489. Левин Г.Д. Проблема универсалий. Современный взгляд. М., 2005.
490. Левитов Н.Д. Фрустрация как один из видов психических состояний // Вопросы психологии. 1967. № 6.
491. Лейбниц Г.В. Сочинения : в 4 т. Т. 1. М., 1982.
492. Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1969.
493. Ленин В.И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом 15 марта // Ленин В.И. ПСС. Т. 43. М., 1969.
494. Ленин В.И. Доклад о тактике РКП (б) 5 июля 1921 г. // Ленин В.И. ПСС. Т. 44. М., 1969.
495. Ленин В.И. Кому выгодно? // Правда. 1913. 11 апр.
496. Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов // Ленин В.И. ПСС. Т. 34. М., 1969.
497. Ленин В.И. О продовольственном налоге // Ленин В.И. ПСС. Т. 43. М., 1969.
498. Ленин В.И. Предварительный, черновой набросок тезисов, насчет крестьян. 8 февраля 1921 г. // Ленин В.И. ПСС. Т. 42. М., 1969.
499. Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В.И. ПСС. Т. 34. М., 1969.
500. Леоненкова Н.П. Формирование парламентской культуры в российском обществе в условиях демократического развития : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2004.
501. Лесевицкий А.В. Конфликт индивидуального и социального в экзистенциальной философии Ф.М. Достоевского. Пермь, 2011.

502. Летута Т.В. Принятие наследства как основание возникновения прав участника хозяйственного общества // *Lex russica*. 2016. № 9.
503. Летяев В.А., Фомин А.А. Влияние римского права на формирование и развитие юридической доктрины как источника права // *Ленинградский юридический журнал*. 2015. № 4(42).
504. Лимонова Н.А. Влияние идеи «прав человека» на закрепление правового статуса личности в области свободы передвижения // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2012. № 12.
505. Линдсей П., Норман Д. Анализ процесса решения задач // *Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления* / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. М., 1981.
506. Лисюткин А.Б. Ошибка как категория правоведения : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2002.
507. Литвинцева Г.Ю. Гиперреальность в эпоху постмодерна // *Вестник СПбГУКИ*. 2011. Июнь.
508. Лукашевич Н.В. Тезаурусы в задачах информационного поиска. М., 2011.
509. Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М., 2008.
510. Луков В.А. Органицизм и биосоциология: их связь в свете тезаурусного подхода // *Тезаурусный анализ мировой культуры* : сб. науч. трудов. Вып. 22 / под общ. ред. В.А. Лукова. М., 2011.
511. Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность. М., 2016.
512. Лурия А.Р. Психология в определении следов преступления // *Научное слово*. 1928. № 3.
513. Лучин В.О. Конституционные нормы и правоотношения. М., 1997.
514. Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002.
515. Лысова Ю.В. Устранение фундаментальной судебной ошибки как право суда выйти за пределы исковых требований // *Право и экономика*. 2015. № 6.

516. Любитенко Д.Ю. Правовая доктрина Конституционного суда Российской Федерации: общетеоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011.
517. Люшер Ф. Конституционная защита прав и свобод личности. М., 1993.
518. Ляховецкая О.Я. Виды плеонастических выражений в разноструктурных языках // Семантические процессы и их проявление в языках разного типа. Саратов, 1985.
519. Мадаев Е.О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2012.
520. Мадаев Е.О. Место и роль правовой доктрины в правовой системе Российской Федерации // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 52(2).
521. Мазуренко А.П. Законотворческая политика: понятие, специфика, уровни // Северо-Кавказский юридический вестник. 2005. № 2.
522. Мазуренко А.П. Правотворческая политика как фактор модернизации правотворчества в России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011.
523. Мазуренко А.П. Правотворческая политика: понятие и соотношение со смежными юридическими категориями // Государство и право. 2010. № 4.
524. Мазуренко А.П. Российская правотворческая политика в зеркале истории (IX–XV вв.) // История государства и права. 2010. № 4.
525. Мазуренко А.П. Принципы правотворческой политики // Философия права. 2009. № 4(35).
526. Мазуренко А.П. Стратегия законотворчества и правотворческая политика: проблемы соотносимости // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 2.
527. Майерс Д. Социальная психология. 7-е изд. СПб., 2007.
528. Макиавелли Н. Государь. Искусство войны. М., 2014.
529. Маклаков В.А. Произвол и законность // Права человека и правовая мысль России (XVIII — начало XIX в.) : антология. Курск, 2001.
530. Макфарленд Д. Поведение животных: Психобиология, этология и эволюция. М., 1988.

531. Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985.
532. Малиновская Н.В. Принцип права как объект правовой интерпретации // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2010. № 1.
533. Малиновский А.А. Доктрина как источник уголовного права (сравнительно-правовые аспекты) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 1.
534. Мальбин Д.А. Владельческая защита (посессорная) в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.
535. Малько А.В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 1998. № 8.
536. Малько А.В. Правотворческая политика как средство предупреждения и устранения ошибок в законодательстве // Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах / под ред. В.М. Баранова, И.М. Мацкевича. М., 2009.
537. Малько А.В., Маркунин Р.С. Ответственность и наказание депутатов в современной России // Современное право. 2013. № 2.
538. Малько А.В., Петров М.П., Суменков С.Ю. Законотворческая политика в субъектах Российской Федерации // Государство и право. 2010. № 9.
539. Малько А.В., Шундилов К.В. Правовая политика современной России: цели и средства // Государство и право. 2001. № 7.
540. Малько А.В., Шундилов К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003.
541. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008.
542. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999.
543. Мальцева Д.В., Романовский Н.В. О современных сетевых теориях в социологии // Социологические исследования. 2011. № 8.
544. Малюгин С.В. Законодательная политика современного российского государства: понятие, основные характеристики и направления реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011.

545. Мананников О.В. К вопросу об имущественных правах бывших супругов // Закон. 2017. № 2.
546. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодерна. СПб., 2000.
547. Марилов В.В. Общая психопатология. М., 2002.
548. Маркович Д.Ж. Противоречия транзиции постсоциалистических обществ // Социологические исследования. 2006. № 9.
549. Маркс К., Энгельс Ф. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 1. М., 1957.
550. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 2003.
551. Марцинковская Т. Д. История психологии : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. 4-е изд. М., 2004.
552. Марченко М.Н. Источники права. М., 2006.
553. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебское право. М., 2011.
554. Маслаков В.А., Рукавишников Т.Л., Шестоперов О.М. К вопросу о критериях избыточности, применимых при оценке нормативных правовых актов и их проектов // Закон. 2018. № 3.
555. Маслобоева О.Д. Российский органицизм и космизм XIX–XX вв.: эволюция и актуальность. Ч. I–III : монография. М., 2007.
556. Матвеева Т.В. Лексическая экспрессивность в языке. Свердловск, 1986.
557. Матейкович М.С. Дефекты конституционно-правового регулирования в Российской Федерации // Государство и право. 2007. № 12.
558. Матейкович М.С. Медицинская помощь, медицинские услуги и права потребителей // Судья. 2018. № 2.
559. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права : учеб. М., 2004.
560. Матузов Н.И., Малько А.В., Шундигов К.В. Правовая политика современной России: предлагаем проект концепции для обсуждения // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 1.
561. Махортова Е.В. Суд над судами и законами // Налоговед. 2005. № 2.

562. Меграбян А.А. Деперсонализация. Ереван, 1962.
563. Медведева Г.П. Особенности целей и целеполагания в социальной работе // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 4.
564. Мелехин А.В. Теория государства и права : учеб. 2-е изд. // СПС КонсультантПлюс. 2009.
565. Мельвиль А.Ю., Миронюк М.Г., Стукал Д.К. Государственная состоятельность, демократия и демократизация (на примере посткоммунистических стран) // Политическая наука. 2012. № 4.
566. Менделевич В.Д., Садыкова Р.Г. Зависимость как психологический и психопатологический феномен (проблемы диагностики и дифференциации) // Вестник клинической психологии. 2003. Т. 1. № 2.
567. Меньков А.В., Острейниковский В.А. Формирование целей // Теоретические основы автоматизированного управления. М., 2005.
568. Мережковский Д.С. Грядущий хам // Полярная звезда. 1905. № 3.
569. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М., 1966.
570. Мехтиханова Л.В. Проблемы компенсации репутационного вреда // Юрист. 2012. № 17.
571. Мизес Л. фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность / пер. с англ. Е. Журавской, Б. Пинскера, В. Родионова. М., 1993.
572. Мизес Л. фон. Всемогущее правительство: Тотальное государство и тотальная война. Челябинск, 2006.
573. Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. М., 2005.
574. Милушева Т.В., Ишеков К.А. К вопросу об ответственности государства в сфере законотворчества // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 8.
575. Минюк Н.В. Законотворчество как форма выражения правовой политики // Государство и право. 2007. № 6.

576. Минюк Н.В. Правовая политика как фактор повышения качества законодательства в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009.
577. Мироненко М.Б. Принципы юридической ответственности в системе права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.
578. Миронов Д.Н. Российский федерализм: сегодня и завтра // Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. «Национально-государственные образования в истории и политической практике российского федерализма». Уфа, 2009.
579. Миронов С. Правовое поле у страны едино // Парламентская газета. 2002. 22 янв.
580. Мирская Е.З. Р. Мертон и его концепция социологии науки // Современная западная социология науки / под ред. В.Ж. Келле, Е.З. Мирской. М., 1988.
581. Мирская Е.З. Этические регулятивы функционирования науки // Вопросы философии. 1975. № 3.
582. Митин А.Н. Тот, кто первым обругал соперника, заложил основы современной цивилизации // Бизнес, менеджмент и право. 2009. № 3(20).
583. Михайловский В.И. Очерки по философии права. Томск, 1914.
584. Мицкевич А. Нормы советского права. Проблемы теории / под ред. М.И. Байтина, В.К. Бабаева. Саратов, 1987.
585. Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. 17-е изд. М., 2013.
586. Мишулина С.И. Место экологической безопасности в российской системе стратегического целеполагания // Экологическое право. 2017. № 1.
587. Можаяев А.С. Общий логико-вероятностный метод анализа надежности сложных систем. Л., 1988.
588. Можаяев А.С. Современное состояние и некоторые направления развития логико-вероятностных методов анализа систем. Ч. I. Теория и информационная технология моделирования безопасности сложных систем. Вып. 1 / под ред. И.А. Рябинина. СПб., 1994.

589. Мозолин В.П. Современная доктрина и гражданское законодательство. М., 2008.
590. Моисеев Н.К. Случайна или неизбежна эволюция? // Химия и жизнь. 1981. № 7.
591. Морозов А.В. Психология аномальных социальных проявлений в современном обществе как дефект правосознания // Юридическая психология. 2006. № 1.
592. Морозова Л.А. Проблемы правовой ответственности государства, его органов и служащих : материалы круглого стола // Государство и право. 2000. № 3.
593. Морозова Л.А. Проблемы типологии юридических коллизий (современная трактовка) // Lex russica. 2017. № 6.
594. Музыка О.А., Попов В.В. Постнеклассическая наука: концепции современного естествознания. Таганрог, 2005.
595. Мунье Э. Манифест персонализма. М., 1999.
596. Мур Дж. В защиту здравого смысла. М., 1925.
597. Муранов А.И. Прекращение производства в государственном суде, его обязанность направить стороны в арбитраж, пререкания о подсудности и патологии третейских соглашений: экстравагантность юридических конструкций в статье 8 «Арбитражное соглашение и предъявление иска по существу спора в суде» Закона РФ 1993 года «О международном коммерческом арбитраже» // Международный коммерческий арбитраж: современные проблемы и решения : сб. ст. / А.В. Асосков, М.П. Бардина, У.Э. Батлер и др. ; под ред. А.А. Костина. М., 2012.
598. Муромцев Г.И. Источники права // Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2002.
599. Мурсалимов К.Р. Правоприменительные ошибки. Проблемы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010.
600. Мухин В.И. Исследование систем управления. М., 2002.
601. Мэй Р. Открытие Бытия. М., 2004.
602. Нагайцев В.Г. Производство по делам, возникающим из публичных правоотношений, — уйти, чтобы остаться // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 9.

603. Назаренко Г. В. Уголовное право : курс лекций. М., 2005.
604. Назарова Ю.В. Этическая культура современного парламентаризма // Научные ведомости Белгородского гос. университета. 2014. № 2(173).
605. Напреенко И. Сегрегация в России: социальная, этническая, транспортная // Разногласия. Журнал общественной и художественной критики. 2016. № 9.
606. Наринская А. Виктор Пелевин: Миром правит явная лажа // Эксперт. 1999. № 11.
607. Нарутто С.В. Роль Конституционного суда Российской Федерации в определении парадигмы современного правового понимания // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 11.
608. Наследие бешеного принтера // MAXPARK. 2016. 21 июня.
609. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»: постатейный / общ. ред. С.А. Голубев, А.Г. Гузнов. М., 2013.
610. Научные основы советского правотворчества. М., 1981.
611. Нгуен М.Х., Аджиев А.С. Описание и использование тезаурусов в информационных системах, подходы и реализация // Электронные библиотеки. 2004. Т. 7. № 1.
612. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960.
613. Неद्याлков, В.П., Сильницкий, Г.Г. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / под ред. А.А. Холодовича. Л., 1969.
614. Немировский В.Г. Массовое сознание и бессознательное как объект постнеклассической социологии // Социологические исследования. 2006. № 2.
615. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М., 2002.
616. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства : учеб. для вузов и фак. М., 2001.
617. Нестеров А.В. Обсуждаем стандарт (концепцию) открытости «открытого правительства» // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 8.

618. Нечаев В.М. Экспроприация // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. СПб., 1890–1907.
619. Никитин С.В. Проблемы правового регулирования судебного нормоконтроля в административном судопроизводстве // Судья. 2018. № 11.
620. Никитин С.В. Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе. М., 2010.
621. Николаев А.М. Криминализация общественно опасных деяний, граничащих со сферой административных правонарушений (Основания и направления совершенствования) : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004.
622. Николис Дж. Динамика иерархических систем: Эволюционное представление. М., 1989.
623. Никонов С.П. Развитие защиты владения в Средневековой Европе. Харьков, 1905.
624. Нисканен В.А. Пересмотр // Вехи экономической мысли. Т. 4 / под ред. А.П. Заостровцева. СПб., 2004.
625. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. М., 2003.
626. Новик Ю.И. Психологические проблемы правового регулирования. Минск, 1989.
627. Новиков Е.Ф. Нормативно-правовая основа соблюдения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 12.
628. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 1916. № 6.
629. Новый отчет для фирм и ИП — «экологический» // Практическая бухгалтерия. 2018. № 6.
630. Нодье Ш. Избранные произведения. М., 1960.
631. Нозик А.А. Технология автоматизированного структурно-логического моделирования в проектных расчетах надежности систем // Труды второй международной научной школы «Моделирование и анализ безопасности и риска в сложных системах». СПб., 2002.

632. Норт Д.К., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.
633. Нурмагамбетов Р.Г. Теоретико-правовой анализ нормативной основы механизма конституционного регулирования общественных отношений // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 2.
634. Ньюэлл А., Шоу Дж.С., Саймон Г.А. Моделирование мышления человека с помощью электронно-вычислительной машины // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. М., 1981.
635. Облонский А.В. Бюрократия для XXI века? Модели государственной службы: Россия, США, Англия, Австралия. М., 2002.
636. Общая теория государства и права : академический курс : в 2 т. / под ред. М.Н. Марченко. Т. 2. Теория права. М., 1998.
637. Общая теория государства и права : академический курс : в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 3. М., 2013.
638. Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. М., 2001.
639. Овсепян Ж.И. Критерии конституционной ответственности // Северокавказский юридический вестник. 2001. № 4.
640. Овчинников А.И., Далгатова А.О., Фатхи В.И. Правовая доктрина как источник права в Российской Федерации // Философия права. 2016. № 2(75).
641. Огурцов А.П. Индетерминизм // Новая философская энциклопедия. 2-е изд. М., 2010.
642. Ожегова Г.А. К понятию «потребительский экстремизм» // Юрист. 2014. № 14.
643. Оксфордский толковый словарь общей медицины. Оксфорд, 2002.
644. Окулич И.П., Конева Н.С. Политическая культура и парламентская этика — взаимосвязанные элементы комплексной проблемы совершенствования деятельности законотворческих институтов в Российской Федерации // Проблемы права. 2015. № 1.

645. Олегов М.Д. Проверяет ли суд надзорной инстанции обоснованность судебных постановлений // Государство и право. 2001. № 11.
646. Олейник О.М., Максимова С.А. Банковская тайна: смена парадигмы или дисбаланс интересов? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 12.
647. Олицкий А.В. Партикуляризм как универсальный фактор социального развития политической жизни в обществе переходного типа // Scietificjournal.ru
648. Ордина О.Н. Актуальные проблемы кодификации российского административного законодательства // Административное право и процесс. 2009. № 3.
649. Ордина О.Н. К вопросу о правовой доктрине как источнике административного права // Административное право и процесс. 2014. № 10.
650. Орлов В.Н., Экимов А.И. Цель в норме советского права // Правоведение. 1968. № 5.
651. Орлов М.Ф. О государственном кредите. У истоков финансового права. М., 1998.
652. Оруэлл Дж. Скотный двор. М., 2017.
653. Осавелюк А.М. Эволюция предмета отрасли конституционного права // Мировой судья. 2014. № 1.
654. Осипов М.Ю. О некоторых проблемах правового регулирования защиты прав потребителей // Юрист. 2014. № 14.
655. Османова Н.В. Деятельность законодателя в построении института подследственности уголовных дел: психологические аспекты // Юридическая психология. 2014. № 3.
656. Оснадцатый век. Исторический сборник, издаваемый Петром Бартеневым. Кн. 4. М., 1869.
657. Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека. М., 2010.
658. Остапец О.Г. Парадигма реформирования Конституции России на современном этапе // Российская юстиция. 2016. № 3.
659. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб., 2008.

660. Очерки конституционной экономики: Статус Банка России / отв. ред. П.Д. Баренбойм, В.И. Лифитский. М., 2001.
661. Павленис Р.И. Проблема смысла. М., 1983.
662. Павликов С.Г. Конституционная доктрина правового государства // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7.
663. Панов М.М. Оценка деятельности и система управления компанией на основе КРІ. М., 2013.
664. Панченко В.Ю., Сабилов А.М. Бездействие в правотворчестве // Современное право. 2015. № 6.
665. Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000.
666. Партикуляризм // Большая советская энциклопедия / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. Т. 19. М., 1975.
667. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971.
668. Парыгин Б.Д. Социальная психология как наука. Л., 1965.
669. Парыгин Б.Д. Социальная психология. Истоки и перспективы. СПб., 2010.
670. Пастушенко Е.Н. Правовые акты Центрального банка Российской Федерации: финансово-правовые аспекты теории : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006.
671. Патрушев С.В. Институциональная политология: Четверть века спустя // Политическая наука: статьи, рефераты, обзоры, переводы / гл. ред. Ю.С. Пивоваров. М., 2009. № 3.
672. Пауль А.Г. Соотношение предметов бюджетно-правового регулирования и правового регулирования государственных и муниципальных бюджетных расходов // Финансовое право. 2016. № 8.
673. Пашков А.В. К вопросу о предмете правового регулирования современного предпринимательского права России // Предпринимательское право. 2014. № 3.
674. Пелевин В.О. iPhuck 10. М., 2018.
675. Першин Е.В., Глигич-Золотарева М.В. Актуальные вопросы разграничения компетенции между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2008. № 2.

676. Петелин Н.С. Назначение, устройство и очерк деятельности Государственного банка. Спб., 1892.
677. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб., 1907.
678. Петров Б.Д. Естественноисторические взгляды Галена // Гален К. О назначении частей человеческого тела. М., 1971.
679. Петухов В.В. Психология мышления. М., 1987.
680. Петухова И.Э. Проблемы применения законной неустойки за нарушение сроков передачи объектов недвижимости // Юрист. 2016. № 13.
681. Петёнкина О.А. Этика симулякров Жана Бодрийяра (анализ постмодернистской рецепции этического). Тула, 2006.
682. Пешкова Х.В., Бондарева Э.С., Каменская С.В., Митричев И.А. Комментарий к Федеральному закону от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2018.
683. Питер Ю, Кардона М. Основы физики полупроводников / пер. с англ. И.И. Решиной ; под ред. Б.П. Захарчени. 3-е изд. М., 2002.
684. Платон. Законы. М., 2001.
685. Платон. Сочинения. Т. III. Ч. 2. СПб., 2007.
686. Плахов А.С. Проблема специфики современного естественнонаучного познания в свете философских концепций Жюль Делеза : дис. ... канд. филос. наук. М., 2015.
687. Побережная И.А. Послание Президента РФ и его место в системе права России // Конституция и доктрины России современным взглядом : материалы Всерос. науч. конф. (Москва, 17 марта 2009 г.). М., 2009.
688. Погодин А.В. Дефекты объективного права // Российское право в Интернете. М., 2010.
689. Подготовка и продвижение проектов в благотворительные фонды и организации / под ред. Н.В. Борисова. СПб., 2002.
690. Поздняков Э.А. Геополитика. М., 1995.
691. Поздняков Э.А. Нация, национализм, национальные интересы. М., 1994.

692. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998.
693. Полдников Д.Ю. Договорные теории глоссаторов. М., 2008.
694. Поленина С.В. Правотворческая политика // Российская правовая политика / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2003.
695. Поленина С.В., Колдаева Н.П. Правотворчество в Российской Федерации (актуальные проблемы теории и практики // Российская юстиция. 2009. № 5.
696. Политология / отв. ред. Б.И. Краснов. М., 1991.
697. Половова Л.В. Техничко-юридические дефекты законодательных текстов как основания интерпретационной практики // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сб. ст. : в 2 т. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 1.
698. Полубинская С.В. Учет социально-психологических обстоятельств при объявлении деяний преступными // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981.
699. Поляков А.В. Общая теория права. СПб., 2003.
700. Поляков С.Б. Дефекты законодательства и правоприменительной практики как предмет юридической науки // Российский юридический журнал. 2017. № 1.
701. Полякова Н.Б. Онтология власти в поле социального // Социальная онтология: конструктивно-герменевтический подход. Сер. «Научные школы» : сб. науч. ст. / под общ. ред. О.Н. Бушмакиной, М.Л. Дерябина, Н.Б. Поляковой, А.А. Шадрина. Ижевск, 2011.
702. Понкин И.В. Теория антикризисного государственного управления // Право и управление. XXI век. 2014. № 4(33).
703. Понкин И.В. Теория девиантологии государственного управления: Неопределенности, риски, дефекты, дисфункции и провалы в государственном управлении. М., 2016.
704. Попиков О. Наделенные правом «экстремисты» // ЭЖ-Юрист. 2013. № 14.
705. Попов А.П. Целеполагание в современном отечественном уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2006.

706. Попов Л.Л. Административное право. М., 2005.
707. Попов Ю.В., Вид В.Д. Современная клиническая психиатрия. М., 1997.
708. Попова А.В. Русская неолиберальная политико-правовая доктрина как интегральный тип правопонимания в конце XIX — начале XX в. // Политика и общество. 2014. № 2.
709. Поппер К. Что такое диалектика // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 118–138.
710. Порус В.Н. Этика науки в структуре философии науки // Этнос науки / отв. ред. Л.П. Киященко, Е.З. Мирская. М., 2008.
711. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации // Парламентская газета. 2016. № 45.
712. Потестарность: генезис и эволюция / под ред. В.А. Попова. СПб., 1997.
713. Правовая жизнь российского общества в условиях глобализации / Афанасьев С.Ф., Игнатенкова К.Е., Соломатин А.Ю. и др. ; под ред. А.В. Малько. М., 2017.
714. Прайс Д. Малая наука, большая наука // Наука о науке / под ред. В.Н. Столетова. М., 1996.
715. Предмет и метод уголовно-правового регулирования. История, теория и практика. М., 2016.
716. Пресняков М.В. Коллизия конституционных прав: проблема обеспечения справедливого баланса // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 20.
717. Пресняков М.В. Конституционная концепция принципа справедливости / под ред. Г.Н. Комковой. М., 2009.
718. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. М., 1994.
719. Применение метода декомпозиции при решении неравенств : метод. пособие. М., 2019.
720. Проблемы правовой ответственности государства, его органов и служащих. Круглый стол журнала «Государство и право» // Государство и право. 2000. № 3.
721. Прокурорская проверка. Методика и тактика проведения : учеб. пособие / Е.А. Бурмистрова, И.И. Головкин, Г.В. Дытченко и др. ; под ред. О.Н. Коршуновой. 2-е изд. М., 2019.
722. Пронина Е.Н. Философия. М., 2011.

723. Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. М., 2001.
724. Прудон П.Ж. Французская демократия (о политической способности рабочих классов). Изд. 2-е. М., 2011.
725. Прудон П.Ж. Что такое собственность?, или Исследование о принципе права и власти; Бедность как экономический принцип; Порнократия, или Женщины в настоящее время. М., 1998.
726. Пряхина Т.М. Конституционная доктрина как фактор оптимизации правовой политики современной России // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 1.
727. Пряхина Т.М. Конституционная доктрина РФ / под ред. В.О. Лучина. М., 2007.
728. Псарев Г. Логико-структурный подход — основа действий. Юго-восточная Финляндия — Россия. 2020.
729. Психиатрия / под ред. Н.Г. Незнанова, Ю.А. Александровского, Л.М. Барденштейна, В.Д. Вида, В.Н. Краснова, Ю.В. Попова. М., 2009.
730. Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. 2-е изд. СПб., 2006.
731. Пузиков Р.В. Доктрина как форма и источник формирования правовой политики // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2011. № 2(27).
732. Пузиков Р.В. Доктрина правовых запретов как средство реализации правовой политики современной России // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. «Право». 2012. № 1(11).
733. Путило Н.В. Юридические критерии социального государства: новые подходы // Журнал российского права. 2016. № 10.
734. Путин В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февр.
735. Пьянов Н.А. Актуальные проблемы теории государства и права. Иркутск, 2007.
736. Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права : учеб. пособие. Иркутск, 2008.

737. Радченко Т., Паршина Е. Оценка регулирующего воздействия в России: практика применения и выводы из теории // Экономическая политика. 2014. № 3.
738. Радько Т.Н. Теория государства и права в схемах и определениях. М., 2011.
739. Раздольская В.И. Европейское искусство XIX века: классицизм, романтизм. СПб., 2005.
740. Разеев Д.Н. Телеологический принцип в науке (трансцендентальный подход) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2009.
741. Разеев Д.Н. Телеология Иммануила Канта. СПб., 2010.
742. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 6-е изд. М., 2011.
743. Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа. СПб., 1995.
744. Райлян А.А. Потребительское право России: Основные положения. СПб., 2005.
745. Рапацкая Л.А. Романтизм в художественной культуре Европы XIX в.: открытие «внутреннего человека». М., 2008.
746. Рарог А.И. Проблемы субъективной стороны преступления. М., 1991.
747. Рассел Б. История западной философии. Новосибирск, 2001.
748. Рафалюк Е.Е., Власенко В.Н. Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды // Журнал российского права. 2014. № 9.
749. Ребане И.А. О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1958. № 1.
750. Ревзина О.Г. О понятии коннотации // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве : сб. науч. ст. к 80-летию проф. К.В. Горшковой. М., 2001.
751. Регулятор не увидел негативных последствий расчистки банковского сектора // Banki.ru. 2017. 31 июля.
752. Решетов И.В. Алгоритм решения управленческих задач и его применение в инновационном процессе // Проблемы теории и практики управления. М., 2009. № 11.

753. Римский В.Л. Гражданское и экспертное участие в подготовке, принятии и реализации доктринальных документов // Конституция и доктрины России современным взглядом : материалы Всерос. науч. конф. (Москва, 17 марта 2009 г.). М., 2009.
754. Робеспьер М. Избранные произведения : в 3 т. М., 1965.
755. Рождественская Т.Э. Теоретико-правовые основы банковского надзора в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012.
756. Розанов В.В. Уединенное. М., 1990. Т. 2.
757. Розанова О.В. Супрематизм и критика // Анархия: газета. 1918. № 86.
758. Роздольская И.В., Мозговая Ю.А. Экспликация понятия «цель» в современном управленческом дискурсе // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2012. № 3.
759. Ромашов Р.А. Перманентная переходность как постоянное состояние российской государственно-правовой системы // Кризис права: история и современность : монография / под общ. ред. В.В. Денисова, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова. СПб., 2018.
760. Российское законодательство: проблемы и перспективы / ред. кол. Л.А. Окуньков и др. М., 1995.
761. Ростокинский А.В. Проблемы реформирования уголовного законодательства в современной России // Российский следователь. 2016. № 21.
762. Руева Е.О. Актуальные проблемы нормотворческой юридической техники на примере КоАП РФ // Административное право и процесс. 2017. № 8.
763. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. М., 1938.
764. Ручкина Г.Ф., Сарнаков И.В. Полная стоимость потребительского кредита: проблемы теории и практики // Банковское право. 2013. № 4.
765. Рыбаков О.Ю. Формы реализации правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2003. № 2.

766. Рыженков А.Я. Право и монополии в современной России : монография. М., 2017.
767. Рязанов Д.С. Религиозный экстремизм, религиозно-политический экстремизм и религиозный фундаментализм: общее, особенное, единичное // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 7.
768. Рязанцев В.Д. Имена и названия : словарь эпонимов. М., 1998.
769. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий. М., 1993.
770. Сабаева С.В. Критерии соблюдения и защиты прав и свобод человека в Российской Федерации: проблемы методологии // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 5.
771. Сабаева С.В. Система конституционных ценностей, прав и свобод человека в Российской Федерации как основа проведения мониторинга состояния их защищенности // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 2.
772. Сабо И. Социалистическое право. М., 1964.
773. Савин А.Э. Генезис нормативного социального порядка как философская проблема // Мир человека: нормативное измерение-3. Рациональность и легитимность : сб. трудов Междунар. науч. конф. Саратов, 2013.
774. Садовникова Г.Д. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 10-е изд. М., 2017.
775. Сайтаева Т.И. Языковая природа социальных стереотипов // Социальная онтология: конструктивно-герменевтический подход : сб. науч. ст. / под общ. ред. О.Н. Бушмакиной, М.Л. Дерябина, Н.Б. Поляковой, А.А. Шадрина. Ижевск, 2011.
776. Салмин А.М. Современная демократия: очерки становления и развития. М., 2009.
777. Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города // Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений : в 20 т. Т. 8. М., 1969.
778. Сальников В.П., Борисов О.С., Кондрат Е.Н. Комментарий к Федеральному закону от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О вой-

- сках национальной гвардии Российской Федерации» (постатейный). М., 2016.
779. Самарская Е.А. Бодрийяр Жан. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.
780. Санистебан Л.С. Основы политической науки. М., 1992.
781. Сапфинова А.А. Защита трудовых прав работников федеральной инспекцией труда. М., 2016.
782. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989.
783. Сахнова Т.В. Актуальные парадигмы цивилистического процесса // Вестник гражданского процесса. 2016. № 2.
784. Свирский Я.И. Нелинейный мир постнеклассической науки и творческое наследие Ж. Делёза. М., 2004.
785. Селюков А.Д. Вопросы методологии в познании финансово-правовых явлений // Финансовое право. 2015. № 8.
786. Семенов Е.А. Категория цель и принцип целесообразности с позиции конечных и действующих причин // Перспективы метафизики. Классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков : материалы межд. конф. (Санкт-Петербург, 28–29 октября 1997 г.). СПб., 1997.
787. Сенатова Е.В. Предмет административно-правового регулирования при исполнении уголовных наказаний // Административное право и процесс. 2018. № 9.
788. Сергевнин С.Л. Отдельные проблемы конституционно-правового регулирования в контексте общетеоретических проблем пробелов и дефектов // Материалы межд. науч. конф. (Москва, 28–31 марта 2007 г.) / под ред. С.А. Авакьяна. М., 2008.
789. Сергеев А.Л. Конституционная ответственность палат Федерального собрания Российской Федерации // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2006. № 4.
790. Сергеев В.В., Захаров С.О. Медицинские и юридические аспекты врачебных ошибок // Здоровоохранение Российской Федерации. 2000. № 1.
791. Сергеев К.А., Слинин Я.А. Природа и разум: античная парадигма. Л., 1991.

792. Серёдкина Е.В. Расширенное понятие диалога в рамках постнеклассической науки // Ученые записки студентов и аспирантов гуманитарного факультета ПГТУ. 2003. № 9.
793. Серова О.А. Социально значимые рынки как предмет правового регулирования: основные проблемы // Предпринимательское право. 2018. № 4.
794. Сибгатуллина Г.Р. Дефекты права: причины и механизмы их устранения // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1.
795. Сидоров А.Н. Жан-Поль Сартр и либертарный социализм во Франции (50–70-е гг. XX в.). Иркутск, 2006.
796. Сильченко Н.В. Границы деятельности законодателя // Государство и право. 1991. № 8.
797. Синюков В.Н. Законодательство в России: проблемы социальной интеграции // Lex russica. 2018. № 10.
798. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М., 2010.
799. Скирбекк Г., Гилье Н. История философии : учеб. пособие / пер. с англ. В.И. Кузнецова ; под ред. С.Б. Крымского. М., 2003.
800. Сколимовский Г. Славянская философия: вымысел или будущее? // Агентство русской информации. 2001. 7 июля.
801. Скороходова О.И. О некоторых эстетических восприятиях слепоглухих // Развитие психики в условиях сенсорных дефектов. М., 1966.
802. Слесарев С. Палка о двух концах // ЭЖ-Юрист. 2016. № 24.
803. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд. М., 1999.
804. Сморгунов Л.В. В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке. СПб., 2012.
805. Смулевич А.Б. Проблема паранойи. М., 1972.
806. Смулевич А.Б., Воробьев В.Ю. Психопатология шизофренического дефекта (к построению интегративной модели негативных изменений) // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 1988. № 9.
807. Снежневский А.В. Шизофрения и патогенез. М., 1969.

808. Современная политическая философия: введение / пер. с англ. С. Моисеева. М., 2010.
809. Согияйнен А.А. Правовые риски медицинской деятельности в современных условиях // Право в Вооруженных силах. 2017. № 4.
810. Сойфер В.Г. Пределы договорного регулирования трудовых отношений нуждаются в расширении // Трудовое право. 2009. № 4.
811. Соколов В.В. Философия Спинозы и современность. М., 1964.
812. Соколова М.А. Выявление и устранение дефектов нормативных правовых актов в механизме правотворчества : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
813. Соколова М.А. Дефекты юридических документов : монография. М., 2016.
814. Солнцева Н.В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этно-семантическом аспекте. Омск, 2004.
815. Солсо Р. Когнитивная психология. М., 1996.
816. Сорокин В.В. Общее учение о государстве и праве переходного периода. М., 2010.
817. Сорокин В.Д. Что такое единый предмет правового регулирования? // Юридическая мысль. 2001. № 2.
818. Сорокин П.А. Социология революции. М., 2005.
819. Сорокина Ю.В. Идеология и политическая власть // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2010. № 1.
820. Социальная онтология: конструктивно-герменевтический подход : сб. науч. ст. / под общ. ред. О.Н. Бушмакиной, М.Л. Дерябина, Н.Б. Поляковой, А.А. Шадрина. Ижевск, 2011.
821. Социальная психология / под ред. А.Н. Сухова, А.А. Деркача. М., 2002.
822. Социальная психология / под ред. С. Московичи. 7-е изд. СПб., 2007.
823. Социальная психология / под ред. Т.В. Фолomeевой. М., 2006.
824. Социокультурные (архетипические и ментальные) основания публично-властной организации общества : моно-

- графия / А.Ю. Мамычев, В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев. М., 2017.
825. Социология права / под ред. Ю.А. Тихомирова, В.П. Кази-мирчук. М., 1973.
826. Спиридонов Л.И. Социальное развитие и право. Л., 1973.
827. Спирин М.Ю. Теоретические проблемы законотворческой деятельности в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
828. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. 2.
829. Старженецкая Л.Н. Правовое регулирование налогообложения контролируемых иностранных компаний: опыт зарубежных стран и России. М., 2018.
830. Старилов Ю.Н. Административное судопроизводство и административные процедуры: к системному взаимодействию и надлежащему уровню правовой регламентации // Административное право и процесс. 2018. № 3.
831. Старостина И.А. Конституционно-правовые проблемы лоббизма в России и за рубежом // Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом / отв. ред. С.А. Авакьян. М., 2016.
832. Стахов А.И. О необходимости смены парадигмы отечественного административного права под воздействием конституционных норм // Административное право и процесс. 2018. № 6.
833. Степаненко Д.А., Лавдаренко Л.И. Проблема исключения судебных ошибок и обеспечения стабильности судебных решений в сфере уголовного судопроизводства // Российский судья. 2016. № 4.
834. Степанова А.С. Философия Стои как феномен эллинистическо-римской культуры. СПб., 2012.
835. Стёпин В.С. Теоретическое знание. М., 2000.
836. Стерледев Р.К., Стерледева Т.Д. Проблема синхронистичности и возможные варианты ее решения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. Т. 2. № 3(65).

837. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М., 2015.
838. Стоименов Й.А., Стоименова М.Й., Коева П.Й. и др. Психиатрический энциклопедический словарь. К., 2003.
839. Столяров А.А. Стоя и стоицизм. М., 1995.
840. Сторер Н. Социология науки. Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972.
841. Стрижков Ю.К. Из истории введения продовольственной разверстки // Исторические записки. Т. 71. М., 1962.
842. Субботин Ю.К. Проблема ценности в неотомизме. М., 1980.
843. Судейкин В. Государственный банк. Спб., 1884.
844. Сулакшин С.С., Погорелко М.Ю., Вилисов М.В., Малчинов А.С., Нетесова М.С., Симонов В.В. Российские доктрины как акты государственного управления. М., 2012.
845. Сумбаев И.С. О клиническом значении болезненных предчувствий и ожиданий // Проблемы общей психопатологии. Иркутск, 1958.
846. Сулова Н.В. Дефекты в российском праве: постановка проблемы, научные подходы, понятие // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2.
847. Сулова С.И. Злоупотребление правами в жилищной сфере // Юрист. 2013. № 2.
848. Сурков В. Долгое государство Путина // Независимая газета. 2019. 11 февр.
849. Сырых В.М. Материалистическая теория права : избранное. М., 2011.
850. Сырых В.М. Теория государства и права. М., 1998.
851. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М., 1986.
852. Тарановский Ф.В. Энциклопедия права : учеб. пособие. 3-е изд. СПб., 2001.
853. Тарибо Е.В. Судебный конституционный нормоконтроль: осмысление российского опыта : монография. М., 2018.
854. Таут С. Дефицит финансов. Как зачистка банковского рынка вредит экономике // Forbes Russia. 2018. 12 окт.
855. Телин К.О., Филимонов К.Г. Пробелы идентичности. Как и почему нация ускользает от государства // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 1.

856. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
857. Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М., 1997.
858. Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2007.
859. Теория систем и системный анализ в управлении организациями / под ред. В.Н. Волковой, А.А. Емельянова. М., 2006.
860. Теплов Б.М. Психология и психофизиология индивидуальных различий. М. ; Воронеж, 1998.
861. Тиганов А.С., Снежневский А.В., Орловская Д.Д. и др. Паранойальная шизофрения и проблема паранойи // Руководство по психиатрии : в 2 т. / под ред. А.С. Тиганова. М., 1999. Т. 1.
862. Тимиргазин С.Р. Предмет и пределы нормативно-правового регулирования отношений в сфере государственно-частного партнерства // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 8.
863. Тимофеева О. Введение в эротическую философию Ж. Батая. М., 2009.
864. Тимофеева О. Химера суверенности: между Шмиттом и Батаяем // Синий диван. 2008. № 12.
865. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / под ред. А.А. Холодовича. Л., 1969.
866. Титенко Ю.А., Трофимова В.Е. Законодательная правовая политика: проблемы теории и практики // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2010. № 3.
867. Тихомиров О.К. Психология мышления. М., 1984.
868. Тихомиров Ю. Проверим правописание. Почему Уголовный кодекс оказался в лохмотьях, а Административный вырос втрое // Российская газета. 2014. 28 окт.
869. Тихомиров Ю.А. Административное право и процесс: Полный курс. М., 2001.
870. Тихомиров Ю.А. Последствия правовых актов: оценка и коррекция // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 3.

871. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М., 2008.
872. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. М., 2001.
873. Тихомиров Ю.А. Эффективность закона и мониторинг. М., 2010.
874. Тихомиров Ю.А., Котелевская И.В. Правовые акты. М., 1999.
875. Тихомирова Л.А. Конституционные основы разграничения предметов ведения и полномочий Российской Федерации и ее субъектов в области охраны окружающей среды: научно-практическое исследование // СПС КонсультантПлюс. 2010.
876. Тихонравов Ю.В. Основы философии права. М., 1997.
877. Ткаченко С.В. Возможность рецепции доктрины права в российскую правовую систему // Российская юстиция. 2018. № 11.
878. Толкаченко А.А. О духе и букве закона // Право в Вооруженных силах. 2003. № 10.
879. Толстик В.А., Азархин А.В. Некоторые теоретико-методологические проблемы целеполагания в законодательстве // Вестник Саратовской государственной академии права. 2010. № 6(76).
880. Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л., 1959.
881. Толстопятенко Г.П. Европейское налоговое право. М., 2001.
882. Тосунян Г.А., Викулин А.Ю. Государственное регулирование и мораль. Т. 1: Сила в правде. Некоторые признаки государственного имморализма на примере законодательства о кредитных историях. М., 2018.
883. Тосунян Г.А., Викулин А.Ю. Общий и постатейный комментарий к Федеральному закону «О реструктуризации кредитных организаций». М., 2000.
884. Тосунян Г.А., Викулин А.Ю. Постатейный комментарий к Федеральному закону от 30 декабря 2004 года № 218-ФЗ «О кредитных историях». М., 2006.
885. Тосунян Г.А., Викулин А.Ю. Постатейный комментарий к Федеральному закону «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». М., 2003.

886. Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1999.
887. Трофимова Г.А. Субъективная сторона конституционного деликта: краткий анализ // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 6.
888. Трошин Г.Я. Антропологические основы воспитания: Сравнительная психология нормальных и ненормальных детей. Пг., 1915.
889. Трубников Н.Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1968.
890. Трутнев Э.К. Вопросы установления санитарно-защитных зон // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 6–7.
891. Тухватуллин Т.А. Предметы ведения субъектов Российской Федерации: проблемы идентификации и правового регулирования (конституционно-правовое исследование) // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 1.
892. Тухватуллин Т.А. Разграничение предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации в современных условиях : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
893. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990.
894. Уваров А.А. Вопросы конституционно-правового статуса общественных некоммерческих организаций // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 9.
895. Угрин И.М. Российская государственность и имперская парадигма: Философский анализ. М., 2017.
896. Уемов А.И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963.
897. Украинцев Б.С. Процессы самоуправления и причинность // Вопросы философии. 1968. № 4.
898. Умнова (Конюхова) И.А., Степаненко А.С. Легитимность конституций (уставов) субъектов Российской Федерации в контексте их защиты органами конституционного контроля в Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 4.
899. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 1998.

900. Усманова Р.М. Муниципально-правовое регулирование: предмет и объекты // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 12.
901. Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией / Т.А. Едкова, О.А. Иванюк, А.В. Сороко и др. ; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2013.
902. Фадеева Е.С. Целеполагание в правовом мониторинге мировой юстиции // Мировой судья. 2018. № 6.
903. Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие. Казань, 2003.
904. Федоров П.Г. Деловая репутация юридического лица и ее защита // Юрист. 2010. № 11.
905. Федоров Ф.П. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига, 1988.
906. Фельдштейн Г.С. Учение о формах виновности в уголовном праве. М., 1902.
907. Ференс-Сороцкий А.А. О некоторых актуальных проблемах общей теории права // Правоведение. 2009. № 6.
908. Фернам А., Аргайл М. Деньги. Секреты психологии денег и финансового поведения. СПб., 2006.
909. Филаненко А.Ю. Уголовно-правовые аспекты борьбы с хищением // Российская юстиция. 2008. № 10.
910. Филимонов К.Г. О конвергенции академических исследований и политических практик в «политике идентичности»: от эссенциализма к управлению идентификациями политических сообществ // Politbook. 2017. № 4.
911. Филиппова С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. М., 2011.
912. Философия : энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М., 2004.
913. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М., 1983.
914. Философский энциклопедический словарь. М., 2009.
915. Фомин И.Н. Целеполагание в договорных конструкциях // Юрист. 2016. № 24.

916. Фомичева О.А. Митинг и иные публичные мероприятия как форма законотворческой деятельности // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 10.
917. Фрезе А.У. Очерк судебной психологии. М., 1871.
918. Фрейберг А. Кудрин призвал Россию отказаться от национального эгоизма // Gaganews.ru. 2017. 2 ноября.
919. Фрейтак Н. Потребительский терроризм в автобизнесе // ЭЖ-Юрист. 2014. № 45.
920. Фридман Л.М. Основы проблемологии. М, 2001.
921. Фридмен М., Хайек, Ф. О свободе. М., 2003.
922. Фролов И.Т. Генетика и диалектика. М., 1968.
923. Фролов И.Т. Детерминизм и телеология // Вопросы философии. 1958. № 2.
924. Фролов И.Т. Органический детерминизм. Телеология и целевой подход в исследовании // Вопросы философии. 1970. № 10.
925. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001.
926. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / пер. с нем. Л.В. Воропай. М., 2010.
927. Хабриева Т.Я. Доктринальное значение российской Конституции // Журнал российского права. 2009. № 2.
928. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М., 2007.
929. Хаврак А.П. Философия : учеб. пособие. М., 2005.
930. Хайек Ф.А. фон. Дорога к рабству / пер. с англ. ; предисл. Н.Я. Петракова. М., 1992.
931. Халперн Д. Психология критического мышления. СПб., 2000.
932. Хафизов Э.Д. К вопросу о генезисе правового позитивизма // Правовое государство: теория и практика. 2010. № 4(22).
933. Хевеши М.А. Толпа, массы, политика. М., 2001.
934. Хейзинга И. В тени завтрашнего дня. М., 1992.
935. Хиггс Р. Кризис и Левиафан. Поворотные моменты роста американского правительства. М., 2010.

936. Хлуденева Н.И. Дефекты в экологическом праве: понятие и виды // Журнал российского права. 2014. № 11.
937. Хмелева Т.И. Профессиональная деятельность граждан на рынке ценных бумаг // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 3.
938. Ходукин Д.В. Формы правовых предписаний : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001.
939. Ходукин Д.В. Функциональная роль юридических предписаний в механизме правового регулирования общественных отношений // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 10.
940. Холявко А. В России стало больше бедных // Ведомости. 2019. 30 июля.
941. Хорошев А.Н. Введение в управление проектированием механических систем : учеб. пособие. Белгород, 1999.
942. Хрулев В.И. Романтизм как тип художественного мышления. Уфа, 1985.
943. Цветков И.Ф. О древних антиминсах, находящихся в Калужской архиерейской ризнице, в связи с историей антиминса вообще // Калужская старина. Т. III. Калуга, 1903.
944. Цехер Г.Я. Потребительский экстремизм: природа, формы проявления и меры противодействия // Бизнес, менеджмент и право. 2003. № 2.
945. Цитович Л.В., Никишов А.Б. К вопросу о видах и структуре уголовно-процессуальных норм // Российская юстиция. 2019. № 2.
946. Цурков В.И. Декомпозиция в задачах большой размерности / под ред. Г.С. Пospelова. М., 1981.
947. Цыбуляк С.И. Дефекты конституционно-правового регулирования избирательных отношений в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2010.
948. Чаннов С.Е. Развитие конституционной ответственности депутатов представительных органов власти // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4.
949. Чаплин Н.Ю. Понятие и особенности земельного участка как объекта гражданских прав // Журнал российского права. 2018. № 8.

950. Чапчиков С.Ю. Необходима конституционная доктрина безопасности личности, общества, государства // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 6.
951. Чеговадзе Л.А. Злоупотребление правом как форма гражданского правонарушения // Юрист. 2013. № 2.
952. Чегринец Е.А. Конституционно-правовой статус Централь-ных банков Европейского союза (на примере европейской системы Центральных банков) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
953. Чем выше статус, тем лучше судьи // Российская газета. 2006. 3 авг.
954. Чепенко Я.К. Конституционные пробелы и их категориаль-ное обоснование в соотношении с правовой неопределен-ностью // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 12.
955. Черданцев А.Ф. Правовое регулирование и конкретизация права // Применение советского права. Вып. 30. Сверд-ловск, 1974.
956. Черданцев А.Ф. Теория государства и права : учеб. для ву-зов. М., 2001.
957. Черкесов Г.Н., Можаяев А.С. Логико-вероятностные методы расчета надежности структурно-сложных систем // Надеж-ность и качество изделий. М., 1991.
958. Черненко И.Г. Способы выражения аргументации в этико-философском дискурсе И. Канта : автореф. дис. ... канд. фи-лол. наук. Калининград, 2005.
959. Черникова И.В. Постнеклассическая наука и философия процесса. Томск, 2007.
960. Чернобель Г.Т. Правовые принципы как идеологическая па-радигма // Журнал российского права. 2010. № 1.
961. Чичерин Б.Н. Общее государственное право. М., 2006.
962. Чувакова Л.А. Причины и условия ошибочной юридической деятельности (проблемы методологии) : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003.
963. Чухвичев Д. В. Законодательная техника : учеб. пособие. М., 2010.
964. Чухвичев Д.В. Законодательная техника. М., 2014.

965. Чхутиашвили Л.В. Актуальные вопросы регулирования кредитного договора по российскому праву // Банковское право. 2012. № 1.
966. Шадрин А.А. Принцип субъект-объектного тождества: от Ф. Шеллинга к М. Хайдеггеру и далее // Социальная онтология: конструктивно-герменевтический подход. Сер. «Научные школы» : сб. науч. ст. / под общ. ред. О.Н. Бушмакиной, М.Л. Дерябина, Н.Б. Поляковой, А.А. Шадрина. Ижевск, 2011.
967. Шапиро Д. Автономия и ригидная личность / пер. с англ. В. Мершавки, А. Телицыной. М., 2009.
968. Шарифуллин Б.Я. Речевая инвектива на randеву лингвистики и юриспруденции: Pro et contra // Юрислингвистика. 2005. № 6.
969. Шатохин И.Д. Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2018.
970. Шеллинг Ф.В.И. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М., 1987.
971. Шептулин А.П. Диалектика единичного, особенного и общего. М., 1973.
972. Шерстобитов А.Е. Гражданско-правовые вопросы охраны прав потребителей. М., 1993.
973. Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. Казань, 1893.
974. Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления). СПб., 1905.
975. Шефер Б. Законы победителей. Минск, 2016.
976. Шибанова Е.В. О некоторых ошибках законодательной техники УПК РФ // Российский следователь. 2013. № 17.
977. Ширвиндт А.М. Ограничение свободы договора в целях защиты прав потребителей в российском и европейском частном праве / под общ. ред. А.Л. Маковского. М., 2014.
978. Широканова А.А. Субъект и механизмы создания знания в теориях реляционной и актор-сетевой социологии // Материалы VIII Всеукр. науч.-практ. конф. «Проблемы развития социологической теории: современная социологическая теория и постсоветские трансформации (21–22 апреля 2011 г. Киев). К., 2012.

979. Шишков К.А. Современный неотомизм: история и политика в философии Ж. Маритена. Тверь, 1999.
980. Шмелева Г.Г. Конкретизация юридических норм в правовом регулировании. Львов, 1988.
981. Шмелева М.В. Определение целей (задач) эффективной системы государственных закупок // Финансовое право. 2018. № 2.
982. Шмитт К. О трех видах юридического мышления // Шмитт К. Государство: Право и политика / пер. с нем. и вступ. ст. О.В. Кильдюшова ; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М., 2013.
983. Шмитт К. Политическая теология // Политическая теология : сб. М., 2000.
984. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М., 2016.
985. Шопина О.В. Система правовых актов: проблемы выстраивания // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. № 2.
986. Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков, 1994.
987. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
988. Штурнев А.Е. Конституционно-правовая ответственность за избирательные правонарушения: понятие и особенности юридической природы // Академический юридический журнал. 2003. № 2.
989. Шувалов И.И. Теория законотворчества. М., 2006.
990. Шульженко Ю.Л. О понятии «правовая охрана Конституции» // Государство и право. 2002. № 7.
991. Шульман Е. Законотворчество как политический процесс. М., 2014.
992. Шульман Е.М. Политические условия и факторы трансформации законотворческого процесса в современной России : автореф. ... канд. полит. наук. М., 2013.
993. Шундииков К.В. Цели и средства в праве (общетеоретический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999.
994. Щеглов А.Ф. (Анти)критика современных форм насилия Славоем Жижекком // Известия Алтайского государственного университета. 2014. Т. 1. Вып. 2(82). Январь.

995. Щекин Д.М. О кризисе правосудия по налоговым спорам // Закон. 2016. № 10.
996. Эдельштейн А.О. Исходные состояния шизофрении. М., 1938.
997. Экзистенциальная психология. Экзистенция / пер. с англ. М. Занадворова, Ю. Овчинниковой. М., 2001.
998. Экономико-математический словарь : словарь современной экономической науки. М., 2003.
999. Элементарные начала общей теории права. Право и закон / под общ. ред. В.И. Червонюка. М., 2003.
1000. Элиаде М. Сакральное и профанное. М., 1994.
1001. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М., 2003.
1002. Эренбург И. Золотое сердце. Ветер. М. ; Берлин, 1922.
1003. Эренбург И. Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников. М., 1989.
1004. Этика стоицизма. Традиции и современность / под ред. А.А. Гусейнова. М., 1991.
1005. Эткинд А.М., Ярошевский М.Г. Здравый смысл // Социальная психология : словарь / под. ред. М.Ю. Кондратьева. М., 2006.
1006. Юнг К.Г. О синхронистичности // Сознание и бессознательное. СПб., 1997.
1007. Юнг К.Г. Синхронистичность: акаузальный объединяющий принцип // Юнг К.Г. Синхронистичность. М., 1997.
1008. Юридическая энциклопедия. М., 2015.
1009. Яворская Н.В. Романтизм и реализм во Франции в XIX веке. М., 1938.
1010. Якимова Е.М. Концепция свободы предпринимательской деятельности как элемент экономической основы конституционного строя в России и в мире: поиск оптимального решения // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 1.
1011. Яневич-Яневский К.Я. Мысли об уголовной юстиции с точки зрения психологии и физиологии // Юридические записки. 1862.

1012. Яркова Е.Н. Утилитаризм как стимул самоорганизации культуры и общества // *Общественные науки и современность*. 2002. № 2.
1013. Ярковой С.В. Законность и обеспечение реализации, соблюдения и защиты прав граждан и организаций в административной правоприменительной деятельности // *Журнал российского права*. 2018. № 4.
1014. Ясницкий А. К истории культурно-исторической гештальт-психологии: Выготский, Лурия, Коффка, Левин и др. // *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*. 2012. № 1.
1015. Яснопольский Л.Н. Государственный банк. Спб., 1907.
1016. Ясперс К. *Общая психопатология* / пер. с нем. Л.О. Акопяна. М., 1997.
1017. Яценко А.И. *Целеполагание и идеалы*. Киев, 1977.
1018. Barber B. *Science and the Social Order*. Glencoe, 1952.
1019. Barnes S.B., Dolby R.G. *The Scientific Ethos: a Deviant Viewpoint* // *Archives Européennes de Sociologie*. 1970. Vol. 11. № 1.
1020. Baumgartner F., Jones B.D. *Agendas and Instability in American Politics*. Chicago, 1993.
1021. Berle A.A., Means G.C. *Modern Corporation and Private Property*. N. Y., 1934.
1022. Breckman Warren. *Adventures of the symbolic: post-Marxism and radical democracy*. N. Y., 2013.
1023. Caws Peter. *Structuralism: the art of the intelligible*. N. J. ; L., 1991.
1024. Donati P. *Relational Sociology: A New Paradigm for the Social Sciences*. L. ; N. Y., 2011.
1025. Dosse François. *Structuralism* // *The Edinburgh Companion to Twentieth-Century Philosophies*. Edinburgh, 2007.
1026. Etzioni A. *The Normativity of Human Rights Is Self-Evident* // *Human Rights Quarterly*. 2010. Vol. 32. № 1.
1027. Gaston J. *Social Processes in Science* // *New Scientist*. 1972. Vol. 56. № 823.

1028. Gersick C. Time and transition in work teams: Toward a new model of group development // *Academy of Management Journal*. 1988. № 31 (Oct.).
1029. Goldwater R., Treves M. *Artists on Art*. N. Y., 1945.
1030. Grac J. *Exemplificacia: Vzory a modely v zivote cloveka*. Bratislava, 1990.
1031. Grelling, K. *Bemerkungen zu den Paradoxien von Russell und Burali-Forti* // *Abhandlungen der Friesschen Schule II*, 1908.
1032. Hagstrom W.O. Competition in Science // *American Sociological Review*. 1974. Vol. 39. № 1.
1033. Hanson J.K. *Democracy and State Capacity: Complements or Substitutes?* // *Studies in Comparative International Development*. 2015. January 15.
1034. Harper T. *The Punctuated Equilibrium Macropattern of World System Urbanization and the Factors that Give Rise to that Macropattern* // *Social Evolution & History*. 2017. Vol. 16. № 1 (March).
1035. Hirsch W. *Knowledge for What?* // *Bulletin of the Atomic Scientists*. Chicago, 1965. Vol. 21. № 5.
1036. Hirsch W. *Scientists in American Society*. N. Y., 1968.
1037. Hörmann H. *Psychologie der Sprache*. Berlin, 1977.
1038. Hustedt T., Houlberg Salomonsen H. Ensuring Political Responsiveness: Politicization Mechanisms in Ministerial Bureaucracies // *International Review of Administrative Sciences*. 2014. Vol. 80. № 4.
1039. Janzarik W. *Basisstorungen: Eine Revision mit strukturdynamischen Mitteln* // *Der Nervenarzt*. 1983. Bd. 54.
1040. Johnston M. *Good Governance: Rule of Law, Transparency, and Accountability* // <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan010193.pdf>
1041. Jones R. *Rights, Wrongs and Referees* // *New Scientist*. 1974. Vol. 61. № 890.
1042. Kurzweil Edith. *The Age of Structuralism: From Levi-Strauss to Foucault*. L. ; New Brunswick, 1996.
1043. Lundgren M., Squatrito T., Tallberg J. *Stability and change in international policy-making: A punctuated equilibrium*

- approach // Review of International Organizations. 2017. № 13(4).
1044. Macgregor J. Wise Exploring Technology and Social Space. N. Y., 1997.
1045. Malone J. C. Adaptive midlife defense mechanisms and late-life health // Personality and Individual Differences. 2013 <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/24031102/>
1046. March J.G., Olsen J.P. The new institutionalism: Organizational factors in political life // American political science review. 1984. Vol. 78. № 3.
1047. Meldau F.J. Messiah in Both Testaments. Denver, 1956.
1048. Merton R.K. The ambivalence of scientists // Sociological Ambivalence and other Essaye / Ed. by R.K. Merton. N. Y., 1976.
1049. Merton R.K. The sociology of science. Theoretical and empirical investigation. N. Y., 1973.
1050. Merton R.K. The Ambivalence of Scientists // Science and Society / Ed. N. Kaplan. Chicago, 1965.
1051. Mill J.S. Considerations on Representative Government. Cambridge, 2010.
1052. Milner Jean-Claude. Le Périphe structural. Figures et paradigme. Verdier, 2008.
1053. Mulkay M. Norms and Ideology in Science // Social Sciences Information. 1976. Vol. 15. № 3.
1054. Nelson L. Gesammelte Schriften III. Die kritische Methode in ihrer Bedeutung für die Wissenschaften. Hamburg, 1974.
1055. Numbers R. The Creationists: From Scientific Creationism to Intelligent Design. Cambridge, 2006.
1056. Peckhaus V. Paradoxes in Göttingen // One hundred years of Russell's paradox: mathematics, logic, philosophy. Berlin, 2004.
1057. Pennock R.T. Intelligent Design Creationism and its Critics: Philosophical, Theological & Scientific Perspectives. Cambridge, 2001.
1058. Portillo S., Bearfield D., Humphrey N. The Myth of Bureaucratic Neutrality: Institutionalized Inequity in Local Government Hiring. 2019. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0734371X19828431>

1059. Rothman R. A Dissenting View on the Scientific Ethos // *British J. of Sociology*. 1972. Vol. 23. № 1.
1060. Schmitter Ph.C., Wagemann C., Obydenkova A. Democratization and State Capacity // X Congreso Internacional del CLAD sobre la Reforma del Estado y de la Administración Pública. Santiago, Chile, 2005. Oct.
1061. Smith A. *Powers of the Mind*. Random House, 1975.
1062. Spencer H. *The Man Versus The State*. Idaho, 1960.
1063. Storer N.W. *The Social System of Science*. N. Y. ; L., 1966.
1064. Tollison Robert D. Public Choice and Legislation // *Virginia Law Review*. 1988 .Vol. 74. № 2.
1065. WJP Rule of Law Index 2019. URL: https://worldjusticeproject.org/sites/default/files/documents/WJP-ROLI-2019-Single%20Page%20View-Reduced_0.pdf
1066. Young M., Edis T. *Why Intelligent Design Fails: A Scientific Critique of the New Creationism*. Rutger, 2004.

Викулин Александр Юрьевич

**Основы законодательной дефектологии.
Часть вторая: Общие положения законодательства
и их дефекты.**

Том 1

*Редактор Е. Завадская
Корректор Т. Котельникова
Художник А. Смирнов
Верстка С. Родионова*

Подписано в печать 11.08.2020.
Формат 60х90/16. Объем 24 п.л.
Бумага офсетная. Печать цифровая
Тираж 100 экз. Заказ № 81

Отпечатано в ООО «НОВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
117525, г. Москва, ул. Днепропетровская,
д. 3, корп. 5, пом. III